

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

43 2024
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (542) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Аль-Халиль аль-Фарахиди* (предположительно 718–791 гг.), арабский филолог, представитель басрийской языковедческой школы, создатель методики традиционного арабского языкознания.

Его полное имя Абу Абдурахман аль-Халиль ибн Ахмад ибн Амр ибн Таммам аль-Фарахиди аль-Азди аль-Яхмади. Родился он на юго-востоке Аравийского полуострова, на территории современного Омана. В Басре Халиль ибн Ахмад учился арабскому языку, а также методам его исследования у ас-Сакафи. Филолог изучал литературу, арабский фольклор и стихосложение. Он начал работу над созданием первого арабского словаря, «Книги Айна», которую довели до конца его ученики. Занимался он также и криптографией. Среди учеников Халиля были Сибавейхи и Аль-Лайс ибн аль-Музаффар.

Труды самого Халиля аль-Фарахиди не сохранились. Мир знает о них по упоминаниям у других ученых, например, у Абу Али аль-Мухассин ат-Танухи в своих «Занимательных историях».

Аль-Халиль аль-Фарахиди разработал теорию аруд и бухур арабского стихосложения. Ару́д, или ару́д, — квантитативная система стихосложения, основанная на чередовании долгих и кратких слогов, возникшая в арабской литературе и получившая распространение в персидской и тюркской поэзии. Он также выявил минимальную единицу членения речи — харф; разработал арабскую систему огласовки — харакат; разработал фонетический принцип построения словаря арабского языка; ввел в арабский алфавит знак «хамза».

«Книга Айна» — это первый арабский словарь, составленный в конце VIII века в Басре Халилем ибн Ахмадом аль-Фарахиди и его учениками, названный по первой букве «айн», с которой начинался словарь. Ученый посчитал, что не стоит начинать свой труд со слабой буквы «алиф». Оставив эту букву, он также усомнился в правомерности использования буквы «ба» после

«алифа», «та» после «ба» и т. д. Словарь включал в себя все модели, которые можно образовать от данного корня, даже такие, которых фактически не было в языке. Последние помечались как неупотребительные. Метод, который был применен при составлении этого словаря, использовался на протяжении трех веков.

На основе открытого им метода дешифрования Халиль ибн Ахмад аль-Фарахиди написал книгу «Китаб аль-Муамма». С VIII века н. э. развитие криптографии происходило в основном в арабских странах — именно арабы первыми начали использовать статистику и теорию вероятностей в той или иной форме. Считается, что известный арабский филолог VIII века Халиль ибн Ахмад аль-Фарахиди первым обратил внимание на возможность использования стандартных фраз открытого текста для дешифровки текстов. Метод шифрования, придуманный аль-Фарахиди, представляет собой звуковую часть уже известного языка (в оригинале — арабского). Словарь включает в себя некоторые составляющие исходного языка. Применяется правило отбора слов и букв, согласно которому вышперечисленное не должно подчиняться правилам фонологических исследований, которые аль-Фарахиди получил ранее в своих трудах. Для этого он использовал свои знания о музыке.

Было известно, что аль-Фарахиди настолько увлеклся своей работой, что ничего не замечал вокруг. В один из таких моментов, когда ученый погрузился в свои раздумья, он был сбит насмерть верблюдом. Ибн Халкан в своей книге «Смерти великих» написал, что аль-Фарахиди был в это время занят сложением бахра из аруда.

В честь ученого названа школа в Басре (Ирак), а также центр арабской культуры, созданный в Ростове-на-Дону.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кодыркова А. В.

Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: родственные отношения 215

Кодыркова А. В.

Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе 218

Кузнецова Н. А.

Проблема разграничения понятий «правовое просвещение» и «правовое информирование»: доктринальный подход ... 221

Лугинина Ю. В.

Обычный предпринимательский риск и его критерии при привлечении членов органов управления хозяйственных обществ к гражданско-правовой ответственности 226

Магомедрасулова З. М.

Проблемы, возникающие при расследовании преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей участниками внешнеэкономической деятельности 230

Малышева Е. Н.

Получение взятки как коррупционное преступление 232

Мартынова А. И.

Признаки родительских правоотношений в российском праве 234

Меланьин А. Г.

Незаконное предпринимательство (статья 171 УК РФ) в сфере строительства: приносит доход или наносит ущерб? 235

Мункуев П. А.

Методико-тактические аспекты расследования экологических преступлений 237

Нефедов Е. Р.

Квалификация дистрибьюторского договора и его место в гражданском законодательстве... 240

Пахомова А. А.

Увольнение работника как крайняя мера дисциплинарной ответственности 242

Попова Ю. А., Омельяненко Н. Е., Милованова Н. А.

Проблемы алиментов и пути их решения 243

Рязанкина В. А.

Вопросы теории и правоприменительной практики в области кредитования физических лиц 246

Саая Я. А.

Добровольный отказ от преступления — неоконченное преступление? 248

Селецкая А. А.

Проблемные аспекты изменения и прекращения судом жилищных правоотношений 250

Сиротинин А. А.

Повышение эффективности организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере обращения лекарственных средств 254

Скрипец А. П.

Некоторые проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях 256

Смолякова О. О.

Форензика в кибербезопасности 258

Сурнина А. Э.

Понятие недвижимого имущества: проблемы теории и практики 260

Сысуева К. П.

Проблема определения дееспособности граждан-участников гражданско-правового оборота при совершении сделок с пороком субъектного состава 261

Толмачёв Д. О.

Ятрогенные преступления 263

Федчун К. А.

Изменение, расторжение и прекращение договора социального найма 266

Фраева А. Р.

Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности 267

Фролов В. А., Диен И. Проблемы осуществления правозащитной деятельности судов в РФ 272	Шарипова А. А. Конфиденциальная информация: понятие, виды, отличительные признаки 279
Хазиахметов И. И. Роль различных государств в деятельности Международного валютного фонда 273	Ширшова Е. А. Реализация презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого 281
Хуторненко-Сухорукова А. А. Ретроспектива судебных актов по гражданским делам в Российском государстве 276	Яралиев Т. З. Отграничение умышленного причинения тяжких телесных повреждений от причинения тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой самообороны 283

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: родственные отношения

Кодыркова Алина Васильевна, студент магистратуры
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

Статья посвящена актуальной проблеме конфликта интересов на государственной службе, вызванного родственными отношениями. Автор анализирует понятие и виды конфликта интересов, рассматривает правовые основы его регулирования в России, а также освещает проблемы, возникающие на практике, связанные с родственными связями госслужащих. В статье акцентируется внимание на несовершенстве законодательства, недостатке четких критериев и единых стандартов, слабом контроле и нехватке информационной поддержки. Будет предложен комплекс мер по решению проблемы, включая уточнение законодательства, создание единых стандартов, повышение правовой грамотности госслужащих, развитие системы контроля и обеспечение прозрачности информации. Статья предназначена для широкого круга читателей, интересующихся вопросами противодействия коррупции, повышения эффективности государственной службы и укрепления доверия к власти.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственная служба, коррупция, судебная практика, контроль, этика, доверие к власти.

Конфликт интересов — это ситуация, при которой личные интересы государственного служащего могут повлиять на объективное и беспристрастное исполнение им своих служебных обязанностей. Родственные отношения представляют собой одну из наиболее распространенных и сложных категорий, способных породить конфликт интересов. Данная статья посвящена анализу проблемы конфликта интересов на государственной службе, вызванного родственными отношениями, с акцентом на законодательные основы, существующие проблемы и пути их решения.

Конфликт интересов — это противоречие между личными интересами государственного служащего и его служебными обязанностями. Он может возникнуть в различных формах, включая:

Прямой конфликт интересов: личные интересы государственного служащего прямо противостоят его служебным обязанностям. Например, участие в тендере, где он является заинтересованным лицом.

Потенциальный конфликт интересов: существует риск того, что личные интересы могут повлиять на исполнение служебных обязанностей. Например, родственник госслужащего является кандидатом на вакантную должность.

Кажущийся конфликт интересов: ситуация воспринимается как конфликт интересов, но фактически таковым не является. Например, госслужащий отклоняет предложение о работе от компании, где работает его родственник.

Родственные отношения, особенно близкие (родители, супруги, дети), часто являются источником конфликта интересов на государственной службе.

Это связано с:

Эмоциональной привязанностью: Госслужащий может испытывать давление или склоняться к принятию решений в пользу родственника, даже если они не являются объективными.

Финансовыми связями: Родственники могут оказывать материальную помощь госслужащему, что может привести к его зависимости и склонности к неправомерным действиям.

Использованием служебного положения: Госслужащий может использовать служебное положение для продвижения по карьерной лестнице или получения преимуществ для своих родственников.

В Российской Федерации конфликт интересов на государственной службе регулируется Федеральным законом «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ. Законодательство запрещает госслужащим занимать должности, где есть риск возникновения конфликта интересов, а также устанавливает ряд ограничений, например, запрет на участие в тендерах, где родственник является участником, или запрет на принятие решений, которые могут повлиять на деятельность родственников.

Примерами такого конфликта интересов являются следующие дела:

1. Ситуация: Служащий замещал должность руководителя Службы ветеринарии области. В учреждениях, подведомственных указанной Службе, работали жена, сын и две дочери служащего.

К служащему применено дисциплинарное взыскание в виде выговора за непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов и неведение о возможности возникновения конфликта интересов при исполнении им должностных обязанностей.

Прокурор просил отменить приказ о наложении взыскания и уволить служащего в связи с утратой доверия за непринятие мер по предотвращению (урегулированию) конфликта интересов.

Кировским районным судом г. Иркутск в ходе рассмотрения дела по делу № 2–4076/2019, установлено следующее.

Применительно к гражданской службе под утратой представителем нанимателя доверия к гражданскому служащему можно понимать отношения, возникшие вследствие совершений гражданским служащим действий (бездействия), которые порождают у представителя нанимателя обоснованные сомнения в его честности, порядочности, добросовестности, искренности мотивов его поступков, способности эффективно исполнять свои должностные обязанности.

Суд, оценив все исследованные доказательства по делу пришел к выводу, что факт несоблюдения руководителем службы ветеринарии Иркутской области — главным государственным ветеринарным инспектором Иркутской области «ФИО» требований по предотвращению и урегулированию конфликта интересов подтвержден и ничем не опровергнут.

«ФИО», являясь государственным гражданским служащим, должен был проинформировать представителя нанимателя о личной заинтересованности, которая может привести к конфликту интересов, вместе с тем не принял мер и не уведомил в установленном порядке работодателя о возможном возникновении конфликта интересов, чем создал условия, способствующие их возникновению, что в силу ч. 3.2 статьи 19 ФЗ от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» является правонарушением.

Как отмечено судом выше, в данном случае выявленное правонарушение является основанием для увольнения государственного гражданского служащего в связи с утратой доверия в соответствии с нормами части 3.2 статьи 19, ст. 59.2 ФЗ «О государственной гражданской службе», которые носят императивный характер.

Следовательно, при наличии допущенных нарушений государственным гражданским служащим Иркутской области «ФИО» требований федерального законодательства о противодействии коррупции представитель нанимателя обязан был привлечь руководителя службы ветеринарии Иркутской области — главного государственного ветеринарного инспектора Иркутской области «ФИО» к дисциплинарной ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия.

Итог: Суд удовлетворил требования прокурора.

2. Ситуация: Работник замещал должность в региональном отделении ФСС, его супруга — должность руководителя Управления Роспотребнадзора.

В отношении Управления проводились выездная плановая проверка правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты (перечисления) страховых взносов и камеральные проверки. Решения по результатам проверки принимал работник. Комиссия по урегулированию конфликта интересов рекомендовала применить к работнику меру дисциплинарного взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия.

Решение о привлечение служащего к дисциплинарной ответственности не принималось. Работник просил признать незаконным и отменить решения Комиссии.

Решением Первомайского районного суда г. Мурманска от 1 февраля 2019 г. по делу № 2–460/2019 в удовлетворении требований отказано.

Так, судом доводы истца относительно несостоятельности выводов Комиссии по результату проведенного заседания по рассмотрению материалов в отношении истца, признаны несостоятельными, поскольку выводы Комиссии не противоречат и сделаны с соблюдением пунктов Положения.

Вывод Комиссии — «Рекомендовать управляющему региональным отделением применить к «ФИО» меру дисциплинарного взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия» не может быть признан несостоятельным и нарушающим права истца, учитывая, что данный вывод сделан Комиссией в соответствии с Положением и носит рекомендательный характер, не возлагая обязанности на руководителя работодателя точного его исполнения. Применение меры дисциплинарного взыскания является усмотрением руководителя работодателя.

При этом, председатель Фонда или уполномоченное им должностное лицо, руководитель территориального органа Фонда или уполномоченное им должностное лицо рассматривает протокол заседания Комиссии и вправе учесть содержащиеся в нем рекомендации при принятии решения о применении к работнику мер ответственности, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также по иным вопросам организации противодействия коррупции.

О рассмотрении рекомендаций Комиссии и принятом решении председатель Фонда или уполномоченное им должностное лицо, руководитель территориального органа Фонда или уполномоченное им должностное лицо в письменной форме уведомляет Комиссию в месячный срок со дня поступления к нему протокола заседания Комиссии. Решение председателя Фонда или уполномоченного им должностного лица, руководителя территориального органа Фонда оглашается на ближайшем заседании Комиссии и принимается к сведению без обсуждения.

Как установлено в ходе рассмотрения настоящего судебного разбирательства к истцу за период с по настоящее время не применено.

При таком положении проанализировав вышеприведенные положения, проверив процедуру и полномочия Комиссии, постановленное Комиссией решение в совокупности с представленными доказательствами, суд приходит к выводу об отсутствии правовых оснований для удовлетворения заявленных исковых требований ввиду отсутствия установленных судом нарушений прав истца.

Итог: Суд отказал в удовлетворении требований.

Данные примеры подчеркивают необходимость строгого соблюдения антикоррупционных стандартов и правил в государственном управлении. Применение ответственности к виновным лицам восстанавливает справедливость и защищает публичные интересы, что является основой для повышения эффективности государственной службы и укрепления доверия общества к государственным институтам.

Несмотря на законодательные ограничения, на практике возникают проблемы из-за нечеткого определения в законодательстве определений и критериев для различных видов родственных отношений, что затрудняет их применение. Отсутствие единых стандартов и процедуры урегулирования к произвольному толкованию законодательства. Из-за недостатка информации, зачастую госслужащие не осведомлены о законодательных ограничениях и не понимают, как избежать конфликта интересов.

Для эффективного урегулирования конфликта интересов, связанного с родственными отношениями, необходимо уточнение и конкретизация законодательства, а именно введение четких определений и критерии для

различных видов родственных отношений, исключив двусмысленность в толковании.

Создание единых стандартов. Разработать единые стандарты и процедуры урегулирования конфликта интересов, охватывающие все этапы от выявления до разрешения.

Повышение правовой грамотности, проведение обязательных тренингов для госслужащих по этике и правовым нормам, касающихся конфликта интересов, с акцентом на практические примеры и механизмы урегулирования.

Создание эффективной системы контроля: Ввести систему мониторинга и контроля за соблюдением законодательства о конфликте интересов, а также механизмы выявления и предотвращения конфликтов.

Конфликт интересов, вызванный родственными отношениями, представляет собой серьезную угрозу для честности и эффективности государственной службы. Для решения этой проблемы необходимо комплексное воздействие на законодательное регулирование, повышение правовой грамотности госслужащих, создание эффективных механизмов контроля, а также развитие этической культуры на государственной службе.

Применение современных подходов к предупреждению и устранению конфликтов интересов должно стать приоритетом в государственном управлении. Это позволит создать более справедливую и эффективную систему, способствующую укреплению доверия граждан к государственным институтам и повышению качества государственного управления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), СПС Консультант Плюс, 2023.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273 — ФЗ «О противодействии коррупции».
3. Федеральный закон РФ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ.
4. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».
5. Этика государственной и муниципальной службы: учебник и практикум для вузов / Е.Д. Богатырев, А.М. Беляев, С.Г. Еремин; под ред. С.Е. Прокофьева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.
6. Петухов Р. В., Кабанова И. Е. К вопросу о понятии «конфликт интересов» в публичном праве // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 1. С. 23–26.
7. Тарасенко А. А. Предотвращение, выявление и урегулирование конфликта интересов на государственной гражданской службе // Практика исполнительного производства. 2017. № 1. С. 52–56.
8. Худякова М. А. Конфликт интересов на государственной службе // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 85–88.
9. Решение Иркутского районного суда по делу № 2–4076/2019.
10. Решение Первомайского районного суда г. Мурманска от 1 февраля 2019 г. по делу № 2–460/2019

Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе

Кодыркова Алина Васильевна, студент магистратуры
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В данной статье освещаются вопросы, связанные с конфликтом интересов на государственной и муниципальной службе. Автор анализирует проблемы, возникающие в процессе применения этого понятия на практике, а также предлагает варианты улучшения законодательного регулирования данного вопроса.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственная служба, муниципальная служба, коррупция, противодействие коррупции.

Исследование темы конфликта интересов на государственной и муниципальной службе является актуальной не только из-за ее прямых негативных последствий, связанных с ухудшением качества жизни населения, но и с ее прямой связью с коррупционным поведением государственных и муниципальных служащих.

В настоящее время коррупционная проблема приобрела системный характер в органах государственной и муниципальной власти России. Коррупция представляет угрозу не только национальной безопасности страны, но также препятствует развитию демократических институтов, гражданского общества и реализации конституционных прав граждан в области образования, здравоохранения, социального обеспечения и имущественных отношений. Кроме того, коррупция негативно влияет на развитие всех секторов экономики России.

Для начала необходимо дать определение данному термину «конфликт интересов». Под определением «конфликт интересов» законодатель подразумевает заинтересованность конкретного должностного лица в осуществлении своих обязательств с целью получить ценностную выгоду, что влечет за собой нарушение законных прав и интересов граждан, а также может помешать объективному рассмотрению их вопросов. Так, в ч. 1 ст. 14.1 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» предусмотрено, что «Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) муниципального служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью муниципального служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования» [1].

По мнению Э.Б. Хаюрина, понятие «конфликт интересов», представляет собой противоречие между личными интересами человека и его профессиональными или служебными обязанностями. Такое противоречие может оказывать влияние на объективность и непред-

взятость в принятии решений, принятии мер или бездействии при выполнении официальных указаний и исполнении профессиональных обязанностей [11, с. 236].

Скорбунова Ю.А. в своих работах раскрывает, что «конфликт интересов» чаще всего следует рассматривать как основу возникновения коррупции, поскольку именно личные интересы государственного или муниципального служащего могут привести к таким коррупционным проявлениям, как злоупотребление должностными полномочиями и получение взятки» [9, с. 9].

Следует отметить, что один из криминогенных детерминантов, обуславливающих коррупцию, это конфликт интересов исходя из определения. Так, по мнению Т.Н. Тиминой, среди факторов, порождающих и обуславливающих существование коррупционных преступлений, следует выделить несколько основных групп: экономические, социально-политические, правовые, организационно-технические и морально-психологические [10, с. 65].

Собственно, конфликт интересов — это явление, которое стало неотъемлемой частью работы на муниципальной и государственной службе. Он возникает в тех случаях, когда должностное лицо принимает решения или совершает действия, которые могут привести к личной выгоде или ущербу для третьих лиц. Такие конфликты часто ведут к коррупции, недоверию общества и снижению эффективности государственного управления.

Конфликт интересов может возникнуть, когда государственный или муниципальный служащий получает какую-либо выгоду, будь то финансовая компенсация или нематериальные блага, либо причастен к такой выгоде через связи с близкими лицами. Данная выгода может быть основой для возникновения конфликта интересов и повлиять на объективность и независимость служащего при принятии решений и исполнении своих обязанностей. Примером такого конфликта может служить принятие решений, которые благоприятствуют близким лицам служащего или приводят к личной выгоде, вместо того, чтобы служить общественным интересам и законным требованиям.

Наличие проблемы подтверждает статистика судебных решений по вопросу возникновения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. Так, прокурор Хабаровского края подал административный иск к администрации сельского поселения Хаба-

ровского края в районный суд с требованием признания факта наличия конфликта интересов или возможности его возникновения у муниципальных служащих, а также признания незаконным бездействия муниципальных служащих в части непринятия мер по урегулированию конфликта интересов. В ходе проверки соблюдения законодательства о муниципальной службе и о противодействии коррупции в администрации сельского поселения Хабаровского края прокуратурой района были выявлены нарушения федерального закона.

На заседании комиссии по жилищным вопросам, состоявшейся в администрации сельского поселения, было обнаружено, что председатель комиссии, который является родственником кандидатки на заселение в жилое помещение, предоставленное муниципалитетом, нарушил принципы независимости. Проверка выявила, что муниципальные служащие владели информацией о конфликте интересов, возникшем на этом заседании жилищной комиссии, и не уведомили представителя нанимателя.

В ходе проверки было выяснено, что родственница председателя жилищной комиссии обратилась в администрацию с заявлением о получении жилого помещения большей площади. Жилищная комиссия приняла решение предоставить жилое помещение заявительнице не в порядке общей очереди, а быстрее, чем другому гражданину с аналогичным заявлением. Исходя из этого, можно сделать вывод, что заявление было удовлетворено из-за личной заинтересованности при наличии конфликта интересов.

Из представленных точек зрения авторов, занимающихся проблемами конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, можно сделать вывод, что ситуацию конфликта интересов авторы неизбежно связывают с коррупционной составляющей. Более того, следует добавить, что большинство авторов придерживаются позиции, что, осуществляя меры, направленные на искоренение коррупции на государственной и муниципальной службе, станет возможным ликвидировать возникающие конфликты интересов.

Согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» под конфликтом интересов следует понимать такую «...ситуацию, в рамках которой любая заинтересованность, как прямая, так и косвенная того лица, которое замещает соответствующую должность и в рамках этой должности обязано принимать любые меры по предотвращению, а равно урегулированию конфликта интересов, влияет, а равно может повлиять на адекватное исполнение названным лицом своих должностных обязанностей» [2].

Основная проблематика заключается в том, что законодательство, регулирующее порядок прохождения государственными и муниципальными служащими службы, а также антикоррупционные меры, не способно в своих положениях предусмотреть все модели ситуаций, которые могут возникнуть на практике.

Таким образом, можно сделать вывод, что, применяя меры, направленные на искоренение коррупции на госу-

дарственной и муниципальной службе, можно напрямую влиять на снижение конфликтов интересов в данных сферах.

Необходимо отметить, что именно закон остается в числе главных средств для осуществления успешного урегулирования конфликта интересов и осуществления борьбы с распространением новых форм таких конфликтов.

Так, задача законодателя оперативно реагировать на появления и распространение новых форм конфликтных ситуаций на государственной и муниципальной службе, с усилением на уровне законодательных положений основных направлений деятельности в сфере совершенствования механизма урегулирования конфликтов.

Автор предлагает рассмотреть следующие рекомендации по внедрению решений проблем конфликта интересов на государственной и муниципальной службе.

— Целесообразно на законодательном уровне внести изменения в ст. 19 Федерального закона о государственной гражданской службе и в ст. 10 Федерального закона о противодействии коррупции в содержание понятия «конфликт интересов».

Следует на законодательном уровне внести ясность в определение «конфликта интересов» и определить его как потенциально возможную ситуацию. Поскольку свершившийся факт — это уже административное правонарушение. На данный момент регламентированное в законодательстве понятие конфликт интересов ошибочно и искажает основную суть вопроса. Также на законодательном уровне требуется установить перечень деяний, которые будут составлять конфликт интересов.

Исходя из проведенного анализа, для более эффективной борьбы с коррупцией на государственной и муниципальной службе необходимо внесение изменений в соответствующее законодательство.

К примеру, необходимо внести изменения в ст. 8.2 Федерального закона РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В случае непредставления лицом сведений, подтверждающих законность получения дохода или представления недостоверных сведений, материалы проверки в трехдневный срок направляются в органы прокуратуры. В соответствии с установленным порядком органы прокуратуры в рамках проверки законности получения денежных правомочны запрашивать необходимую информацию у органов государственной власти и органов местного самоуправления, организаций и учреждений о доходах и имуществе проверяемого лица.

Считаем необходимым изложить п. 15 ст. 8.2 Закона в следующей редакции: «Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры рассматривают материалы проверки, указанной в части 4 настоящей статьи, и не позднее одного месяца со дня ее окончания при наличии оснований обращаются в суд в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, с заявлением о взыскании в доход Российской Федерации денежной суммы в размере, эквивалентном той части денежных средств, указанных в части 3 настоящей статьи, в отношении которой

не представлены сведения, подтверждающие законность получения этих средств, если размер взыскиваемых средств превышает пять тысяч рублей». В тексте статьи закона названа сумма десять тысяч рублей.

Понижение порога взыскания до 5 000 рублей может увеличить количество и разнообразие проверок, поскольку многие случаи нарушения могут оказаться незначительными, но возможными для обнаружения. В результате такие проверки будут способствовать охране интересов государства и общества, снижения риска возникновения конфликта интересов, а также общей прозрачности в экономике.

Говоря о предупреждении преступлений коррупционной направленности на государственной и муниципальной службе, следует обратить внимание, что преступлению могут предшествовать имевшие место незначительные нарушения коррупционного законодательства. Законодатель обошел вниманием такую категорию как «малозначительное коррупционное правонарушение». Составы дисциплинарных коррупционных правонарушений в исчерпывающем виде не предусмотрены в законодательстве, не совсем ясно, что же следует понимать под малозначительными коррупционными проступками. Единственный документ, который вносит хоть какую-то ясность — это Письмо Минтруда России от 15.04.2022 № 28–6/10/П-2479. В Приложении № 3 Письма содержится обзор ситуаций, которые расценивались как малозначительные проступки, например [3]:

— непредоставление сведений о наличии в собственности частного дома, квартиры, признанных ветхим или аварийным жильем;

— непредоставление работодателю уведомления о получении подарка, полученного в связи с протокольным мероприятием, служебной командировкой или другим официальным мероприятием, при этом стоимость такого подарка составляет от 3 000 руб. и до 10 000 руб. и т.п.

Считаем целесообразным на законодательном уровне установить четкий перечень дисциплинарных коррупционных правонарушений, которые могут быть расценены как малозначительные.

В ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» в качестве одной из мер ее профилактики названо развитие институтов общественного контроля за соблюдением законодательства РФ о противодействии коррупции. На уровне местного самоуправления в качестве субъектов общественного контроля выступают общественные палаты (советы) муниципальных образований. Права и обязанности субъектов общественного контроля отражены в ст. 10 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». На данный момент в соответствии с вышеназванным Законом общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, общественных обсуждений и слушаний. Следует отметить, что порядок организации

и проведения обозначенных форм общественного контроля не получил детального рассмотрения в нормах российского законодательства. Так, например, в ч. 3 ст. 20 Федерального закона «Об основах общественного контроля» сказано, что порядок организации и проведения общественной проверки устанавливается ее организатором. Однако в самом Законе не содержится понятия «организатор проверки». Как следствие, затруднительно определить перечень нормативных правовых актов, в которых устанавливается порядок общественной проверки, порядок учета ее результатов, порядок взаимодействия организатора такой проверки с правоохранительными органами, гарантии его защиты. Считаем данное упущение требующим доработки, с обязательным внесением дополнений в обозначенный Закон.

Отсутствует в законодательстве и понятие «антикоррупционный общественный контроль». Считаем необходимым дополнить Федеральный закон «О противодействии коррупции» данным понятием, четко определить цели такого контроля, перечень допустимых мероприятий в рамках проведения данной деятельности.

Стоит отметить то, что важнейшее значение для разрешения конфликта интересов является управление конфликтом, содержание которого сводится к предупреждению и завершению конфликта.

Управление конфликтом интересов в рамках отстранения государственного служащего от должности осуществляется в целях решения следующей основополагающей задачи: позволяет установить, помогло ли отстранение от должности урегулировать конфликт интересов.

В качестве инструментов урегулирования конфликта интересов следует назвать следующие: осуществление поиска компромиссов; сотрудничество между сторонами конфликта; социальное партнёрство; проведение переговоров. Представленные инструменты не носят исчерпывающий характер, здесь все будет зависеть от самой сути конфликта интересов.

В качестве совершенствования механизмов и способов урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе предлагается рассмотреть ротацию в качестве действенного механизма.

Следует воспользоваться успешным применением ротации государственных и муниципальных служащих в Японии и Китае. В указанных государствах даже имеется собственное законодательство, посвященное основным аспектам ротации. Можно говорить также о том, что ротации в названных государствах отдается приоритетная роль для предотвращения возникновения конфликта интересов.

Российские исследователи также не остаются в стороне от изучения положительного влияния ротации в качестве профилактики профессионального выгорания. Работа в рамках одной должности на протяжении долгого периода времени не улучшает выполнение профессиональных обязанностей государственного служащего, а даже снижает результативность работы.

Ротация оказывает положительное воздействие на взаимодействие государственных служащих с другими сотрудниками в иных подразделениях. Новый коллектив способствует налаживанию профессионального общения и поиску компромиссов.

В заключении отметим, что улучшенное законодательство и успешная деятельность государственных и муниципальных служащих в совокупности являются определяющими факторами для ликвидации конфликта интересов в системе государственной и муниципальной службы.

Литература:

1. Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 N25-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: по подписке.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273 ФЗ от 25.12.2008. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: по подписке.
3. <Письмо> Минтруда России от 15.04.2022 N28–6/10/П-2479 <Об актуализации Обзора практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции> Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: по подписке.
4. Анищенко В. Г. Роспатент и его a certamen interest (конфликт интересов) // ИС. Промышленная собственность. — 2019. — №9. — С. 28–32.
5. Зенков Д. Ю. Правовая идентификация и правовое регулирование конфликта интересов // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. № 3 (102).
6. Конфликтология: учебник для вузов / В. П. Ратников, В. Ф. Голубь, Г. С. Лукашова и др.; под ред. В. П. Ратникова. — М: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 512 с.
7. Примова Э. Н. Деятельность органов прокуратуры по выявлению конфликтов интересов на государственной и муниципальной службе // Образование и право. 2023. № 1.
8. Симакова Д. Е., Каргин Д. В. Урегулирование конфликта интересов как мера противодействия подрыва экономической безопасности // Скиф. 2021. № 4 (56).
9. Скорбунова Ю. А. Совершенствование механизма выявления и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе // Юридическая наука. 2020. № 5.
10. Тимина Т. Н. Факторы совершения преступлений коррупционной направленности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4. С. 64–69.
11. Хаюрин А. Б. Понятие конфликта интересов / Хаюрин А. Б., Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 460–463.
12. Кирилова Н. П., Стойко Н. Г. Правоохранительные органы. — М., 2018. С. 365.

Проблема разграничения понятий «правовое просвещение» и «правовое информирование»: доктринальный подход

Кузнецова Наталья Анатольевна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации

Ключевые слова: правовое просвещение, правовая культура, правовое воспитание, правовой нигилизм, правовое информирование, правовое образование.

В Российской Федерации правовому просвещению и правовому информированию граждан придается серьезное значение и уделяется большое внимание в силу того, что именно правовое просвещение и информирование способствуют соблюдению норм законодательства, уменьшению уровня преступности, преодолению правового нигилизма.

Подтверждение этой позиции государства мы находим в «Основах государственной политики Российской Фе-

дерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденных Президентом Российской Федерации в апреле 2011 г., в соответствии с которыми «развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его

неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов».

Важная роль в привитии гражданам уважения к законам, формировании законопослушного поведения, повышении правовой культуры в обществе принадлежит органам прокуратуры. В соответствии с Приказом Генпрокуратуры Российской Федерации от 02.02.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» в деле привития гражданам уважения к закону, преодоления правового нигилизма прокурорам вменяется максимально использовать имеющийся потенциал для систематического правового воспитания и просвещения населения.

Однако, проблема разграничения правового информирования и правового просвещения является одной из ключевых в современной юридической науке и практике.

Целью настоящей статьи является анализ существующих в современной науке подходов к определению понятий «правовое просвещение», «правовое информирование», правовое информирование и их разграничение.

Для достижения поставленной цели будут рассмотрены различные точки зрения ученых-юристов, проанализированы положения действующего законодательства и практика применения правовых норм.

В отсутствие единого нормативного определения правового просвещения на доктринальном уровне выработаны различные подходы к формулировке соответствующей дефиниции. Как отмечает А.С. Доценко, «в большинстве случаев правовое просвещение рассматривается в соотношении с такими правовыми категориями, как правовое образование, правовое обучение, правовое воспитание, правовое информирование и правовая культура [6, с.180].

Так, П.В. Стрелева при исследовании проблем правового воспитания рассматривает правовое просвещение как один из структурных элементов правового воспитания, указывая при этом на «недопустимость отождествления правового воспитания и просвещения» [22, с. 71].

В соответствии с позицией О.О. Миронова «правовое просвещение представляет собой начальный этап понимания юридических норм и правовых категорий, тогда как последующими этапами являются обучение, воспитание культуры прав человека и правовое образование» [14, с. 15].

О.Ю. Рыбаков полагает, что «правовое просвещение представляет собой одну из значимых форм реализации правовой политики, посредством которой осуществляется воздействие на сознание, направленное на формирование определенного образа мыслей и правовой культуры» [19, с. 14].

М.В. Барыкиной сформулировано определение правового просвещения как «распространения в обществе знаний о праве и разъяснения положений действующих нормативно-правовых актов, а также практики их применения в целях формирования убеждения в необходи-

мости соблюдения законов, а также предупреждения правонарушений» [2, с. 58].

Распространенной является позиция, в соответствии с которой правовое просвещение рассматривается в качестве структурного элемента правового воспитания. В частности, в соответствии с определением

И.А. Иванникова «правовое просвещение представляет собой процесс распространения среди населения правовых знаний, способствующий росту правовой культуры и формированию уважения к праву, законности и правосудию» [7, с. 80]. В свою очередь, В.Л. Кулапов выделяет в качестве организационных форм правового воспитания правовое просвещение, обучение и пропаганду, отводя при этом ведущую роль правовому обучению [12, с. 245].

В то же время следует отграничивать правовое просвещение, обучение и образование.

Так, правовое воспитание определяется О.В. Григорьевой и А.Н. Наумовой как «деятельность, осуществляемая уполномоченными субъектами и направленная на формирование высокого правосознания и правовой культуры с применением различных средств и методов» [4, с. 816].

Правовое воспитание осуществляется непосредственно действующим правом, поскольку именно правовые акты оказывают регулятивное воздействие на поведение членов общества, влияя тем самым на их волю и сознание.

Воспитательное воздействие права обуславливается непосредственно его природой, в силу чего при установлении норм права законодателем, а также в рамках их применения уполномоченными государственными органами следует учитывать воспитательное назначение права. Соответственно, следует отграничивать мотивационное влияние права на волю, мысли и чувства людей, когда право выступает в качестве мотиватора для их поведения, от его регулятивного воздействия, в рамках которого нормы права определяют права и обязанности членов общества, устанавливая правила поведения, запреты и санкции.

Правовое воспитание может выступать как самостоятельной категорией, так и структурным элементом правового образования.

В соответствии с нормативным определением, закрепленным в ст. 1 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании», под образованием следует понимать «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [24].

Как видно из приведенного определения, законодатель делает акцент на образовании как сфере реализации лич-

ностных интересов. Изменение нормативного подхода к определению образования стало следствием реформирования системы образования, направленной на повышение его качества.

Отметим, что в научной среде существуют различные подходы к определению образования.

Так, В. В. Кванина обращает внимание на тот факт, что «в условиях рыночной экономики образовательные учреждения вынуждены вступать в экономические отношения, связанные с оказанием образовательных услуг» [9, с. 21].

В свою очередь, В. Губарев отграничивает категории образования и обучения, рассматривая образование как «процесс и результат усвоения личностью необходимых для существования в социуме знаний, умений и навыков», в то время как под обучением автор понимает «совместную деятельность преподавателя и обучающегося, которая направлена на достижение учебных целей, овладение знаниями, умениями и навыками, учебными программами и задачами» [5, с. 31].

Как указывает Л. А. Петручак, «образование человека осуществляется через его воспитание и обучение, выступающие различными аспектами единого процесса, тогда как само образование выступает как инструмент культурной преемственности поколений» [18, с. 276].

Таким образом, в рамках правового образования происходит усваивание систематизированных знаний, тогда как цель обучения заключается в передаче знаний по определенной тематике либо формирования определенных навыков.

Как видно из изложенного, категория правового просвещения является самостоятельной и обособленной, однако тесно взаимосвязанной с правовым воспитанием, обучением и образованием.

Правовое просвещение следует отграничивать также от правового информирования. Указание на правовое информирование содержится в Федеральном законе от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи» [23], однако информирование затрагивает исключительно уже существующие и опубликованные нормативно-правовые акты, тогда как правовое просвещение представляет собой более широкую по своему содержанию деятельность.

С учетом изложенного, представляется, что наиболее полно отражающим сущность правового просвещения является следующее определение: «под правовым просвещением следует понимать целенаправленную систематическую деятельность государства и общества, направленную на формирование и повышение правовой культуры и правосознания и осуществляемую в целях противодействия правовому нигилизму и обеспечения духовного формирования личности как неотъемлемого условия достижения конституционной цели по построению правового демократического государства».

Могут быть выделены следующие признаки, характеризующие правовое просвещение как объект научного изучения.

В первую очередь, следует выделить тот факт, что правовое просвещение представляет собой самостоятельное направление государственной политики.

На сегодняшний день основополагающим актом, закрепляющим понятие, цели, задачи и направления государственной политики в сфере правового просвещения, являются «Основы государственной политики Российской Федерации в сферах развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом Российской Федерации 28.04.2011, согласно которым цель государственной политики в соответствующей сфере заключается в «формировании в обществе устойчивого отношения к закону, преодолении правового нигилизма, повышении уровня правовой культуры, в том числе юридической грамотности и осведомленности, создании системы стимулов к законопослушному поведению как основной модели социального поведения, внедрении в общественное сознание идеи о соблюдении правовых норм и добросовестном исполнении обязанностей».

К субъектам правового просвещения отнесены органы государственной власти, их должностные лица, подведомственные организации, органы местного самоуправления, а также уполномоченные по правам человека, общественные объединения и иные субъекты, как осуществляющие деятельность по правовому просвещению в рамках своих функций, так и специально создаваемые для данной цели. При этом, как указывают Л. Ю. Черняк и С. Ю. Фильчакова, «наиболее активно политика правового просвещения реализуется органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [25, с. 19].

В качестве одной из целей правового просвещения выделено преодоление правового нигилизма. Существуют различные определения данного негативного явления; так, Ю. А. Кагилова отмечает, что «с философской точки зрения правовой нигилизм может быть определен как утрата ценности права» [8, с. 63].

В соответствии с определением Ю. К. Баклановой «правовой нигилизм представляет собой деформацию правосознания, сущность которой заключается в отрицании права, при этом у гражданина отсутствует умысел на совершение правонарушения» [1, с. 10].

Е. И. Хлуднев полагает, что «правовой нигилизм представляет собой полное отрицание права и закона, характеризующее негативным отношением к праву» [26, с. 253].

А. В. Никитин и Э. А. Шафиуллина рассматривает правовой нигилизм как «форму общественного сознания, оказывающую негативное влияние на стабильность государства и общества в целом» [15, с. 46]. Повышение уровня правосознания, как обоснованно отмечают А. С. Советкина и Т. С. Черевиченко, «представляет собой важнейшую меру на пути преодоления правового нигилизма, реализация которой предполагает организацию правового просвещения граждан» [21, с. 71]

Неотъемлемым признаком правового просвещения является его результат, выраженный в формировании правопросвещенной личности; для последней, в свою оче-

редь, свойственно активное правомерное поведение. При этом следует отграничивать правомерное и правовое поведение. В. Н. Кудрявцев определяет правовое поведение как «социально значимое поведение индивидов, предписанное законом и влекущее определенные правовые последствия» [10, с. 53]. В свою очередь, В. В. Лазарев также определяет правовое поведение как «поведение субъектов права, имеющее юридически значимый характер», однако указывает, что «оно может как соответствовать закону, так и противоречить ему» [16, с. 163].

Как полагает М. Н. Марченко, «правомерное поведение находит свое внешнее выражение в общественной полезности и необходимости правомерного поведения как основы для стабильности и организованности общества, а также предпосылки для его дальнейшего совершенствования и развития» [13, с. 261]. Л. А. Петручук отмечает, что «активное правомерное поведение характеризуется осознанностью, целеустремленностью, инициативностью и направленностью на осуществление правовых норм, поддержание законности, правопорядка, защиту интересов общества, государства и граждан. При этом правовые нормы воспринимаются личностью как объективно необходимые и выражающие его собственные стремления и потребности» [18, с. 276]. Приведенное определение отражает неразрывную взаимосвязь права и нравственности.

О. Г. Шапиева отмечает, что «соотносясь друг с другом в рамках культуры, нравственность и право оказывают регулятивное влияние на духовное развитие личности, стимулируя ее правовую активность» [27, с. 20].

Цель правового просвещения заключается в обеспечении полноценной правовой социализации личности, предпосылки для которой создаются нравственностью и правом.

В. П. Казимирчук и В. Н. Кудрявцев определяют социализацию как «сложный процесс, включающий в себя, с одной стороны, целенаправленное воздействие различных социальных условий и институтов на человека для его приобщения к системе социальных норм, оценок, ценностей и представлений, принятых в обществе, с другой — социальную деятельность самого индивида в процессе становления его личности» [11, с. 102]. Таким образом, правовая социализация одновременно выступает как в качестве цели, так и в качестве результата деятельности по правовому просвещению.

Воздействие в рамках правового просвещения на правосознание закономерным образом обуславливает правовое поведение, высшей формой выражения которого является правовая активность индивида.

Как отмечает Е. А. Певцова, «уровень правовой культуры, соответствующий целям правового просвещения, предполагает формирование системы убеждений, для которой характерны признание права, понимание необходимости соблюдения требований правовых норм и владение умениями и навыками реализации права. Знания, полученные в процессе правового просвещения, трансформируются сначала в личное убеждение в необходимости соблюдения правовых

предписаний, которая становится внутренней потребностью просвещенной личности» [17, с. 41].

Использование гражданами правовых знаний взаимосвязано с отношением к праву, признанием его необходимости для регулирования общественных отношений и ценности права как такового. Как указывают А. А. Беженцев и Н. А. Игошин, «в процессе социализации личности массовое сознание трансформируется в индивидуальное, тем самым происходит перенос прав и обязанностей в личную плоскость» [3, с. 29].

В соответствии с определением В. М. Шафировой, «правовая активность представляет собой самостоятельную и внутренне мотивированную деятельность, направленную на реализацию правовых предписаний» [28, с. 11]. При этом правовая активность предполагает реализацию позитивных целей и интересов третьих лиц, поскольку она «неразрывно взаимосвязана с гражданской позицией, наличием заинтересованности в деятельности государственных органов и обеспечения защиты ими прав и свобод граждан».

Конечным результатом политики в сфере правового просвещения выступает формирование характеризующейся высоким уровнем правовой культуры общества. Правовая культура, как указывает В. Н. Синюков, «представляет собой естественную среду развития человека и важнейших сфер его жизни в правовом социальном государстве» [20, с. 34]. Выступая в качестве разновидности культуры в целом, правовая культура выражает ценность права как совокупности юридических норм и отражаемых в них норм морали.

Отражение норм морали в нормах права играет крайне важную роль в правовом демократическом государстве, поскольку именно такое право позволяет в максимальной степени выразить интересы государства, общества и граждан, обеспечивая одновременно с тем их согласование. Должный уровень правовой культуры представляет собой обязательную предпосылку для осознания личностью собственной ответственности за благополучие во всех сферах социальной деятельности и одновременно — необходимости соблюдения прав и законных интересов остальных членов общества.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

Вплоть до 2016 г. на законодательном уровне отсутствовало единое нормативное определение правового просвещения. Федеральный закон № 182-ФЗ определяет правовое просвещение как деятельность по правовому информированию, однако на основании анализа научных позиций по поводу определения понятия, сущности и признаков правового просвещения становится возможен вывод об излишней узости нормативного определения. В соответствии с программными документами, цель правового просвещения заключается в формировании развитого уровня правосознания и преодоления правового нигилизма, свойственного российскому обществу. Правовое просвещение неразрывно взаимосвязано с правовым образованием, обучением, воспитанием и ин-

формированием, при этом правовое образование и правовое воспитание являются неразрывно взаимосвязанными категориями, однако по своему содержанию они являются более узкими, нежели просвещение. Если в процессе образования происходит закрепление правовых знаний и формирование правовых навыков с одновременным воспитательным воздействием на личность обучающегося, то в процессе воспитания формируется уважительное отношение к праву и закону. Информирование же предполагает исключительно доведение до сознания граждан содержания действующих нормативно-правовых актов, тогда как цель правового просвещения может быть определена как формирование правовой активности личности, представляющей собой высшее выражение правомерного поведения, характеризующегося не только осозна-

нием необходимости исполнения требований правовых норм и готовностью их исполнять, но и активным стремлением к их реализации. Таким образом, под правовым просвещением следует понимать направление государственной политики, осуществляемой уполномоченными органами государственной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества в целях стимулирования активного правомерного поведения личности. Посредством оказания воздействия на правосознание личности, правовое просвещение играет роль инструмента формирования правовой культуры как неотъемлемого условия полноценной правовой социализации личности и достижения конституционной цели по построению в Российской Федерации правового демократического государства.

Литература:

1. Бакланова, Ю. К. Понятие и признаки правового нигилизма / Ю. К. Бакланова. — Текст: непосредственный // Юридическая мысль. — 2016. — № 2. — С. 8–13.
2. Барыкина, М. В. Взаимодействие органов прокуратуры с уполномоченным по правам человека в рамках правового просвещения и правовой пропаганды // Экономика и право. XXI век. — 2013. — № 1. — С. 57–60.
3. Беженцев, А. А. Правовая культура и правовая активность личности: роль в обеспечении прав и свобод / А. А. Беженцев, Н. А. Игошин. — Текст: непосредственный // Московский юридический журнал. — 2023. — № 4. — С. 25–34.
4. Григорьева, О. В. Правовое воспитание как неотъемлемая часть образовательного процесса / О. В. Григорьева, А. Н. Наумова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 4. — С. 816–819.
5. Губарев, В. Системное представление качества образования / В. Губарев. — Текст: непосредственный // Стандарты и качество. — 2002. — № 4. — С. 46–59.
6. Доценко, А. с. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 1. С. 179–188.
7. Иванников, И. А. Теория государства и права / И. А. Иванников. — Москва: Академцентр, 2012. — 356 с. — Текст: непосредственный.
8. Кагирова, Ю. А. Понятие правового нигилизма / Ю. А. Кагирова. — Текст: непосредственный // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. — 2016. — № 1. — С. 66–71.
9. Кванина, В. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования / В. В. Кванина. — Москва: Готика, 2005. — 367 с. — Текст: непосредственный.
10. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: нормы и патология / В. Н. Кудрявцев. — Москва: Юридическая литература, 1982. — 287 с. — Текст: непосредственный.
11. Кудрявцев, В. Н. Современная социология права / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. — Москва: ЮристЪ, 1995. — 303 с. — Текст: непосредственный.
12. Кулапов, В. Л. Теория государства и права / В. Л. Кулапов. — Москва: КноРус, 2014. — 360 с. — Текст: непосредственный.
13. Марченко, М. Н. Теория государства и права в вопросах и ответах / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2014. — 239 с. — Текст: непосредственный.
14. Миронов, О. О. Правовое просвещение — функция омбудсманов // Право и образование. — 2009. — № 5. — С. 13–29.
15. Никитин, А. В. Правовой нигилизм: понятие и формы / А. В. Никитин, Э. А. Шафиуллина. — Текст: непосредственный // Вестник Нижегородской правовой академии. — 2016. — № 10. — С. 45–47.
16. Общая теория права и государства [Текст]: учебник / [В. С. Афанасьев и др.]; под ред. В. В. Лазарева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: Инфра-М, 2010. — 591 с.
17. Певцова, Е. А. Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже XX — XXI веков / Е. А. Певцова. — Москва: Новый учебник, 2003. — 415 с. — Текст: непосредственный.
18. Петручак, Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. / Л. А. Петручак. — Москва: Проспект, 2011. — 396 с. — Текст: непосредственный.
19. Рыбаков, О. Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 2. — с. 5–14.

20. Синюков, В. Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры / В. Н. Синюков. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2009. — № 7. — С. 31–34.
21. Советкина, А. С. Правовой нигилизм как проблема российского правосознания / А. С. Советкина, Т. С. Черевиченко. — Текст: непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 10. — С. 70–72.
22. Стреляева, В. В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Стреляева Виктория Вадимовна; Московский университет МВД РФ. — Москва, 2006. — 183 с. — Текст: непосредственный. 183 с.
23. Федеральный Закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 48. — Ст. 6725.
24. Федеральный Закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.
25. Фильчакова, С. Ю. Опыт организации правового просвещения в субъектах Российской Федерации / С. Ю. Фильчакова, Л. Ю. Черняк. — Текст: непосредственный // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского. — 2014. — № 5–6. — С. 18–43.
26. Хлуднев, Е. И. Правовой нигилизм: понятие и причины // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. — 2016. — № 4. — С. 252–254.
27. Шапиева, О. Г. Нравственно-правовая социализация личности: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шапиева, Ольга Гасановна; Юридический институт МВД России. — Санкт-Петербург, 1998. — 376 с. — Текст: непосредственный.
28. Шафиров, В. М. Правовая активность граждан в развитом обществе: общетеоретические вопросы: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шафиров, Владимир Моисеевич; Свердловский юридический институт — Свердловск, 1979. — 13 с. — Текст: непосредственный.

Обычный предпринимательский риск и его критерии при привлечении членов органов управления хозяйственных обществ к гражданско-правовой ответственности

Лугинина Юлия Вадимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Фольгерова Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье автор исследует вопросы обычного предпринимательского риска, дает понятие данному явлению, выделяет, обосновывает и дает характеристику критериям обычного предпринимательского риска, а также характеризует такое понятие как правило защиты делового решения и устанавливает его взаимосвязь с обычным предпринимательским риском.

Ключевые слова: *обычный предпринимательский риск, гражданско-правовая ответственность, правило защиты делового решения, добросовестность, разумность, правомерность, обоснованность*

Гражданским кодексом Российской Федерации, федеральными законами «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» установлены положения относительно возможности привлечения членов органов управления хозяйственных обществ к гражданско-правовой ответственности.

Буквальное толкование статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации свидетельствует о том, что члены органов управления хозяйственных обществ осво-

ждаются от гражданско-правовой ответственности в том числе если они действовали в пределах обычного предпринимательского риска [1]. Таким образом, предпринимательский риск является обстоятельством, исключаящим виновность члена органа управления хозяйственного общества в совершении гражданского правонарушения.

Сама по себе деятельность юридического лица, сопряженная с риском подразумевает, что хозяйственному об-

шеству могут быть причинены убытки. Однако, данное обстоятельство не свидетельствует о том, что член органа управления хозяйственного общества, принявший данное решение, подлежит гражданско-правовой ответственности в порядке статьи 53.1 ГК РФ. Данный вывод автора соотносится с имеющейся судебной практикой (пр. постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.08.2024 № Ф05–15678/2019 по делу № А40–153804/2018 [2]; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.03.2024 № Ф10–3164/2021 по делу № А83–20414/2019 [3] и др.)

Так, Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 17.05.2024 № Ф09–5047/20 по делу № А07–9040/2018 пришел к выводам, что негативные последствия, наступившие для юридического лица, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности действий директора, поскольку возможность их возникновения связана с риском предпринимательской деятельности [4]. Кроме того, судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц, а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, соответственно, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытков в случаях, когда его действия, повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного предпринимательского риска [4].

Вышеуказанные выводы суда свидетельствуют о том, что предпринимательский риск — это неотъемлемое составляющее любой предпринимательской деятельности, которое является ее легитимным признаком, он сопутствует хозяйственной деятельности любого субъекта, в том числе юридического лица, которое выражает свою волю и осуществляет функции непосредственно через свои органы, наделенные полномочиями определять экономическую целесообразность каждой сделки.

Однако, важной проблемой является то, что понятие и критерии обычного предпринимательского риска действующим гражданским законодательством не установлены и не сформулированы в правоприменительных актах.

Д. И. Степанов и Ю. С. Михальчук обратили внимание на отсутствие границы, разделяющей обычный предпринимательский риск и нечто недозволенное, указав, что это всегда вопрос факта и судебской оценки [5]. Указанная позиция ученых соответствует фактическим обстоятельствам и свидетельствует о необходимости формирования понятия и установления критериев обычного предпринимательского риска, поскольку для единообразия судебной практики судам необходимо дать «опору» в виде определенных критериев, которым должны соответствовать действия субъекта, подлежащие оценке.

Для формирования понятия обычного предпринимательского риска и выявления его критериев необходимо обратить внимание на позиции ученых, проводивших исследования в данной сфере, а также на то, как обычный предпринимательский риск учитывается судами в правоприменительных актах.

В научном сообществе существуют несколько подходов к пониманию сущности обычного предпринимательского риска, в частности объективный подход, который кратко сформулирован автором как «предпринимательский риск — это объективное существование угрозы» и субъективный подход который автор определил, как «предпринимательский риск — психическое отношение субъекта к возможности наступления неблагоприятных последствий».

К последователям первого (объективного) подхода можно отнести таких исследователей, как И. В. Троицкая, О. А. Красавчиков, Н. С. Малеин, Е. Н. Куликова и др.

Так, например, И. В. Троицкая считает, что под обычным предпринимательским риском следует понимать «возможность как положительных, так и отрицательных отклонений от ожидаемых результатов, инициирующих изменения в имущественной сфере предпринимателя, причинно-следственно связанных с наступлением события в рамках его предпринимательской деятельности, вызванного воздействием объективных факторов внешней среды либо поведением самого предпринимателя или его контрагентов [6, с. 224].

По мнению О. А. Красавчикова, под обычным предпринимательским риском следует понимать определенную опасность умаления имущественных благ, наступающую в связи с обстоятельствами, возникшими в отсутствие вины лица [7, с. 142–143].

Н. С. Малеин считал, что обычный предпринимательский риск — ни что иное, как возможность наступления неблагоприятных имущественных последствий в силу случайных обстоятельств [8, с. 184].

Е. Н. Куликова в своем научном исследовании дает более широкое понятие обычному предпринимательскому риску и определяет его как «действия лица, входящего в состав органа юридического лица, направленные на достижение цели, связанной с получением имущественной выгоды, и совершенные в условиях вероятности наступления неблагоприятных имущественных последствий. При этом, такая цель не может быть достигнута иным образом, а член органа управления должен действовать добросовестно и разумно и предпринять все зависящие от него меры для исключения и (или) уменьшения неблагоприятных последствий» [9, с. 104].

В качестве сторонника второй теории можно рассмотреть В. А. Ойгензихта, который понимал под риском психическое отношение субъекта к результату объективно случайных событий, что выражалось в осознанном допущении отрицательных имущественных последствий [10, с. 178–179].

К сожалению, суды при рассмотрении дел, в которых дается оценка обычному предпринимательскому риску, не формулируют его понятие, а всего лишь обходятся констатацией факта его наличия, что порождает вопросы об обоснованности отнесения тех или иных обстоятельств к обстоятельствам, исключающим гражданско-правовую ответственность вследствие осуществления действий

в рамках обычного предпринимательского риска. Следует отметить, что хоть и суды не дают понятие обычному предпринимательскому риску, но определяют его характеристики.

Анализ судебной практики показывает, что суды принимают сторону последователей теории «предпринимательский риск — психическое отношение субъекта к возможности наступления неблагоприятных последствий», которого придерживался В. А. Ойгензихт, тем самым относя такое явление как обычный предпринимательский риск к субъективной стороне гражданского правонарушения.

Например, Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в одном из своих актов пришел к выводу, что предпринимательский риск есть вероятностная категория, такая деятельность носит вероятностный характер, т.е. связана с неопределенностью, случайностью, стихийностью. При этом, риск определяется как психическое отношение субъекта к результату собственных действий или действий других лиц либо к результату объективно случайных действий (событий), выражающееся в осознанном допущении негативных имущественных последствий, их принятии и оценке [11].

Вышеуказанный подход судов подвергается критике со стороны некоторых исследователей. В частности, А. С. Власова и Н. М. Удалова считают, что подход к риску как субъективной категории не отражает сущность риска как признака предпринимательской деятельности или обычного предпринимательского риска с точки зрения нормативного регулирования соответствующих отношений. По мнению вышеуказанных исследователей, подобные размышления допустимы в доктринальных исследованиях, но не должны иметь места в судебных актах, поскольку риск как признак предпринимательской деятельности представляет собой явление объективной реальности, которое существует и, соответственно, реализуется вне зависимости от «психического отношения» к риску самого хозяйствующего субъекта [12, с. 29–35].

С вышеуказанным подходом сложно не согласиться, однако, автор считает, что обычный предпринимательский риск нужно оценивать в совокупности как с точки зрения объективного существования угрозы убытков вследствие принятия управленческого решения и как с точки зрения психического отношения субъекта к возможности наступления неблагоприятных последствий с целью установления формы вины (умысел либо неосторожность) либо ее исключения. По мнению автора, обычный предпринимательский риск ни что иное, как как правомерное и обоснованное действие лица, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, направленное на достижение цели и сопряженное с наличием вероятности наступления неблагоприятных последствий и исключающее вину субъекта.

В свою очередь, выявление критериев обычного предпринимательского риска вероятно поспособствует формированию единообразной практики в сфере привлечения членов органов управления хозяйственных обществ к гражданско-правовой ответственности.

По мнению Е. Н. Куликовой необходимо обозначить два критерия обычного предпринимательского риска, которыми являются обоснованность и правомерность [9].

Обоснованность представляет собой необходимость для лица, входящего в состав органа управления хозяйственного общества, при определении степени риска, вести себя добросовестно и разумно, что подразумевает под собой исключение направленности действий такого лица на невыгодные для организации последствия.

Правомерность обычного предпринимательского риска выражается в том, что действия члена органа управления хозяйственного общества не нарушают нормы права и субъективные права (интересы) юридического лица, то есть действия субъекта при обычном предпринимательском риске не должны носить неправомерный характер. Такой риск может быть выражен исключительно в форме вероятности получения прибыли либо причинения убытков.

Автор настоящего исследования поддерживает позицию Е. Н. Куликовой относительно выделения таких критериев обычного предпринимательского риска как обоснованность и правомерность и предлагает к указанному критерию добавить критерий направленности на достижение цели.

По мнению автора, направленность на достижение цели в качестве критерия обычного предпринимательского риска необходима для исключения в действиях члена органа управления хозяйственного общества умысла нанести вред юридическому лицу в отсутствие цели извлечения прибыли. Данный умысел может быть, вследствие преследования лицом своих личных целей в ущерб интересам компании. Кроме того, необходимо учитывать, что достижение выбранной цели невозможно без риска.

Также автор считает, что критерий обоснованности обязательно должен включать в себя оценку вероятности наступления неблагоприятных последствий. Указанная вероятность должна быть выявлена и учтена до принятия членом органа управления хозяйственного общества до принятия соответствующего решения. Исходя из вышесказанного, автор считает, что ожидание одних неблагоприятных последствий, а наступление иных последствий означает, что такая ситуация не может быть отнесена к обычному предпринимательскому риску, а представляет собой противоправный характер поведения.

По мнению автора, имеется необходимость вышеуказанные критерии закрепить в правоприменительных актах.

Напоследок, следует обратить внимание, что зачастую, делая вывод о том, что действия ответчика не выходили за пределы обычного предпринимательского риска, суды применяют правило о защите делового решения.

Правило делового решения (business judgment rule) широко применяется в зарубежной судебной практике и представляет собой презумпцию того, что во время принятия решения директор обладал всей необходимой информацией, был добросовестен и разумно полагал, что действует в интересах юридического лица. В Российской Федерации правило делового решения раскрывается через категорию обычного предпринимательского риска и впервые было закреплено в пункте 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [13].

Так, например, к выводу о необходимости применения правила защиты делового решения пришел Верховный Суд Российской Федерации в определении от 04.04.2023 № 302-ЭС23–3046 по делу № А10–6822/2021, которым отказал истцу, намеревавшемуся взыскать убытки с прежнего директора компании в удовлетворении исковых требований. В данном деле суд, обращая внимание на то, что

действия ответчика, выразившиеся в новировании денежного обязательства в заемное, не выходили за пределы обычного предпринимательского риска, имели разумную деловую цель по минимизации неблагоприятных последствий, поэтому в данном споре подлежат применению правила о защите делового решения [14].

На основании анализа судебных актов по делу № А10–6822/2021 можно сделать вывод о том, что правило защиты делового решения предполагает, что член органа управления хозяйственного общества освобождается от ответственности, если будет установлено, что он действовал добросовестно, при принятии решения руководствовался всей предоставленной ему информацией и с уверенностью, что его действия пойдут во благо компании.

В этом случае суд не будет оценивать принятое им решение по существу, следуя принципу, что именно этому должностному лицу, а не суду поручено управлять делами компании и для этого ему предоставлены соответствующие полномочия в решении коммерческих вопросов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024).— Текст: электронный // <https://www.consultant.ru/>: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 14.10.2024).
2. Постановление Арбитражного суда Московского Округа от 21.08.2024 № Ф05–15678/2019 по делу № А40–153804/2018.— Текст: электронный // <https://kad.arbitr.ru/>: [сайт].— URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/209c-dc4d-e174-4a20-b09f-cdb0ab610522/a1d8a48d-9fbb-4d75-af2b-ae1dfc324996/A40-153804-2018_20240821_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.10.2024).
3. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.03.2024 № Ф10–3164/2021 по делу № А83–20414/2019.— Текст: электронный // <https://kad.arbitr.ru/>: [сайт].— URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3d-308c8c-9392-483d-a4b7-07e57d480efa/2b8bda07-fcbd-4ad5-94d8-0a5ebfdfe681/A83-20414-2019_20240314_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.10.2024).
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.05.2024 № Ф09–5047/20 по делу № А07–9040/2018.— Текст: электронный // <https://kad.arbitr.ru/>: [сайт].— URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3d308c8c-9392-483d-a4b7-07e57d480efa/2b8bda07-fcbd-4ad5-94d8-0a5ebfdfe681/A83-20414-2019_20240314_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.10.2024).
5. Степанов, Д. И. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д. И. Степанов, Ю. С. Михальчук.— Москва: Статут, 2018.— 207 с.— Текст: непосредственный.
6. Троицкая, И. В. Предпринимательский и риск предпринимателя в теории гражданского права / И. В. Троицкая.— Текст: электронный // <https://cyberleninka.ru/>: [сайт].— URL: [file:///C:/Users/to43-luginina/Downloads/predprinimatelskiy-risk-i-risk-predprinimatelja-v-teorii-grazhdanskogo-prava%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/to43-luginina/Downloads/predprinimatelskiy-risk-i-risk-predprinimatelja-v-teorii-grazhdanskogo-prava%20(1).pdf) (дата обращения: 14.10.2024).
7. Красавчиков, О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О. А. Красавчиков.— Москва: Юридическая литература, 1966.— 200 с.— Текст: непосредственный.
8. Малейн, Н. С. Гражданско-правовое положение личности в СССР / Н. С. Малейн, А. А. Рубанов, А. Ю. Кабалкин.— Москва:, 1975.— 315 с.— Текст: непосредственный.
9. Куликова, Е. Н. Определение пределов обычного предпринимательского риска при привлечении к ответственности лиц, входящих в состав органа юридического лица / Е. Н. Куликова.— Текст: электронный // <https://cyberleninka.ru/>: [сайт].— URL: [file:///C:/Users/to43-luginina/Downloads/predprinimatelskiy-risk-i-risk-predprinimatelja-v-teorii-grazhdanskogo-prava%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/to43-luginina/Downloads/predprinimatelskiy-risk-i-risk-predprinimatelja-v-teorii-grazhdanskogo-prava%20(1).pdf) (дата обращения: 14.10.2024).
10. Ойгензихт, В. А. Проблема риска в гражданском праве: Часть общая / В. А. Ойгензихт.— Душанбе: Ирфон, 1972.— 224 с.— Текст: непосредственный.
11. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2020 № 15АП-24009/2019 по делу № А32–41570/2019.— Текст: электронный // <https://kad.arbitr.ru/>: [сайт].— URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ba27e694-c2ad-4c9b-89b8-2f4c579be2bd/500fd4bb-75a8-4751-a374-a6296ee618cc/A32-41570-2019_20200212_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.10.2024).

12. Власова, А. С. Обычный предпринимательский риск в контексте ответственности руководителя юридического лица за причиненные ему убытки / А. С. Власова, Н. М. Удалова. — Текст: непосредственный // Закон. — 2020. — № 6. — С. 12.
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». — Текст: электронный // <https://www.consultant.ru/>: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 14.10.2024).
14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2023 № 302-ЭС23-3046 по делу № А10-6822/2021. — Текст: электронный // <https://kad.arbitr.ru/>: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/57b469e7-f65b-41c0-ab3a-9242f599b014/1731cf19-79bf-4d6f-b918-8abc94c40796/A10-6822-2021_20230404_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.10.2024).

Проблемы, возникающие при расследовании преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей участниками внешнеэкономической деятельности

Магомедрасулова Залина Магомедовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Егоров Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская обл.)

В статье автор исследует проблемные вопросы, сопутствующие проведению расследования преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей участниками ВЭД.

Ключевые слова: проблемы, таможенные платежи, уклонение.

Важность исследования проблемных вопросов, возникающих при проведении расследования преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей, обусловлена широким масштабом внешней экономической деятельности, то есть большой численностью участников ВЭД, а также значительной долей доходной части федерального бюджета, складывающейся из таможенных пошлин и платежей.

Сотрудники правоохранительных органов, в том числе и отделов дознания таможенных органов, выполняя свою непосредственную работу, регулярно на практике сталкиваются с недобросовестными участниками внешней экономической деятельности, которые стремятся всеми возможными способами сократить свои расходы, связанные с перемещением товаров через таможенную границу. Такими способами могут выступать недекларирование товаров (или части товаров), выявленное в различных единицах измерения, например в штуках или килограммах, а также недостоверное декларирование, связанное, например, с недостоверным и (или) неполным описанием товара. Данные преступления при установлении неуплаты таможенных платежей от двух миллионов рублей квалифицируются по ст. 194 УК РФ (Уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица).

Исходя из сложившейся практики правоохранительных органов следует выделять следующие существенные проблемы, возникающих при проведении рас-

следования преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей участниками ВЭД, устранение которых приведет к оперативному определению наличия события преступления, а также исключит затягивание сроков проведения расследования:

— затруднения, связанные с верным определением субъекта преступления. В качестве субъекта преступления по ст. 194 УК РФ определяются и привлекаются к ответственности перевозчики, специалисты по таможенному оформлению, которыми выступают сотрудники таможенных представителей и декларантов, и другие физические лица, причастные к предоставлению услуг по сопровождению груза;

— расчет размера ущерба при уклонении от уплаты таможенных платежей. Для достоверного и точного определения размера неуплаченных таможенных платежей зачастую требуется заключение эксперта, проведение корректировки таможенной стоимости, акт таможенного органа об обнаружении факта неуплаты таможенных платежей;

— отсутствие оперативного взаимодействия с должностными лицами отдела административных расследований. Сотрудниками отдела дознания не всегда или не в полной мере используется материал, собранный при административном расследовании. Зачастую параллельно с производством по уголовному делу об уклонении от уплаты таможенных платежей в отношении физических лиц может проводиться административное расследование, которое заключается в проведении таможенной проверки в отношении юридического лица;

— отсутствие единой позиции у таможенных органов и транспортной прокуратуры Российской Федерации. Данный фактор существенно затрудняет взаимодействие государственных правоохранительных органов, а также приводит к затягиванию сроков проведения расследования и (или) к нарушению прав лиц, привлекаемых к ответственности. Помимо этого, исследуемый фактор нередко становится причиной нарушения процессуальных действия при проведении расследования [1].

Несмотря на серьезный характер названных выше проблем, возникающих при проведении расследования преступлений, связанных с уклонения от уплаты таможенных платежей участниками ВЭД, правоохранительными органами, в том числе и дознанием таможенных органов, проводятся регулярные работы по устранению данных проблем. Это можно заметить при анализе показателей правоохранительной деятельности таможенных органов [2], которые мы сведем в таблице 1.

Благодаря проведенному анализу, можно сделать вывод о том, что с каждым годом количество возбужденных дел по ст. 194 УК РФ сокращается. Это может быть связано с тем, что на данный момент дознание таможенных органов более тщательно исследует материалы административных расследований, благодаря которым проводится достоверный расчет неуплаченных тамо-

женных платежей. Как мы видим из таблицы 1 размер неуплаченных таможенных платежей с каждым годом все реже достигает или превышает два миллиона рублей, что в свою очередь приводит к исключению состава по ст. 194 УК РФ. Также данные показатели можно объяснить и сложной экономической ситуацией в стране. На экономику страны сильно повлияли политические события, из-за которых многие декларанты и таможенные представители вынуждены замедлить или вовсе прекратить свою внешнеэкономическую деятельность. Для большей наглядности проиллюстрируем рассматриваемые показатели на рис. 1.

Благодаря рис. 1 мы в очередной раз убедились, что преступность по ст. 194 УК РФ с каждым годом падает. По сравнению с 2021 годом в 2022 году было возбуждено на 5 дел меньше, то есть на 2% показатели по данной статье упали. По сравнению с 2022 годом в 2023 году было возбуждено на 59 дел, то есть на 18% показатели по рассматриваемой статье упали.

Таким образом, было установлено, что существует ряд проблем, препятствующих надлежащему расследованию преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей. Правоохранительным блоком таможенных органов проводится регулярный анализ показателей деятельности таможенных органов, которые от-

Таблица 1. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов

Год	Количество дел по ст. 194 УК РФ
2023	285
2022	344
2021	349

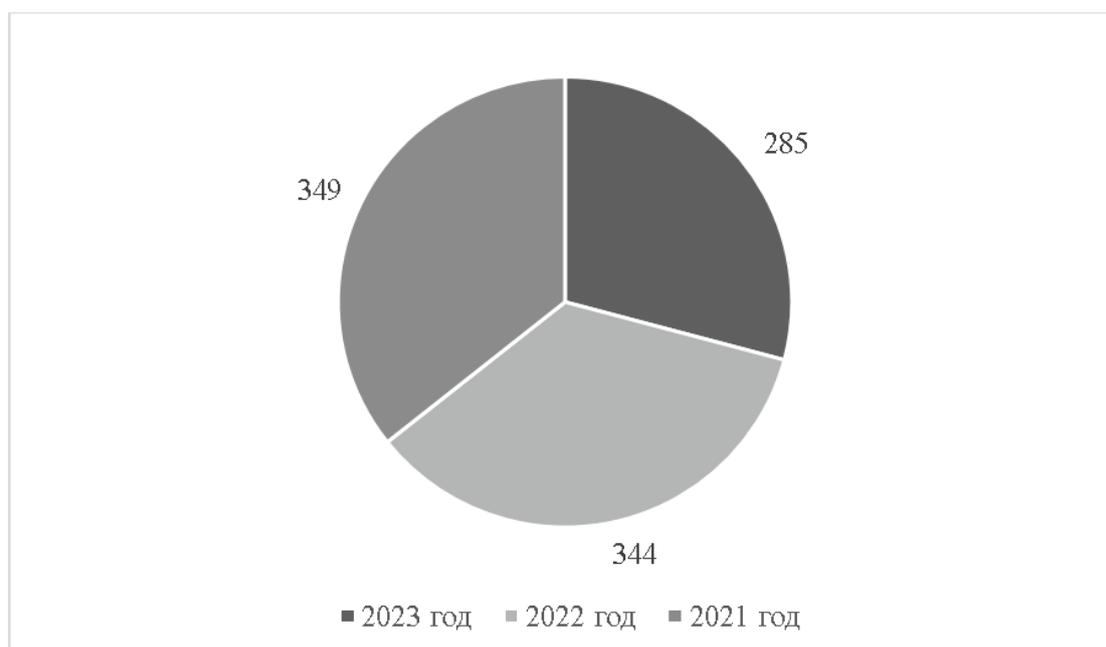

Рис. 1. Количество дел по ст. 194 УК РФ [2]

ражаются на официальном сайте ФТС России. Благодаря данному анализу предпринимаются меры для устранения изученных проблем, среди которых можно выделить:

— улучшение взаимодействия между структурными подразделениями таможенных органов (между дознанием и отделом административных расследований);

— формирование единой позиции при расследовании преступлений у таможенных органов и у транспортной прокуратуры РФ;

— более точный расчет размера ущерба при уклонении от уплаты таможенных платежей, который достигается с помощью применения всех доступных мер (заключение эксперта, проведение корректировки таможенной стои-

мости, акт таможенного органа об обнаружении факта неуплаты таможенных платежей);

— достоверное определение субъекта преступления за счет ведомственного контроля и надзора за материалами уголовных дел и результатами оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, было установлено, что рассмотренные проблемы поддаются минимизации и устранению путем тесного взаимодействия структурных подразделений таможенных органов, а также благодаря аккумулярованию дознанием таможенных органов всех материалов по уголовному делу, которые могут брать свое начало еще при административном расследовании.

Литература:

1. Кравцов Д. В. Проблемы выявления уклонения от уплаты таможенных платежей // Вестник Академии права и управления. 2019. С. 34–35.
2. Официальный сайт ФТС России <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya>.

Получение взятки как коррупционное преступление

Малышева Екатерина Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье автор проводит анализ категории взятки, в части ее криминализации в России, а также признаков коррупционного преступления. Автор рассматривает категорию должностного лица как обязательный признак коррупционного преступления, в частности получения взятки, раскрыв особенности преступлений коррупционной направленности как наиболее общественно опасных деяний в отношении дестабилизации государственного управления.

Ключевые слова: взятка, коррупция, лоббизм, коррупционное преступление, должностное лицо.

История криминализации получения взятки в России берет свое начало с периода появления лиц, имеющих те или иные властные полномочия, в частности, бояре, воеводы и др. (9–10 вв.). Первой формой взятки были подношения, которыми злоупотребляли лица, желающие получить от уполномоченных властью конкретные услуги. Первым нормативным закреплением данного явления можно считать нормы Псковской и Двинской грамоты. Дальнейшее развитие антикоррупционного законодательства шло по пути ужесточения ответственности за получение взятки, что связано с осознанием реальной общественной опасности данного правонарушения. Среди нормативных актов, закреплявших ответственность за получение взятки, можно выделить:

— Белозерскую уставную грамоту (1488 г.), закрепившую категорию должностного лица;

— Судебник 1497 г., запрещающий получение взятки с незначительной мерой ответственности, поскольку «подношение» считалось общественной нормой того времени;

— Судебник 1550 г., введивший категорию государственного преступления и повышающий меры ответственности за получение взятки [1].

На протяжении истории криминализации взяточничества состав лиц, которых признавали должностными как субъектами коррупционных преступлений, менялся: от расширительного толкования — чиновники, в том числе церковные и общинные, лица, осуществляющие общественную деятельность; до узкого толкования — лица, находящиеся на установленной законом должности.

В целом, основным признаком должностного лица как субъекта получения взятки, можно назвать наличие у него публично-правовых полномочий, исполнение которых дает лицу особое положение относительно государственных, общественных и частных интересов, что может причинить вред или поставить в опасность последние [1].

Дальнейшая криминализация получения взятки связана с нормативным закреплением категории должностного лица в УК РСФСР 1922 г., в котором отсутствовал такой критерий как осуществление властных полно-

мочий, что давало возможность расширительной трактовки субъектов получения взятки и соответственно фактически не ограничивало объект с включением в него общественных отношений, возникающих вне деятельности органов государственной власти.

Дальнейшее уточнение субъекта получения взятки произошло с редакцией УК РСФСР 1926 г., где выделялась группа общественных отношений и соответственно субъектов, которые могли быть привлечены к уголовной ответственности как должностные лица — должностные лица профессиональных союзов.

Кроме того, следует отметить, что с расширением сферы участия власти в общественных отношениях, расширялся и круг субъектов получения взятки. Так, по УК РСФСР 1961 г. должностным лицам стало присуще выполнение организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей, то есть непосредственное участие в управленческой деятельности.

В настоящее время категория должностного лица закреплена в Кодексе РФ об административных правонарушениях (примечание к ст. 2.4 КоАП РФ) и в УК РФ (примечание к ст. 285 УК РФ). При этом в КоАП РФ регламентируется должностное лицо с как субъект, к которому применяются иные меры или размер ответственности, нежели к не являющимся таковым лицам [3]. Когда, как в УК РФ должностное лицо является криминообразующим признаком совершенного деяния, например, получение взятки. В УК РФ уточняются категории лиц, занимающих государственные должности РФ или субъектов РФ и государственные (муниципальные) служащие, которые несут уголовную ответственность по статьям УК РФ в специально предусмотренных случаях [2].

Таким образом, наличие специального субъекта — должностного лица является основным криминообразующим признаком получения взятки, наряду с иными признаками коррупционных преступлений, к которым оно, в частности, относится, а именно:

- корыстная или личная заинтересованность виновного;
- нанесение непосредственного вреда авторитету государственной власти (службы);
- умысел на совершение деяния, объективно причиняющего ущерб государственной власти, службы;
- нелегальный характер получаемых должностным лицом благ [2].

Литература:

1. Куликов А. В., Петрак Н. А. Историко-правовой анализ понятия должностного лица как субъекта получения взятки в отечественном законодательстве // Российский следователь. — 2024. — № 3. — С. 64–68.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.10.2024).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.10.2024).

Однако, законодательно закреплённого понятия коррупционного преступления в России нет, также, как и нет единой главы в УК РФ, в которой обозначены все преступления коррупционной направленности, что некоторые авторы называют упущением законодателя в рамках снижения эффективности борьбы с коррупцией. Однако, теория права требует закрепления конкретной дефиниции в законе лишь в целях правильного его применения [4]. Само по себе коррупционное преступление как общественно опасное, противоправное, виновное, умышленное, наказуемое деяние отражается в конкретных действиях лиц, за которые предусмотрены различные меры ответственности, регламентируемые отдельными статьями УК РФ. То есть фактически дефиниция «коррупционное преступление» отражается в тех преступлениях, которые имеют аналогичные ему признаки. Следовательно, законодательное закрепление категории коррупционного преступления нецелесообразно, поскольку оно раскрывается через признаки преступлений, имеющих признаки закреплённой в законодательстве коррупции [5]. Объединение подобных преступлений в единую группу с законодательным закреплением такового является, по нашему мнению, чрезмерной регламентацией, поскольку несет в себе смысловое содержание только для целей статического учета.

На сегодняшний день взяточничество в России имеет и свою легитимную форму давления на власть — лоббизм, который, к слову сказать, легально никак не определен в нашей стране как вид деятельности групп давления/ групп интересов. Формально данный функционал закреплён за политическими партиями, общественными организациями и ассоциативными союзами, однако правового регулирования лоббистской деятельности указанных субъектов в России нет. Здесь автору видится главное правило перетекания лоббирования в коррупцию, демонстрирующее латентный характер данного преступного явления, которое гласит: «Пока не поймали — лоббируем интересы, когда поймали — коррупция», с которой необходимо бороться. Однако, насколько затраченные ресурсы в борьбе с коррупцией будут оправданы, сказать нельзя, а исходя из статистики несоизмеримости штрафов и размеров взятки, игра не стоит свеч. Невозможно бороться с исторической «традицией» без кардинальной перестройки общественного сознания и развития институтов представительной демократии.

4. Михайлов В. И. Доктринальные основы определения понятия «коррупционные преступления» с позиций междисциплинарного подхода // Российский следователь. — 2022. — № 7. — С. 43–50.
5. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b-222beaf7483e16c594116ed2d9a1/ (дата обращения: 10.10.2024).

Признаки родительских правоотношений в российском праве

Мартынова Алена Ивановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Богданов Олег Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются признаки родительских правоотношений в российском праве, а именно: содержание родительского правоотношения, которое составляют родительские права и юридические обязанности, субъектный состав родительского правоотношения, состоящий из родителей и детей, строгая индивидуализация участников родительских отношений, специфические черты родительских прав и обязанностей, такие как: срочный характер, сочетание интересов родителей и детей, принадлежность прав и обязанностей в равной степени обоим родителям, наличие публично-правовых начал в регулировании родительских правоотношений.

Ключевые слова: родительские правоотношения, родительские права и обязанности, родители, дети, семья, содержание родительского правоотношения.

Главная цель любого государства — повышение качества жизни населения. Российская Федерация четко обозначила главные приоритеты своей политики — человек, семья и дети. Вопросы демографии обозначены как стратегические задачи страны. Проблемы семьи и демографической политики стали предметом постоянной и неукоснительной заботы высшего руководства страны. Понятно, что государство не может непосредственно участвовать в укреплении семьи, но именно его роль в этом направлении является определяющей.

Права родителей следует рассматривать как общность прав, принадлежащих им как субъектам в родительских правоотношениях. Среди их отличительных черт следует выделить то, что они тесно связаны с родительскими обязанностями, поскольку при реализации прав происходит исполнение родительских обязанностей, и наоборот, при исполнении обязанностей реализуются действующие права. В соответствии со ст. 61 СК РФ, по отношению ко всем детям родители наделены одинаковыми правами и обязанностями.

Родительские права и обязанности выступают основополагающей составляющей содержания института родительства.

Содержание родительского правоотношения составляют родительские права и юридические обязанности. Причем родительские права, составляющие содержание правоотношений, одновременно являются и их обязанностями. Субъективные права и обязанности родителей и детей изменяются в течение всего периода их существования. Семейный кодекс РФ закрепляет юридическое равенство родителей при осуществлении родительских прав [1]. И в то же время, можно выделить такой признак родительства как односторонний характер отношений, по-

скольку ребенок наделен только правами, а родитель имеет и права, и обязанности по отношению к ребенку. В то же время, в законодательстве зарубежных стран можно найти нормативное закрепление обязанностей детей. Например, в Испании, Италии, Австрии — обязанность уважать своих родителей, в Болгарии — обязанность помогать родителям. В Германии ребенок «обязан посильным образом и в соответствии с его общественным положением помогать родителям в домашнем хозяйстве и в их делах» [2].

Родительское правоотношение имеет особый субъектный состав — родители и дети. Можно выделить следующие категории родителей: родители, заключившие официальный брак; родители, не состоящие в браке между собой; родители, которые проживают отдельно от ребенка; родители, лишённые родительских прав; родители, ограниченные судом в родительских правах; родители несовершеннолетнего супруга; несовершеннолетние родители, состоящие в браке; родители несовершеннолетних родителей; родители-усыновители; приемные родители; суррогатная мать. Что касается детей, второй стороны родительских правоотношений выделяют несовершеннолетних и совершеннолетних детей; родных и усыновленных детей; детей, оставшихся без попечения родителей; детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [3].

Важный признак родительских отношений — строгая индивидуализация их участников, их незаменимость в данных отношениях с другими лицами. Родительские права и обязанности, права несовершеннолетних детей неразрывно связаны с личностью их обладателя, это касается и алиментных обязательств родителей и детей.

Несовершенство ранее существующих законодательных конструкций относительно родительских обя-

занностей по отношению к детям позволяло долгое время рассматривать их как особый моральный долг, непосредственно вытекающий из личных и родственных связей. Однако стремление общества и государства к самосохранению и передаче ценностей и моделей поведения от поколения к поколению неизбежно привело к закреплению таких обязанностей на наивысшем правовом уровне. Представляется, что, следуя таким путем, законодатель не преследовал цель коренного изменения сложившейся практики общественных отношений и поведения внутри семьи, он скорее стремился придать родительским обязанностям уровень соответствующих требований к родителям от государства и социума.

Обязанность родителей заботиться о своих детях на сегодняшний день относится к системе основных обязанностей человека и гражданина, имеющих особое значение для государства и общества и получивших свое закрепление на уровне основ конституционного строя — так, ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) прямо предусматривает равную обязанность родителей по осуществлению заботы о детях и их воспитанию. В силу этого подобные обязанности занимают доминирующее положение во всей системе юридических обязанностей, а также оказывают определяющее

воздействие на эту систему, конкретизируемую и развиваемую отраслевым законодательством.

Проведенный анализ научной литературы также позволяет выделить специфические черты родительских прав и обязанностей, к которым относятся:

- 1) их срочный характер, поскольку они осуществляются только до совершеннолетия детей;
- 2) сочетание интересов родителей и детей;
- 3) осуществление родительских прав является одновременно и правом, и обязанностью родителей, при этом взаимосвязь указанных категорий проявляется в их единстве, но не полном совпадении, поскольку они реализуются в разных правоотношениях;
- 4) родительские права и обязанности принадлежат в равной степени обоим родителям;
- 5) наличие публично-правовых начал в регулировании родительских правоотношений, связанных с реализацией родительских прав и обязанностей.

Со стороны детей воспитания является естественным правом, гарантируемым государством, со стороны родителей — правом и обязанностью, вследствие чего речь идет о наличии правоотношений, возникающих между каждым родителем и ребенком, за пренебрежение которым предусмотрены соответствующие меры ответственности.

Литература:

1. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. 02.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (часть 1). Ст. 741.
2. Гражданское уложение Германии. Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz: Ввод. закон к Гражд. Уложению; Пер. с нем.; Науч. редакторы — А. Л. Маковский и др. М.: Волтерс Клувер, 2004. Кн.4. Семейное право. — С. 334–484.
3. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. 11.06.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (часть V). Ст. 7056.

Незаконное предпринимательство (статья 171 УК РФ) в сфере строительства: приносит доход или наносит ущерб?

Меланьин Андрей Геннадьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Гармышев Ярослав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье автор проводит анализ состава преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ, в части изменений, внесенных федеральным законом от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ, в виде исключения из диспозиции ст. 171 УК РФ общественно опасных последствий в виде извлечения дохода в крупном или особо крупном размере при его корректировке в сторону увеличения. Судебная практика после внесения указанных изменений еще не сложилась, но таковые уже оцениваются положительно с позиции бизнеса, представители которого утверждают, что данные изменения позволят улучшить бизнес-климат и сократить число случаев необоснованного уголовного преследования предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательство, строительство, объект, объективная сторона преступления, доход, ущерб.

На сегодняшний день государственная политика в условиях сложной внешнеполитической ситуации направлена на поддержку предпринимательства как ос-

новы экономической безопасности страны. Соответствующие изменения вносятся как в сферах хозяйствования, в частности, в виде подведомственных нормативных актов,

регламентирующих оказание мер государственной поддержки отдельным отраслям экономики, так и на уровне законодательства, в частности смягчения мер ответственности или освобождения от нее за совершенные деяния.

Так, с апреля 2024 г. вступил в силу федеральный закон, исключивший альтернативный вариант диспозиции ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации за незаконное предпринимательство в виде получения дохода в крупном или особо крупном размере. Также был скорректирован собственно крупный размер ущерба, дохода, стоимости, задолженности в сторону увеличения до 3,5 млн руб. [1]. Аргументация подобных изменений вытекает из государственной политики по поддержке национального бизнеса, в силу наличия случаев необоснованного уголовного преследования предпринимателей со стороны правоохранительных органов.

Вместе с тем, изменения составов правонарушений и меры ответственности за их совершение должны соответствовать требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а именно отвечать следующим критериям:

- необходимости;
- пропорциональности;
- соразмерности [2].

Речь идет об ограничении прав и свобод граждан конституционно значимым целям, признающим равенство всех перед законом, их главенствующую ценность в демократическом правовом государстве, которым признает себя Россия. При этом при совершении деяний лицо должно четко представлять возможные правовые последствия собственных действий, исходя из санкций соответствующей нормы уголовного закона [3].

Следовательно, исходя из указанных критериев меры ответственности должны учитывать, в частности характер, степень опасности правонарушения и размер и характер причиненного ущерба. Если мы проецируем данные положения на незаконное предпринимательство в сфере строительства, то здесь можно утверждать о целесообразности санкций в денежном выражении, например, штраф.

Ст. 171 УК РФ можно назвать общей относительно ст.ст. 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 171.5, которые как бы конкретизируют незаконную предпринимательскую деятельность по отраслям хозяйствования, что делает ее применимой к сфере строительства, наряду с еще одной «отраслевой» статьей 200.3 УК РФ [4].

Нормы ст. 171 УК РФ являются бланкетными по своему характеру и отсылают к федеральному закону о лицензировании [5], в частности применимо к сфере строительства можно указать еще один отсылочный нормативный акт — приказ Минрегиона России от 30.12.2009 г. № 624 «Об утверждении перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства».

Исключение из действующей редакции ст. 171 УК РФ указания на крупный и особо крупный размер дохода

означает, что такой доход впредь не может считаться соответственно криминообразующим или квалифицирующим признаком состава незаконного предпринимательства.

Что же касается сохраняющего свое составообразующее значение признака причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству, то судами он не устанавливался и не учитывался ранее [6].

Однако, возникает неопределенность в оценке ущерба, поскольку в приговорах судов по делам о незаконной предпринимательской деятельности в сфере строительства оценивался именно доход, подтвержденный договорами и платежными документами, что согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ [7].

Кроме того, доходом для целей денежного возмещения признается общая сумма незаконного обогащения, полученная в результате совершения преступления (без вычета произведенных расходов) [8].

Следовательно, возникает противоречие Общей и Особой части УК РФ с учетом отсутствия разъяснений по вопросам определения собственно ущерба, причиненного незаконным предпринимательством, со стороны Верховного Суда РФ. Некоторые авторы придерживаются мнения, что ущерб должен быть прямым действительным, то есть отражать реальный вред, причиненный организациям, гражданам и государству [9].

Проецирование на сферу строительства положений ст. 171 УК РФ позволяет говорить о том, что законодатель фактически легализовал такое деяние как строительство многоквартирного дома на земельном участке, принадлежащем на праве собственности физическому лицу, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя с последующей реализацией квартир в построенном многоквартирном доме, — поскольку оценить ущерб и собственно его наличие не представляется возможным, либо если интерпретировать его как неуплаченные налоговые и лицензионные платежи, то он будет в разы меньше, установленного криминообразующего признака преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ в новой редакции. В данном случае мы можем рассмотреть полученный доход от совершенного деяния как доход, полученный с нарушением норм законодательства РФ, что фактически является ущербом государству. С позиции экономики это также подтверждается тем, что указанные денежные средства изымаются из коммерческого оборота, который лежит в основе валового национального дохода, и уходят в конечное потребление домашних хозяйств, что также можно идентифицировать как ущерб государству. С позиции ущерба, причиненного гражданам, здесь целесообразно рассматривать в совокупности с потенциально опасными последствиями для их жизни и здоровья (поскольку могут отсутствовать необходимые строительные экспертизы и заключения уполномоченных органов), а также в виде потенциального лишения купленного жилья в рамках решений судебных и надзорных органов.

Таким образом, различие точек зрения о том, какие конкретно формы ущерба можно считать прямыми и дей-

ствительными, в частности, неуплаченные налоги и сборы, упущенная выгода, необоснованное обогащение и др., потенциально порождает противоречивую судебную прак-

тику по делам о незаконном предпринимательстве, что требует от законодателя принятия соответствующих решений.

Литература:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ. — Текст: электронный // СПС Консультант-Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473935/ (дата обращения: 10.10.2024).
2. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.10.2024).
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Недильского Ивана Романовича на нарушение его конституционных прав пунктом «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 г. № 1446-О. — Текст: электронный // СПС Консультант-Плюс: [сайт]. — URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506985&cacheid=8E0CB4AAD1D764A16AF6B96EE92F2F68&mode=splus&rnd=tNa2zA#2WtppPUF9cсWAN9> (дата обращения: 10.10.2024).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. — Текст: электронный // СПС Консультант-Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.10.2024).
5. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 10.10.2024).
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимошенко Максима Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16.05.2024 г. № 1120-О. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=812169&cacheid=F80422E2E829F7946C6BE8EC6F46CAAD&mode=splus&rnd=tNa2zA#whgtpPUXwqLJ7oMG> (дата обращения: 10.10.2024).
7. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 г. № 23. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/ (дата обращения: 10.10.2024).
8. По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шатило: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 г. № 19-П. — Текст: электронный // СПС Консультант-Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445140/ (дата обращения: 10.10.2024).
9. Усенко, О. В. Проблема установления размера ущерба или дохода при раскрытии и расследовании незаконного предпринимательства / О. В. Усенко // Российский следователь. — 2020. — № 1. — С. 23–26.

Методико-тактические аспекты расследования экологических преступлений

Мункуев Пётр Александрович, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Статья вобрала в себя нормы, которые отражают как методические, так и тактические приёмы расследования экологических преступлений, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса.

Ключевые слова: экологическое преступление, осмотр, происшествие, преступление, УК РФ, допрос, подозреваемый, источник, загрязнение.

Конституция Российской Федерации в статье 42 закрепила право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [1].

В современном мире вопросы экологии становятся всё более актуальными. Увеличение числа экологических преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, угрожают не только экосистемам, но и ставят под сомнение устойчивое развитие общества, требуя от право-

охранительных органов нового подхода к их расследованию.

Методико-тактические аспекты расследования оговоренных преступлений включают в себя разнообразные стратегии и методы, которые позволяют эффективно выявлять и документировать правонарушения, а также привлекать к ответственности виновных. Ключевыми компонентами этого процесса являются использование современных технологий, междисциплинарный подход и сотрудничество с различными заинтересованными сторонами, включая государственные органы различного уровня.

Для того чтобы установить наличие достаточных оснований в целях возбуждения уголовного дела, необходимо, прежде всего, точно установить наличие фактов загрязнения водоёма или воздуха, были ли нарушены правила охраны окружающей среды при производстве работ, вред какой степени причинён растительному или животному миру, водным биологическим, лесным ресурсам, сельхоз угодьям и т.д. В контексте уголовного права необходимо установить именно факт совершения преступления, потому что за действия, направленные против экологического благосостояния, ответственность наступает в любом случае, однако её вид находится в прямой зависимости от размера причинённого ущерба, ведь у каждого уголовного состава экологических преступлений есть административный аналог [2, с. 30].

Вопрос о возбуждении уголовного дела требует от следователя получить ряд документов, к которым среди прочих относятся: акт о нарушении правил охраны и пользования водными ресурсами; расчёт суммы материального ущерба, причинённого сырьевым запасам реки; справка о количестве вывезенных отходов производства; акты анализа проб сточных вод и грунта по каналу их спуска; лабораторные анализы заборов проб воздуха, проведённые врачами.

По делам об экологических преступлениях надлежит установить факты:

- а) загрязнения водоёма, реки, озера, пруда, иных водных источников, б) их засорения;
- в) истощения поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения;
- г) иного изменения их природных свойств;
- д) нарушения правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ, эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, повлёкшие загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха, а также наступление ранее перечисленных вредных последствий.

При этом следователю необходимо разрешить следующие вопросы: содержит ли допущенное нарушение признаки состава экологического преступления; где, на какой территории расположен непосредственный источник загрязнения; кто виновен в преступном загрязнении водоёма или воздуха; какие причины и условия побудили виновного совершить экологическое преступление; имеются ли смягчающие и отягчающие вину обстоятельства;

какие обстоятельства способствовали совершению преступления и так далее [3, с. 247].

Методика расследования экологических преступлений включает в себя два основных подхода: реагирование на только что (недавнее) совершённое преступление и обнаружение следов преступления по прошествии определённого количества времени. Как правило, не всегда удаётся раскрыть преступление «по горячим следам», или в целом его обнаружить в короткие сроки (например, мусорные свалки могут иметь несанкционированный характер довольно продолжительное время, прежде чем будут обнаружены компетентными органами или общественностью) [7, с. 105].

Если уголовное дело возбуждено сразу после получения сообщения организаций либо учреждений, от отдельных граждан либо представителей общественности, источник загрязнения известен, а следы сохранены, следователь должен: немедленно произвести осмотр; зафиксировать и изъять материальные следы; выявить и допросить/опросить возможных свидетелей. Затем проводится осмотр экологически опасных участков предприятия-загрязнителя, допрос очевидцев произошедшего и работников предприятия, выемка и изучение технологической и иной документации, отражающей работу предприятия, назначаются судебные экспертизы.

Второй случай является менее желательным для расследования преступлений, однако он тоже имеет место быть. При обнаружении следов экологического преступления после временного прошествия зачастую механизм его совершения остаётся неясен, следы сохранились частично, а то их и вовсе может не быть, следователю необходимо: собрать всю возможную информацию о случившемся; ознакомиться с прилегающими предприятиями; отправить обнаруженные материалы на экспертизу для установления их возраста, чтобы в последующем определить временной интервал, в который функционировали находящиеся на определённой территории предприятия; точно проработать всевозможные варианты, а при необходимости изъять документацию; назначить проведение необходимых судебных экспертиз.

Задача расследования в этом случае — установить конкретный источник загрязнения и виновных лиц.

Объём и направленность следственных действий зависят от площади загрязнения и наступивших вредных последствий. В необходимых случаях требуется создание следственной группы.

При проверке версии о виновнике преступного загрязнения нужно убедиться в том, что в то время, когда были допущены нарушения правил, данное лицо исполняло обязанности, связанные с эксплуатацией очистного сооружения, хранением либо уничтожением вредных веществ.

Методика расследования преступлений любого вида очень тесно переплетена с тактикой его расследования.

Само расследование экологических преступлений имеет ряд особенностей, которые выражаются в специфике проводимых следственных действий. Среди мно-

жества проводимых следственных действий рассмотрим такие как: осмотр места происшествия; допрос [4, с. 77].

Место происшествия по рассматриваемой категории уголовных дел наиболее часто является местом преступления и представляет собой участок открытой удалённой от населённых пунктов местности, где произошло противоправное экологическое деяние.

Осмотр места происшествия позволяет решить ряд задач, которые впоследствии приводят к более успешному раскрытию преступления. По нашему мнению к ним стоит отнести: обнаружение, фиксацию и изъятие следов экологического преступления; получение максимально полной информации о способе преступления и лице, его совершившем, его соучастниках; оценку обстановки места происшествия; выяснение наличия иных обстоятельств, имеющих значение для дела (например, способствующих совершению преступления, и пр.).

Непосредственно порядок производства осмотра места происшествия закреплён в статье 177 УПК РФ. Однако в уголовных делах по экологическим преступлениям зачастую допускаются нарушения этого порядка, влекущие недопустимость доказательств, полученных в ходе данного следственного действия. В некоторых случаях недостатки при производстве осмотра обусловлены его серьёзной трудоёмкостью. По данным учёных, длительность осмотров мест происшествий по экологическим преступлениям в большинстве случаев превышает один час (около 70% уголовных дел), а иногда требует времени и более пяти часов (около 4% уголовных дел). Статистика показывает, что около 40% опрошенных сотрудников правоохранительных органов пояснили, что осмотр места происшествия по незаконным рубкам лесных насаждений являлся для них наиболее сложным следственным действием.

Как и любое следственное действие тактика осмотра места происшествия подразделяется на подготовительный и последующий этапы. Первый из них включает в себя: определение состава участников следственно-оперативной группы; подбор одежды, соответствующей условиям осмотра места происшествия; определение набора криминалистических средств и т.д.

Следующим видом тактического приёма является допрос.

Криминалистическая литература выделяет необходимость подразделения осуществляемой тактики допроса в зависимости от процессуального статуса лица: подозреваемый, обвиняемый, осуждённый, потерпевший, представитель потерпевшего, свидетели и т.д.

Рассмотрим непосредственно допрос подозреваемого в совершении преступления лица.

Учёными-криминалистами выделяются следующие типичные ситуации: подозреваемый (обвиняемый) полностью признаёт себя виновным и объективно рассказывает о содеянном; полностью признаёт вину, но в его показаниях имеются противоречия с доказательствами, имеющимися в деле; не признаёт себя виновным и объясняет причины; не признаёт вину и отказывается от дачи показаний [5, с. 300].

Данная классификация достаточно подробно и универсальна, она положена в основу приводимого деления ситуаций допроса подозреваемого. Если в качестве основания деления выдвинуть наличие признаков противодействия расследованию экологического преступления, то ситуации допроса подозреваемого можно представить следующим образом: подозреваемый полностью признаёт вину, и в его показаниях нет признаков противодействия расследованию; подозреваемый полностью признаёт вину, но в его показаниях есть признаки противодействия расследованию; подозреваемый не признаёт вину (полностью или частично). Само по себе непризнание вины может рассматриваться при определённых обстоятельствах как противодействие расследованию [6, с. 111].

Важным аспектом является порядок предъявления доказательств. Целесообразно использовать следующие приёмы предъявления доказательств: а) в нарастающей последовательности доказательственного значения; б) одновременное предъявление имеющихся у следователя доказательств в совокупности.

Осуществляя допрос подозреваемого по указанной категории преступлений большей, по сравнению с другими, эффективностью обладают такие средства доказывания, как: заключения экспертов; вещественные доказательства; протоколы следственных действий с приложениями в виде фото-таблиц и видеозаписи.

Таким образом, эффективное расследование экологических преступлений требует не только применения современных методик и технологий, но и активного взаимодействия между различными заинтересованными сторонами. Правоохранительные органы должны быть готовы к оперативному реагированию на экологические правонарушения, особенно в условиях растущего числа таких преступлений и их воздействия на здоровье человека и окружающую среду. Важно также подчеркнуть значимость предварительной подготовки следователей, которые должны обладать необходимыми знаниями о специфике экологических норм и правил, а также о возможных последствиях нарушений. Интердисциплинарный подход и сотрудничество с экологами, медиками и другими специалистами помогут более точно установить факты и собрать доказательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12. 12. 1993. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

- Ильцова К. А. Проблемы расследования экологических преступлений: дис. ... канд. юр. наук. — Пенза, 2021. — 54 с.
- Васильева М. А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений: дис. ... канд. юр. наук. — Москва, 2021. — 519 с.
- Васильева М. А. Особенности тактики отдельных следственных действий при расследовании экологических преступлений // Право. — 2021. — № 1. — 76–80 с.
- Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник для вузов. М.: НОРМА, 2000. — 1000 с.
- Белкин Р. С. Курс криминалистики. — Волгоград: криминалистическая энциклопедия, 2018. — 312 с.
- Макаренко И. А. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2024. — 205 с.

Квалификация дистрибьюторского договора и его место в гражданском законодательстве

Нефедов Егор Романович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Ключевые слова: дистрибуторизация, договор купли-продажи, законодательство, дистрибьюторский договор.

Qualification of the distribution agreement and its place in civil law

Nefedov Egor Romanovich, student master's degree
Togliatti State University

Keywords: distributorization, purchase and sale agreement, legislation, distribution agreement.

Исследование проблематики, связанной с квалификацией дистрибьюторского договора и его позиционированием в системе гражданского законодательства, становится всё более актуальным в контексте развития рыночных отношений и необходимости оптимизации правового регулирования предпринимательской деятельности.

Дистрибьюторские договоры представляют собой широко распространённый инструмент в сфере торговли и оказания услуг, что обуславливает необходимость тщательного анализа их правового регулирования.

Цель исследования, посвящённого анализу квалификации дистрибьюторского договора и его положения в системе гражданского законодательства, состоит в выявлении характерных черт этого типа соглашения, его признаков, а также в определении его места и роли в иерархии гражданско-правовых договоров в Российской Федерации.

Исследование было проведено на основе тщательного анализа научных трудов и судебной практики. В ходе работы были изучены положения Гражданского кодекса Российской Федерации и других законодательных актов, а также рассмотрены ключевые аспекты дистрибьюторского договора, включая его смешанный характер и сходство с договорами купли-продажи, перевозки, поставки и коммерческой концессии.

В результате исследования была выявлена сущность дистрибьюторского договора и его роль в российской системе гражданско-правовых соглашений. Было установлено, что

дистрибьюторский договор представляет собой ключевое обязательство по реализации, продвижению и распространению товаров поставщика на определённой территории.

Результаты исследования, посвящённого изучению квалификации дистрибьюторского договора и его места в системе гражданского законодательства, могут быть представлены следующим образом.

1. Определение дистрибьюторского договора: в ходе исследования было установлено, что дистрибьюторский договор представляет собой соглашение между производителем (поставщиком) и дистрибьютором, в соответствии с которым дистрибьютор получает право реализовывать товар на определённой территории. Договор может также включать условия о ценах, объёмах поставок и условиях возврата товара.

2. Классификация дистрибьюторских договоров: дистрибьюторские договоры могут быть классифицированы по различным критериям, таким как:

- тип товаров (потребительские, промышленные, услуги);
- географический охват (локальные, региональные, международные);
- степень эксклюзивности (эксклюзивные и неэксклюзивные).

3. Правовая природа договора: в ходе исследования было выявлено, что дистрибьюторский договор в большинстве случаев имеет элементы как гражданско-пра-

вового, так и коммерческого договора. Кроме того, дистрибьюторский договор может включать в себя элементы агентского договора, что усложняет его квалификацию в рамках гражданского законодательства.

4. Регулирование дистрибьюторского договора в гражданском законодательстве: исследование показало, что в российском гражданском законодательстве дистрибьюторский договор может быть охарактеризован как смешанный договор, так как он включает в себя элементы как купли-продажи, так и комиссии. Это приводит к необходимости применения различных норм гражданского законодательства в зависимости от конкретных условий договора.

5. Практическое значение дистрибьюторских договоров: исследование выявило, что дистрибьюторские договоры играют ключевую роль в организации товарооборота и развитии бизнес-моделей. Они способствуют наливу товаров на рынок, а также формированию систем распределения.

6. Проблемы правоприменения: в результате анализа практики применения дистрибьюторских договоров выявлены следующие проблемы:

- неполнота законодательного регулирования, приводящая к правовым пробелам;
- неоднозначность в определении статуса дистрибьютора в зависимости от условий контракта, что затрудняет защиту прав сторон и определение их ответственности.

7. Рекомендации по улучшению регулирования: для упрощения и улучшения правоприменительной практики в области дистрибьюторских договоров предлагается:

- чётко прописать в законодательстве основные принципы и виды дистрибьюторских договоров;
- обеспечить consistency норм гражданского законодательства, касающихся дистрибуции, и устранить противоречия.

Ответы на вопросы исследования

1. Какова правовая природа дистрибьюторского договора?

Дистрибьюторский договор сочетает элементы купли-продажи и агентского договора, что делает его сложной правовой конструкцией. Исследование подтвердило, что его правовая природа зависит от условий, прописанных в договоре, и намерений сторон.

2. Как дистрибьюторский договор регулируется в российском гражданском законодательстве?

Дистрибьюторский договор регулируется нормами Гражданского кодекса РФ, особенно в частях, касающихся купли-продажи, комиссии и агентских отношений. Однако, законодательство не имеет специфических норм, что создаёт правовые неопределённости.

3. Какова роль дистрибьюторского договора в современном бизнесе?

Дистрибьюторский договор является ключевым инструментом для распределения товаров и услуг на территориях. Он способствует оптимизации товарных потоков и развитию рынков. Важно отметить, что его эффективность связана с условием прозрачности и чёткости всех условий.

Ранее опубликованные работы по дистрибьюторским договорам также подчёркивают их смешанную природу и роль в бизнесе, однако часто акцентируют внимание на отдельных аспектах, таких как права дистрибьюторов или проблемы правоприменения. В отличие от существующих исследований, наше исследование более полно охватывает взаимодействие гражданского законодательства и специфику дистрибьюторских отношений, а также систематизирует информацию по классификации и правовой природе данных договоров.

Основные выводы

- Дистрибьюторский договор имеет сложную правовую природу, что требует комплексного подхода к его квалификации.

- Необходимость разработки более четких законодательных норм, регулирующих дистрибьюторские отношения, отметила однозначную потребность в правовой ясности.

- Дистрибьюторские отношения играют критически важную роль в экономической структуре и бизнесе, что подчеркивает необходимость их глубокой проработки как в научной, так и в практической плоскостях.

- Понимание и квалификация дистрибьюторского договора оказывают непосредственное влияние на правоприменение, защиту интересов сторон и успех коммерческих сделок.

Таким образом, результаты нашего исследования подчеркивают актуальность дистрибьюторских договоров в современных условиях и необходимость их более глубокого изучения в будущем.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.11.2004 № 85 «Обзор практики разрешения споров по договору комиссии».
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М.: Статут, 2002.
5. Карапетов А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. — М.: Статут, 2007.
6. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и её пределы. Том 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. — М.: Статут, 2012.

7. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и её пределы. Том 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. — М.: Статут, 2012.
8. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. — М.: Статут, 2005.
9. Суханов Е. А. Гражданское право. Том 3: Обязательственное право. — М.: Волтерс Клувер, 2008.
10. Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовые вопросы охраны прав потребителей. — М.: Изд-во МГУ, 1993.

Увольнение работника как крайняя мера дисциплинарной ответственности

Пахомова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Самое строгое дисциплинарное взыскание — крайняя мера дисциплинарной ответственности — увольнение работника. Увольнение работника, в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации [1] (далее — Трудовой кодекс РФ), происходит по определенным основаниям.

Работодатель имеет право наложить дисциплинарное взыскание в виде увольнения по следующим основаниям:

— п. 5 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ — неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание;

— п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ — однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей (прогул; появление работника на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; разглашение охраняемой законом тайны, в т.ч. разглашения персональных данных другого работника; совершение по месту работы хищения чужого имущества, растраты, умышленного его уничтожения или повреждения; нарушение работником требований охраны труда, если это нарушение повлекло тяжкие последствия;

— п. 7 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ — совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны работодателя;

— п. 7.1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ — непринятие работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является, непредставление или представление неполных или недостоверных сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

— п. 8 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ — совершения работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы;

— п. 9 и 10 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ — принятие необоснованного решения руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями и главным бухгалтером, повлекшего за собой ущерб имуществу организации; однократное грубое нарушение трудовых обязанностей;

— п. 1 ст. 336 Трудового кодекса РФ — повторное в течение одного года грубое нарушение устава организации, осуществляющей образовательную деятельность;

— ст. 348.11 Трудового кодекса РФ — спортивная дисквалификация на срок шесть месяцев и более; нарушение спортсменом, в том числе однократное, общероссийских антидопинговых правил и (или) антидопинговых правил, утвержденных международными антидопинговыми организациями, признанное нарушением по решению соответствующей антидопинговой организации.

В рамках трудового спора, обязанность доказывания наличия правомерного основания увольнения и соблюдения установленного порядка увольнения лежит на работодателе. Из этого следует, что, сюда же включается обязанность работодателя и доказать, что причина, по которой работник не соблюдал трудовые обязанности, является неуважительной, однако доказательства будут выстраиваться на субъективном мнении.

Например, Советским районным судом города Томска было вынесено решение по делу о восстановлении на работе гражданина, уволенного по пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ. Истец объяснил свое отсутствие на рабочем месте в связи с неразборчивым почерком врача на листе нетрудоспособности, где была указана дата выхода работнику на работу после его выздоровления. Суд в мотивировочной части решения указал, что критически относится к причинам неявки истца на работу, т.к. имеющийся в материалах дела листок нетрудоспособности заполнен понятным и разборчивым почерком. Суд посчитал причину неявки неуважительной и отметил, что работник сам невнимательно прочитал дату выхода на работу [2].

По норме п. 5 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ существует значительное количество судебной практики, когда работодатели часто злоупотребляют своими полномочиями и применяют несоразмерное дисциплинарное взыскание.

Например, работник уволен согласно п. 5 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ за нарушение трудовых обязанностей, выразившемся в нарушении маршрута движения и нарушении охраны труда, а также за незаконный слив дизельного топлива с транспорта, за которым работник был закреплен. Но, приказ об увольнении не содержит кон-

кретных фактов и периодов неисполнения работником его должностных обязанностей, подлежащих проверке на предмет их действительности и вины работника в их совершении, позволяющих сделать вывод об основаниях, ставших причиной для издания приказа, как и о наличии в отношении него неснятого или непогашенного дисциплинарного взыскания. Суд удовлетворил иски работника в полном объеме и признал незаконным приказ об увольнении [3].

Еще один пример из практики Радищевского районного суда Ульяновской области. Работник был уволен на основании п. 5 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ, однако к дисциплинарной ответственности он не привлекался и считает увольнение незаконным. В приказе об увольнении не изложены обстоятельства вменяемого дисциплинарного проступка, не указаны какие конкретно положения должностных инструкций, приказов, локальных актов работодателя, которые были нарушены истцом, не усматривается какое конкретное нарушение трудовой

дисциплины допущено. Суд удовлетворил иски требования и признал приказ об увольнении незаконным [4]. Нельзя не согласиться с выводами суда, поскольку п. 5 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ устанавливает, что трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случае неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание. Иначе говоря, если к работнику не применялось дисциплинарное взыскание, то он не может быть уволен по п. 5 указанной статьи.

Таким образом, увольнение является самым строгим видом дисциплинарных взысканий. Применение данного метода воздействия возможно по строго определенным основаниям, предусмотренным п.п. 5, 6, 9 и 10 ч. 1 ст. 81, п.п. 1 и 2 ст. 336, п.п. 4, 5, 6 ст. 341 и ст. 348.11 Трудового кодекса РФ. Кроме того, увольнение возможно по основаниям, сформулированным в п.п. 7–8 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ, в случае совершения правонарушения по месту работы и в связи с исполнением трудовых обязанностей.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 № 268-ФЗ) // Российская газета — 2001. — 31 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 08.08.2024.
2. Решение Советского районного суда города Томска от 30.03.2015 г. по делу № 2–867/2015. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: [//sudact.ru/regular/doc/b6Lobml2SoZV/](http://sudact.ru/regular/doc/b6Lobml2SoZV/) (дата обращения: 25.10.2024).
3. Решение Корткеросского районного суда Республики Коми от 29.04.2019 г. по делу № 2–111/2019. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: [//sudact.ru/regular/doc/ekWICNf8rxdP/](http://sudact.ru/regular/doc/ekWICNf8rxdP/) (дата обращения: 25.10.2024).
4. Решение Радищевского районного суда Ульяновской области от 30.06.2019 г. по делу № 2–2–216/2019. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: [//sudact.ru/regular/doc/k0X4gwJq0OQK/](http://sudact.ru/regular/doc/k0X4gwJq0OQK/) (дата обращения: 25.10.2024).

Проблемы алиментов и пути их решения

Попова Юлия Алексеевна, студент;

Омельяненко Наталья Евгеньевна, студент;

Милованова Наталья Анатольевна, доцент, зав. юридической клиникой

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В данной статье проведен анализ проблем, связанных с выплатой алиментов, а также найдены пути решения выявленных проблем. Отметим, что в настоящее время имеются правовые, социальные, экономические и административные проблемы взыскания алиментов, в целом приводящие к росту задолженности по алиментным платежам. Особое внимание уделено сокрытию реальных доходов лиц, обязанных уплачивать алименты, а также нецелевому использованию алиментов.

Ключевые слова: алименты, взыскание, проблемы, родители, должник.

Alimony problems and ways to solve them

This article analyzes the problems associated with the payment of alimony, and finds solutions to the identified problems. It should be noted that at present there are legal, social, economic and administrative problems in the collection of alimony, which generally lead

to an increase in arrears in alimony payments. Particular attention is paid to the concealment of the real income of persons obliged to pay alimony, as well as the misuse of alimony.

Keywords: *alimony, collection, problems, parents, debtor.*

Актуальность темы «Проблемы алиментов и пути их решения» обусловлена тем, что вопрос алиментов в наши дни является одним из проблемных для пар, которые расстались и имеют общего ребенка. О том, что не все родители могут спокойно договориться о выплате алиментов, свидетельствуют данные статистики.

Цель исследования. Анализ проблем алиментов и поиск путей их решения.

Основная часть. Свою нелюбовь к алиментам большинство мужчин объясняют тем, что бывшие жены тратят деньги, предназначенные для ребенка, на себя.

Многие мужчины просят предоставлять чеки о покупках ребенку, а также информировать ребенка, о том, что «это подарок от папы», т.к. многие мужчины сталкиваются с ситуацией, когда ребенок рассказывает о материальных подарках, не подозревая, что отец тоже принимает участие в жизни ребенка [1].

Как показывают данные статистики, большинство мужчин уверены, что алименты он платит не ребенку, а бывшей жене. Это, как правило, очень задевает бывших мужей, и они вообще отказываются платить алименты.

Приведем цитату одного из мужчин, участвующих в обсуждении на форуме по теме алиментов: «Почему я должен платить 25% от своей зарплаты чужой женщине? Эта женщина больше не существует в моей жизни! Только от мысли, что она живет за мой счет, мне становится противно. А как объяснить, что при низкооплачиваемой работе, она ездит на два раза в год и часто меняет шубы».

Из чего вытекает проблема нецелевого использования алиментов. Многие женщины тратят большую часть (70–80%) алиментов не на детей [2].

Далее обратимся к законодательству.

Из ст. 80 СК РФ следует, у родителей есть обязательства содержать своих несовершеннолетних детей, а порядок и форма предоставления этого содержания родители определяют самостоятельно. Если родители не содержат своих несовершеннолетних детей, то алименты взыскиваются с родителей через суд [3].

Также согласно ст. 115 СК РФ при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по соглашению об уплате алиментов, виновное лицо несет ответственность в порядке, предусмотренном этим соглашением. А при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере 1/10% от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки [3].

Интересно что все ответчики в судебных процессах, связанных с выплатой алиментов, имеют разный достаток, но все считают, что:

— мамы детей тратят алименты на себя;

— ребенку много не надо;

— есть новый муж, пусть и содержит;

— у меня другая семья и дети, мне надо содержать их.

Основные способы, к которым прибегают бывшие мужья, чтобы не платить алименты [4]:

— скрывают доходы, увольняются и т.д.;

— угрожаю, что заберут детей;

— подключают к решению проблемы матерей, новых жен;

— оказывают психологическое давление;

— настраивают детей против матери.

О неэффективности правового регулирования в сфере взыскания и уплаты алиментов можно сказать, исходя из общей задолженности по алиментам в России.

Согласно данным статистики, в 2023 году в ФСПП находилось 1,5 млн судебных решений о взыскании алиментов, общая сумма которых составила 252 млрд руб.

Основную часть должников по алиментов составляют мужчины, их 90,5% [5].

За период 2019–2023 гг. ежегодный объем алиментов, взыскиваемых ФСПП, увеличился примерно в четыре раза [6].

При анализе проблем взыскания и уплаты алиментов, следует сказать о соотношении этих понятий. Под уплатой алиментов, как правило, понимают добровольное выполнение обязанности по выплате алиментов, взыскание же алиментов предполагает совершение алиментных платежей по решению суда при неисполнении обязанности [7].

Также отметим, что все проблемы, которые связаны с взысканием алиментов в нашей стране, можно разделить на несколько групп [8]:

1) правовые проблемы, связанные с правовым регулированием и правовой защитой прав детей;

2) социальные проблемы, куда относят кризис института семьи, низкий уровень правовой культуры общества;

3) экономические проблемы, связанные с низким уровнем доходов, ростом безработицы, инфляцией;

4) административные проблемы, связанные с качеством работы ФСПП и других органов государственной власти.

При решении проблем, связанных с выплатой алиментов, ключевое значение имеет классификация неплательщиков. Она помогает выделить отдельные группы, состоящие из неплательщиков алиментов, обладающими общими признаками. Классификация неплательщиков алиментов позволяет разработать адресные меры для каждой классификационной категории. Такая классификация разработана социологами А.А. Каратаевой, М.В. Колядой, А.Д. Латкиной на основе проведенных ими исследований. Указанные социологи выделили четыре группы неплательщиков алиментов [9]:

1. Должники, злостно уклоняющиеся от выплаты алиментов. Их характерными чертами является нежелание выплачивать алименты ни при каких обстоятельствах. Нежелание контактировать с бывшей семьей, нежелание контактов с судебными приставами. В эту группу попадает большинство лиц, ведущих асоциальный образ жизни, имеющие судимость, ведущие праздный образ жизни и, как правило, не собираются работать, в том числе официально.

2. Должники, которые находятся в аффективном эмоциональном состоянии. Их характерными чертами является наличие злобы и обиды на бывшую жену, детей или судебных приставов.

3. Неплательщики, которые оказались должниками по независящим от них обстоятельствам. Характерными чертами данной группы являются осознание обязанности выплачивать алименты, но отсутствие возможностей это делать (не могут найти работу, выплачивают ипотеку и кредиты, испытывают дефицит времени для визита к приставам). В этой же группе состоят должники, не осуществляющие выплаты из-за различных ошибок в ФСПП.

4. Временные уклонисты. Характерной чертой должников данной группы является то, что они добросовестно платили алименты, но в связи с возникшими трудностями временно приостановили выплаты. Это как правило, должники, ищущие новую работу, имеющие проблемы со здоровьем.

Приведенная классификация неплательщиков алиментов четко отражает основной состав социальной группы уклоняющихся от выплаты алиментов. Но, в то же время, в данной классификации не нашлось места значительной группе неплательщиков алиментов, которые скрывают свои реальные доходы и декларируют лишь их незначительную часть. Указанная группа уклонистов с позиции закона не попадает с категорию должников, но с точки зрения фактического выполнения функции содержания детей родители указанной группы оказываются недобросовестными плательщиками.

Каждая из выделенных социальных подгрупп неплательщиков предполагает свой подход к работе с ними и свои меры, помогающие решить вопрос неуплаты алиментов.

Можно выделить ряд рекомендаций, например, с должниками, которые уклоняются от уплаты алиментов из-за конфликта с бывшей супругой (ребенком), предлагается общаться при помощи психолога в присутствии судебного пристава.

Важным инструментом является и просветительская работа с молодежью. Школьников старших классов нужно информировать о будущих семейных правах и обязанностях, формировать ответственное отношение к семейным обязанностям, в том числе и к будущим детям.

Особого внимания заслуживает, как уже говорилось, группа, которая скрывает доходы с целью минимизации алиментных платежей. По мнению некоторых исследователей, занимающихся проблемами выплаты алиментов,

необходимо введение института минимального размера алиментов, который следует привязать к прожиточному минимуму ребенка в регионе его проживания. Предложенная мера позволит решить проблемы, связанные с низким размером алиментов из-за сокрытия доходов. Также в решении данной проблемы поможет сокращение неофициальной занятости в рамках государственной макроэкономической политики, но это работа на долгие годы и десятилетия, а обеспечивать содержание детей таких родителей нужно здесь и сейчас.

Отдельно следует выделить и такую проблему, как доказывание факта добровольной уплаты алиментов при отсутствии соглашения и решения суда. Часто возникает ситуация, когда один из родителей добровольно выплачивает алименты, а в дальнейшем другой родитель обращается в суд с требованием взыскать алименты. При отсутствии подтверждающих документов (чеки о покупках одежды, оплате образования, квитанции о переводе денежных средств и т.д.), очень затруднительно доказать факт уплаты алиментов и есть вероятность принятия решения судом о взыскании алиментов. Для решения указанной проблемы необходимо обязательное заключение соглашения об уплате алиментов при расторжении брака, где нужно указать способы уплаты алиментов и далее все алиментные платежи необходимо осуществлять в соответствии с данным соглашением [8].

Что касается нецелевого использования алиментов, то законом до сих пор не предусмотрен строгий контроль над целевым расходованием денежных средств. Даже если размер алиментов внушительный, суд не обязывает взрослого, получающего алименты, предоставлять лицу, уплачиваемому их, документы, которые бы подтверждали расходы на ребенка. Из-за данного пробела законодательства часто возникают ситуации, когда тот кто получает алименты тратит их на личные нужды, а до ребенка доходит лишь малая часть средств [10].

Для решения данной проблемы законом предусмотрено п. 2 ст. 60 СК РФ возможность получения судебного решения о перечислении не более 50% сумм алиментов на личный счет ребенка в банке, если заявитель сможет доказать ненадлежащее исполнение обязанностей другим родителем по содержанию ребёнка. Но как показывает практика, суды часто отказывают в данных случаях, обославляя это тем, что необходимо сохранить прежний уровень обеспечения ребёнка [11].

В связи с этим необходимо дополнить гл. 17 СК РФ нормой, которая дает суду право обязать родителя, получающего алименты на ребенка, размер которых превышает определенную сумму (например, превышает два прожиточных минимума), представлять родителю, который уплачивает алименты, ежемесячный письменный отчет о расходовании средств [12].

Предложенные меры по улучшению ситуации с невыплатой алиментов, в большей степени является делом времени. Ключевым здесь является то, что законодатели должны договориться о деталях каждого из мероприятий.

В заключении еще раз отметим то, что проблема проблемы, связанные с выплатой алиментов в России стоят очень остро. В целом вопрос уплаты и взыскания алиментов имеет не только правовой, но также и социальный и экономический характер, именно поэтому для решения проблем, которые имеются в сфере алиментов следует не только принимать меры, связанные с правовым регулированием, но также и повышать общий уровень жизни в стране, использовать социальную рекламу для увеличения сознательности и правовой культуры граждан и предпринимать иные меры.

Литература:

1. Алименты на ребенка: почему папы так часто не хотят платить? // Комсомольская правда. — URL: <https://www.kp.ru/daily/25907/2863652/> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Мнение: нужна прозрачность расходования алиментов на детей // Т-Ж. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/transparency-of-alimony-spending-opinion/?ysclid=m25vn2zveh247560870> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 1, ст. 16.
4. Как мужчины относятся к алиментам // Юристы Смирновы КЕ. — URL: <https://dzen.ru/a/Yu5QTSCu2w43cMOe?ysclid=m1lhd3o468211213942> (дата обращения: 08.10.2024).
5. Антонов С. Алименты глазами статистики // Статистика. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/alimony-stat/?ysclid=m1lhc5ngh322197327> (дата обращения: 05.10.2024).
6. Объем ежегодно взыскиваемых приставами алиментов вырос почти в 4 раза за 5 лет // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6510694> (дата обращения: 15.10.2024).
7. Максуров А. А. Особенности судебного порядка взыскания // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 1. — С. 63–69.
8. Марковский А. В. Правовые проблемы взыскания уплаты алиментов в современной России / А. В. Марковский // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 3 (94). — С. 22–26.
9. Тарандо Е. Е. Проблема неуплаты алиментов родителями в России: состояние и перспективы решения / Е. Е. Тарандо // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 11.5. — С. 52–62.
10. Кабобель А. В. Проблемы нецелевого расходования алиментов / А. В. Кабобель // Интернет-конференции сибирского юридического университета. — URL: <https://conf.siblu.ru/problems-neczelevogo-rashodovaniya-alimentov> (дата обращения: 10.10.2024).
11. Баганов А. А. Нецелевое использование алиментов / А. А. Баганов // Баганов А. А. — URL: <https://advokatbaganov.ru/blog/semeynye-sporyr/neczelevoe-ispolzovanie-alimentov/?ysclid=m25vmlv29528928316> (дата обращения: 03.10.2024).
12. Максимович Л. Б. Алименты на ребенка: проблема нецелевого расходования Л. Б. Максимович // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5 (78). — С. 78–81.

Вопросы теории и правоприменительной практики в области кредитования физических лиц

Рязанкина Виктория Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье представлены основные тенденции текущего развития сектора потребительского кредитования в Российской Федерации, определена его динамика, по результатам которого выявлены актуальные проблемы и перспективы развития потребительского кредитования в России. Анализируется текущее состояние рынка потребительских кредитов, выявляются основные тенденции и вызовы, с которыми сталкиваются банки и потребители. Особое внимание уделяется вопросам регулирования и контроля в сфере потребительского кредитования, а также предлагаются пути улучшения доступности кредитования для населения и повышения финансовой грамотности среди потребителей.

Ключевые слова: заемщик, кредитование, процентная ставка, кредитный договор.

Для того чтобы полноценно участвовать в кредитных отношениях, клиенту необходимо хорошо понимать, какая услуга предоставляется в рамках заключаемого договора с банком или другой кредитной организацией. Часто клиенты сталкиваются с проблемами из-за недостаточного внимания, неосведомленности о материальных или правовых аспектах. Чтобы избежать возможных неприятностей, клиент должен тщательно изучать и понимать условия договора, предлагаемые кредитной организацией.

Вопросы, касающиеся кредитных договоров, являются значимыми, поскольку кредитование сегодня широко распространено как в личной, так и в деловой сфере.

Некоторые основные аспекты, требующие изучения и экспертного анализа, включают в себя:

1. Теоретические аспекты кредитного договора:
 - Определение и характеристика кредитного договора в гражданском праве России;
 - Особенности кредитного договора как вида соглашения;
 - Взаимоотношения между сторонами кредитного договора и их права и обязанности;
 - Условия заключения и исполнения кредитного договора.
2. Правоприменительная практика при рассмотрении дел, связанных с кредитными договорами:
 - Анализ судебной практики и разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам, возникающим в процессе рассмотрения споров, связанных с кредитными договорами;
 - Оценка и обобщение актуальных судебных решений и их влияния на установление общих принципов и тенденций в судебной практике.
3. Права и защита прав потребителей кредитных услуг:
 - Изучение и оценка действующего законодательства о защите прав потребителей кредитования;
 - Анализ механизмов защиты прав потребителей кредитных услуг в практике и их эффективность;
 - Разработка рекомендаций по улучшению правовой и нормативной базы и механизмов защиты прав потребителей кредитных услуг.

Исследование указанных вопросов поможет увидеть текущие тенденции и проблемы в области кредитных договоров в гражданском праве России, а также способствует разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики правоприменения в этой области.

На практике стало уже обычным делом, когда банки прописывают дополнительные пункты в договоре наряду с основными. Основываясь на ч. 3 ст. 16 Закона о защите прав потребителей, клиенту, потребляющему материальный продукт, необходимо знать о том, что он вправе исключить дополнительные услуги, если он в них не заинтересован.

Необходимо обратить особое внимание на содержание текста соглашения, так как отказ от дополнительных услуг может привести к потере выгоды для потребителя. Важно учитывать, что каждый договор и каждая ситуация являются уникальными. Решение о защите прав кредитора

или отказе в ней принимается судьей исходя из характера и последствий злоупотребления правом.

В свете этих обстоятельств представляется целесообразным внести изменения в существующие правила, чтобы предусмотреть возможность снижения процентных ставок при значительном их повышении по кредиту.

Таким образом, заемщик не может влиять на кредитную организацию при оформлении соглашения, так как это является неотъемлемой частью обязательства. Ожидать получение денег без включения условия о взимании комиссий в договор нецелесообразно.

Однако, не только банковские комиссии навязываются заемщикам. В некоторых случаях, кредиторы предлагают услугу по страхованию жизни или рисков потери заработной платы для получения разрешения на займ. Суды имеют разное мнение о необходимости заключения договора с этой дополнительной услугой.

По судебной практике, включение условия о добровольном страховании ответственности заемщика суд считает допустимым методом исполнения кредитного обязательства [3, с. 31].

Анализ судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, выявил случаи принуждения кредитора к подписанию договора с ненужными условиями, которые фактически служат основанием для заключения соглашения, а также включение этих условий в текст соглашения, что представляет злоупотребление свободой договора (ссылка) [4, с. 142].

Наиболее значимые проблемы в банковском кредитовании связаны с несправедливыми условиями кредитного договора по отношению к заемщику. Например, заемщик формально не имеет права отказаться от исполнения кредитного договора.

Другая проблема — навязывание дополнительных условий для заключения кредитного договора (к примеру, навязанные банковские комиссии при совершении отдельных операций или обязательное предоставление независимых гарантий от третьих лиц, зачастую сотрудничающих в этой сфере с банками).

Подробнее охарактеризуем ситуации, в которых для получения одобрения кредита в банке заемщику предлагают застраховать свою жизнь или иные риски.

В практике судов нет единства мнений относительно навязывания данной услуги, а выводы зависят от условий дела. Например, в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. № 88–19985/2021 указано, что обязанность застраховать свою жизнь и здоровье не ущемляет права заемщика, так как, исходя из положений Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности», обеспечение финансовой надежности при размещении денежных средств служит одним из принципов функционирования банковской системы в России и не противоречит ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 21 декабря 2013 г.

№ 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», в которой установлен запрет обуславливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг).

Кроме того, суд отметил, что при заключении кредитного договора банк предоставил истцу полную и достоверную информацию как о кредитном договоре, так и об условиях страхования и тарифах банка. В свою очередь, истец добровольно дала согласие по предложенным ей условиям договора и воспользовалась услугами банка [5].

Если заемщика принудили заключить кредитный договор, есть некоторые принципы договорного права, которые могут сделать договор с кредитором недействительным.

– Неправомерное влияние: когда кредитный договор заключается из-за злоупотребления доверием. Обычно это относится к кредитору, злоупотребляющему своим положением доверия в качестве регулируемого поставщика кредитов.

– Экономическое принуждение: если заемщик не заключил кредитный договор свободно и сделал это в результате поведения, которое является незаконным, например, насилия. Обычно это относится к поведению

кредитора. Чтобы доказать экономическое давление со стороны третьей стороны, кредитор должен знать о злоупотреблении.

– Искажение фактов: когда кредитор делает ложное заявление, которое вводит кого-то в заблуждение, заставляя брать кредит. В некоторых случаях эти принципы могут быть использованы для оспаривания ответственности по кредитному договору.

Тем не менее, кредитный договор не является автоматически недействительным в этих обстоятельствах, и это вопрос часто находится на усмотрении суда. В случаях принудительной задолженности большинство оспариваний будут сделаны на основе неправомерного влияния, но это может быть трудно доказать. Неправомерное влияние не применяется, если кредитор порекомендовал воспользоваться независимой юридической консультацией по кредитным договорам или объяснил, каковы обязанности по договору и последствия их невыполнения.

Однако кредитное соглашение с кредитором может быть аннулировано, если есть явные признаки экономического принуждения или неправомерного влияния со стороны третьей стороны, такой как партнер, и кредитор игнорирует эти признаки.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа, которые заключены с заемщиком — физическим лицом в целях, и обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, по требованию заемщика» от 1 мая 2019 г. закон № 76-ФЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 28.09.2023).
2. Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» от 21 декабря 2013 г. № 33-ФЗ (с изм. от 14 апреля 2023 г. № 134-ФЗ) // ЭПС «Система ГАРАНТ»: URL: <https://base.garant.ru/70544866/> (дата обращения: 28.09.2023).
3. Кисляков М. А., Фирсов Н. В. Кредитный договор: понятие и особенности заключения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–6. С. 30–32.
4. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. № 88–19985/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSO-J008&n=59257&ysclid=lm9aaoghko36734476> (дата обращения: 21.04.2023)

Добровольный отказ от преступления — неоконченное преступление?

Саая Яна Аяновна, студент

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

Целью работы является изучение института добровольного отказа от преступления в контексте отнесения к видам неоконченных преступлений.

Ключевые слова: добровольный отказ, стадии совершения преступления, неоконченное преступление.

Выделение видов неоконченного преступления в уголовном праве действительно представляет собой интересную и сложную задачу, которая требует внимательного анализа, как законодательных норм, так и теоретических подходов.

В соответствии с частью 2 статьи 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), можно говорить, что неоконченные преступления делятся на два типа: приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Некоторые исследователи с такой концепцией не согласны, и выдвигают свои теории и обоснования о том, что существует, то не два, а три типа таких преступлений. По этому сравнительно редкому мнению, помимо прекращения подготовки и покушения лицом, находящимся вне его контроля, так же имеется добровольно незавершенное лицом деяние, которое означает его отказ от совершения преступления [1].

Мнения исследователей, поддерживающих такой вариант, несколько нелогичны, поскольку в таком случае искажается значение добровольного отказа как обстоятельства, при котором лицо не подлежит уголовной ответственности.

Тем не менее, законодатели указывают на применимость добровольного отказа исключительно к неоконченным преступлениям, так как норма о таком явлении размещена наряду с нормами о покушении и приготовлении.

То есть добровольный отказ имеет место быть исключительно в случаях, когда преступление не доведено до конца.

Добровольный отказ от совершения преступления является значимым институтом для уголовного права, так как он позволяет учитывать моральные и психологические аспекты поведения лица, которое решило прекратить противоправные действия.

Этот институт регулирует случаи, когда лицо, которое приступило к подготовке к преступлению или к его совершению, самостоятельно останавливает свои действия, что, конечно же, имеет колоссальное значение для правоприменителей.

Понятие добровольного отказа заключается в активном, самостоятельном и безусловном прекращении противоправной деятельности [2].

Важно понимать, что это не пассивное прекращение действий из-за непредвиденных обстоятельств (например, вмешательства третьих лиц, отсутствия возможности продолжения преступления), а осознанный, волевой акт, направленный на предотвращение наступления общественно опасных последствий.

Правовое значение добровольного отказа от преступления состоит в том, что он является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Основанием такого исключения является отсутствие в деянии виновного состава преступления. Отказ от доведения преступления до конца исключает уголовную ответственность, если отказ является: добровольным и окончательным.

Институт добровольного отказа, несмотря на свою кажущуюся простоту, имеет сложную природу и требует тщательного анализа в каждом конкретном случае. Его регулирование имеет важное значение для справедливого применения уголовного закона, стимулируя прекращение преступной деятельности и содействуя восстановлению нарушенных прав и интересов.

Лицо, может изменить своё решение и отказаться от реализации задуманного. Это может произойти по множеству причин: от внутреннего морального конфликта до внеш-

него давления со стороны окружающих или обстоятельств, которые внезапно изменились. Когда такое решение принимается осознанно и добровольно, встает вопрос о наличии признаков добровольного отказа от преступления.

Как таковой институт добровольного отказа от совершения преступления стал активно обсуждаться и анализироваться в юридических кругах только в последние несколько лет. Включение четкого определения этого термина в Уголовный кодекс Российской Федерации стало важным шагом в развитии уголовного законодательства.

В современном уголовном праве России, согласно части 1 статьи 31 Уголовного кодекса Российской Федерации, «добровольный отказ от совершения преступления определяется как прекращение лицом приготовления к преступлению или прекращение действий (бездействия), которые непосредственно направлены на его совершение, при условии, что лицо осознавало возможность доведения преступления до конца».

Исходя из данной дефиниции, если лицо, намеревавшееся совершить преступные действия, в какой-либо момент решает отказаться от своих намерений и останавливается, то оно не подлежит уголовной ответственности.

Анализ норм статьи 31 Уголовного Кодекса РФ позволяет выделить три основных признака добровольного отказа от преступления:

- во-первых, это окончательное прекращение приготовления к преступлению или покушения на него;
- во-вторых, отказ от преступления должен исходить из воли самого лица, что подчеркивает его активную позицию в этом процессе;
- в-третьих, наличие у лица осознания возможности доведения преступления до конца также является важным условием для признания отказа добровольным.

О. С. Капинус справедливо подчеркивал социально полезный характер добровольного отказа: «Он предотвращает вред охраняемым уголовным законом интересам и одновременно избавляет преступника от неблагоприятных последствий ответственности. Этот акт является не просто отсутствием дальнейших действий, а позитивным вкладом в предотвращение преступления. Именно это активное предотвращение и отличает добровольный отказ от простого недоведения преступления до конца по независящим от лица причинам» [3].

Прежде всего, как уже отмечалось, отказ должен быть действительно добровольным, то есть не обусловленным внешними принуждающими факторами [4]. Давление со стороны правоохранительных органов, угрозы со стороны третьих лиц, внезапно возникшие обстоятельства, препятствующие завершению преступления, — все это исключает квалификацию действий как добровольного отказа. Действия лица должны быть продиктованы исключительно внутренним решением прекратить преступную деятельность.

Далее, добровольный отказ должен быть своевременным. Здесь нет четких временных рамок, но важно, чтобы отказ последовал до момента, когда преступление

стало бы необратимым, то есть до момента, когда наступление общественно опасных последствий стало бы неизбежным. Это зависит от конкретного вида преступления и степени его завершенности на момент отказа.

Например, при покушении на убийство добровольный отказ должен последовать до нанесения смертельного повреждения, а при приготовлении к краже — до момента непосредственного проникновения на охраняемый объект.

Кроме того, добровольный отказ должен быть окончательным и безусловным. Это означает, что лицо не

должно планировать возобновления своей преступной деятельности в будущем. Ведь даже кратковременное прекращение действий с последующим их возобновлением не будет рассматриваться как добровольный отказ. Закон требует окончательного разрыва с преступными намерениями. Окончателность и безусловность подтверждается поведением лица после прекращения противоправной деятельности.

В этом контексте добровольный отказ от преступления не может относиться к неоконченному преступлению.

Литература:

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Н. Е. Крылова, В. С. Комиссаров, И. М. Тяжкова. — Москва: Статут, 2012. С. 198
2. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.]; ответственный редактор И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — С. 136
3. Уголовное право России. Общая часть: учебник для специалитета / О. С. Капинус и др. 2-е изд. — Москва: Изд. Юрайт, 2019. С. 223
4. Акутаев Р. М., Марданова С. А. К вопросу о добровольном отказе от совершения преступления // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 1

Проблемные аспекты изменения и прекращения судом жилищных правоотношений

Селецкая Анна Андреевна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

Жилищные правоотношения играют ключевую роль в обеспечении права каждого гражданина на комфортное и безопасное жилье. Однако, несмотря на стремление государства обеспечивать стабильность и защиту жилищных прав, возникает множество проблем, связанных с изменением и прекращением этих правоотношений. Вопросы, касающиеся изменения жилищных правоотношений и их прекращения, часто становятся предметом судебных разбирательств, что подчеркивает юридическую значимость и сложность темы. Основной проблематикой является то, что изменение или прекращение жилищных прав может существенно повлиять на жизнь граждан, что влечет не только материальные, но и социальные последствия. Юридические сложности возникают из-за наличия множества нормативных актов, регулирующих эти вопросы, а также из-за частых изменений в законодательстве, что затрудняет правоприменительную практику и порождает правовую неопределенность. Судебная практика по жилищным спорам показывает, что основные проблемы связаны с доказыванием гражданских прав на жилье, вопросами выселения, прекращения права пользования жильем, и напряженностью между защитой прав собственников и прав арендаторов. Кроме того, значительные трудности происходят в случаях, когда необходимо учитывать интересы уязвимых слоев населения, таких как малоимущие семьи, инвалиды или пенсионеры. Изучение этих аспектов требует комплексного подхода, включающего анализ законодательства, практики его применения и международного опыта. Это позволит не только выявить существующие проблемы, но и предложить эффективные способы их решения, направленные на гармонизацию интересов всех участников жилищных правоотношений.

Ключевые слова: жилищное право, жилищные правоотношения, защита жилищных прав, изменение и прекращение жилищных правоотношений, жилищные споры.

В современной правовой практике вопросы изменения жилищных правоотношений плавно перетекают в одну из ключевых проблем правоотношений в жилищной сфере в целом. Это связано с динамикой развития

законодательства, социально-экономическими изменениями в обществе и острыми конфликтами интересов участников жилищных отношений. На первый план выходит необходимость защиты прав и законных интересов

граждан в процессе изменения условий использования недвижимости. Рассмотрим основные типы проблем, возникающих при изменении жилищных правоотношений.

Во-первых, явной проблемой является правовая неопределенность. Законодательные акты порой могут быть неоднозначными или недостаточно детализированными в части регулирования изменения жилищных правоотношений. Это касается в том числе и института пересмотра условий договоров аренды, социального найма и иных видов договоров, связанных с жильем. Недостаточная проработка нормативной базы ведет к правовой неопределенности, вызывающей сложности как для участников правоотношений, так и для судебных органов.

Во-вторых, существует проблема исполнения судебных решений. Изменение жилищных правоотношений часто не ограничивается только правовым аспектом, но и включает в себя выполнение сложных процедур, касающихся реального перемещения лиц, изменения условий проживания и прочее. Эффективность исполнения судебных решений в этой области иногда оставляет желать лучшего из-за отсутствия четких механизмов, направленных на реализацию решений суда.

В-третьих, конфликт интересов участников: изменения в жилищных правоотношениях часто затрагивают интересы множества лиц — от владельцев и арендаторов до органов власти и соседей. Каждая сторона имеет свои законные интересы, которые иногда находятся в резком противоречии друг с другом. Несмотря на наличие собственных прав и законных интересов, часто решения в пользу одной стороны влекут значительные неудобства или ущерб для другой.

А также — социальная значимость жилища: жилье не является обычным товаром или услугой, поскольку имеет огромное социальное значение. Любое изменение условий жилищных правоотношений должно учитывать этот факт, стремясь к сохранению социальной стабильности и обеспечению достойных условий проживания для всех участников. Решение данных проблем требует активного сотрудничества всех заинтересованных сторон, глубокого анализа существующих норм и практик и, при необходимости, корректировки законодательной базы. Это позволит сделать процесс изменения жилищных правоотношений более предсказуемым, справедливым и эффективным.

Изменение жилищных правоотношений может быть вызвано множеством причин, связанных как с личными обстоятельствами участников правоотношений, так и с необходимостью реагирования на изменения в законодательстве или социально-экономических условиях в стране. Одной из основных причин, требующих изменения жилищных правоотношений, является изменение семейного состава. Это может касаться как увеличения семьи, так и её уменьшения, например, в результате развода или смерти одного из собственников жилья. В таких случаях возникает необходимость перераспределения прав и обязанностей, связанных с владением, пользо-

ванием и распоряжением жильем. Значительным фактором является также изменение в законодательстве, касающееся жилищных прав и обязанностей. Изменения в жилищном кодексе, введение новых норм и правил, направленных на улучшение жилищных условий или урегулирование спорных вопросов, требуют переосмысления и адаптации действующих договоренностей. Экономические изменения в стране, такие как инфляция, изменение стоимости жилья, экономический кризис, также могут стать причиной для пересмотра жилищных правоотношений. Падение покупательской способности может привести к необходимости пересмотра условий кредитования и аренды, что в свою очередь требует вмешательства суда для защиты прав и интересов сторон. Кроме того, необходимость изменения может возникать в случае возникновения технических или правовых ошибок при оформлении прав на жильё, когда регистрация сделки проведена с нарушениями или допущены ошибки, которые могут серьёзно повлиять на права и обязанности сторон. Таким образом, предпосылки для изменения жилищных правоотношений многообразны и часто требуют индивидуального подхода для каждого конкретного случая, в том числе с привлечением судебной системы для корректировки или прекращения действующих договоренностей.

Судебная практика в области изменения жилищных правоотношений демонстрирует разнообразие подходов и интерпретаций, которые зависят от конкретных обстоятельств дела. Одним из ключевых аспектов, на который обращают внимание суды, является правомерность причин изменения условий жилищных правоотношений. Например, изменение условий договора аренды может происходить по инициативе арендодателя или арендатора, однако такие изменения должны быть обоснованы и законными, например, ростом стоимости содержания недвижимости или изменением законодательства. Значимую роль играет также защита прав уязвимых категорий граждан, включая нанимателей социального жилья. Суд может признать изменение или прекращение правоотношений недействительным, если оно противоречит основам социальной защиты или правам граждан на жильё. При этом, действия по выселению или изменению условий договора должны быть соответственно обоснованы и происходить в строгом соответствии с законом. Вопросы, касающиеся капитального ремонта или реконструкции, также часто являются предметом судебного разбирательства. Здесь судам приходится балансировать между интересами собственников и арендаторов. Например, решение о реконструкции дома в целях его сохранения может вести к временным ограничениям использования жилья для арендаторов, которые должны быть четко регламентированы и обоснованы. Другой случай — споры, возникающие при прекращении права пользования жильем из-за неисполнения обязательств по оплате. В таких ситуациях суды часто ищут баланс между правами и обязанностями всех сторон, рассматривая возможность предоставления отсрочек или рассрочек пла-

тежей, чтобы избежать крайних мер, таких как выселение. Таким образом, судебная практика по изменению жилищных правоотношений освещает комплексные вопросы, требующие тщательного разбора всех аспектов ситуации. Это подчеркивает необходимость индивидуального подхода в каждом конкретном случае, отталкиваясь от юридических норм и принципов справедливости.

Прекращение жилищных правоотношений представляет собой сложный юридический процесс, который может возникать по различным основаниям, включая сделки с недвижимостью, смену собственника, смерть арендатора или нарушения условий договора. Среди проблем, возникающих при этом, можно выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, существует проблема нечетко определенных законодательных рамок, регулирующих процедуру прекращения жилищных правоотношений. Законодательство в этой области зачастую содержит противоречия или не даёт чётких указаний о порядке действий при различных сценариях прекращения жилищных правоотношений, что вызывает трудности в их правоприменении.

Вторая значимая проблема — это защита прав уязвимых категорий граждан, таких как арендаторы. Закон должен обеспечить защиту их интересов, чтобы избежать незаконного выселения или необоснованного лишения жилья. В связи с этим, суды должны строго соблюдать баланс интересов всех сторон жилищных правоотношений, что на практике иногда не соблюдается.

Третья проблема заключается в сложности процессуальных аспектов прекращения жилищных правоотношений. Оформление необходимых документов, сбор подтверждающих материалов и участие в судебных заседаниях может затянуться на неопределенный срок, что в свою очередь приводит к увеличению времени и издержек для всех участников процесса. Дополнительной сложностью является урегулирование вопросов, связанных с перераспределением обязательств по текущим долгам по коммунальным платежам и другим платежам, которые были связаны с эксплуатацией жилья. Нередко суды сталкиваются с проблемой определения, кто и в какой мере должен нести эти обязательства после прекращения правоотношений.

Таким образом, сложность и многообразие проблем, связанных с прекращением жилищных правоотношений, требуют тщательного анализа и модификации существующего законодательства для обеспечения защиты прав всех участников данных отношений и обеспечения законности, и справедливости проводимых процедур.

Судебное прекращение жилищных правоотношений является одной из наиболее сложных и значимых категорий дел в области жилищного законодательства. Данный процесс может быть инициирован по различным основаниям, к которым обычно относятся нарушения условий договора аренды, нецелевое использование жилья, необходимость изъятия для государственных или муниципальных нужд. Одним из ключевых аспектов

при рассмотрении таких дел является определение оснований прекращения жилищных правоотношений. Законодательство четко регламентирует условия, при которых возможно расторжение договора аренды или аннулирование права собственности. К примеру, неуплата арендной платы в течение установленного периода может стать основанием для иска о прекращении арендных отношений [1]. Судебная практика показывает, что при принятии решений важно учитывать все обстоятельства дела, включая характер нарушений и социальный статус участников правоотношений. Суды часто призываются к балансу между защитой прав собственников и предоставлением возможности для исправления ситуации нарушителями. В контексте выселения наиболее жесткие требования предъявляются к процедуре доказывания необходимости освобождения жилого помещения. Закон защищает права жильцов, требуя от истца предоставления неопровержимых доказательств нарушений, делающих невозможным дальнейшее проживание арендатора в жилье. В связи с высокой социальной значимостью жилищных вопросов, важную роль играет также соблюдение процессуальных требований к проведению судебных разбирательств. Возможность апелляционного и последующего кассационного обжалования является критически важной для обеспечения законности и справедливости в процессе прекращения жилищных правоотношений. Таким образом, прекращение жилищных правоотношений через суд требует не только знания закона, но и тщательного анализа каждого конкретного случая, учета всех связанных с ним обстоятельств, а также взвешенного применения судебной практики относительно защиты прав участников процесса.

Вопрос прекращения жилищных правоотношений нередко становится предметом судебных разбирательств. Основные споры в данной области возникают в связи с необходимостью выселения лиц, не согласных с добровольным освобождением занимаемого жилья. Такие споры часто касаются прекращения прав на жилые помещения по различным основаниям, включая аннулирование договоров социального найма, прекращение права собственности в результате принудительной продажи жилплощади на торгах и иные ситуации. Судебное решение о прекращении жилищного правоотношения может быть вызвано множеством факторов: обнаружение фактов подлога при заключении договора, неисполнение обязательств по оплате жилья, неправомерные действия жильцов, причиняющие вред жилищному фонду или создающие угрозу безопасности других жильцов. Значительные трудности представляет выселение жильцов при расторжении договора социального найма. Законодательство предусматривает комплекс защитных мер для защиты прав наемщиков, что требует от суда весомых оснований для принятия решения о выселении. К таким основаниям относятся, преимущественно, систематическое неисполнение условий договора, включая задолженность по

оплате за жилье [2]. Кроме того, значительные проблемы могут возникнуть при прекращении права собственности в результате использования жилого помещения не по назначению, например, при организации в квартире производственной деятельности, что может быть воспринято как основание для изъятия такого жилья из жилфонда. Выселение без предоставления другого жилья допускается лишь в исключительных случаях, так как основной принцип в данной сфере — защита прав и интересов граждан [2]. Поэтому судам необходимо учитывать все обстоятельства дела и стремиться к нахождению сбалансированных решений, способных обеспечить соблюдение прав всех сторон жилищных отношений. Таким образом, судебные споры по прекращению жилищных правоотношений требуют углубленного изучения всех обстоятельств дела, включая анализ действующего законодательства и правоприменительной практики.

Прекращение жилищных правоотношений может происходить по различным основаниям, таким как смерть арендатора, расторжение договора аренды по инициативе одной из сторон, выкуп арендуемого жилья, решение суда и прочее. Последствия такого прекращения имеют значительное влияние на права и обязанности сторон. Одним из основных последствий является освобождение жилого помещения, что обязывает бывшего владельца или арендатора покинуть занимаемую жилплощадь. Это налагает определенные обязательства по соблюдению сроков, установленных договором или законодательством, для выселения. Несоблюдение этих условий может привести к административной или даже уголовной ответственности, особенно если выселение затягивается или происходит с нарушением прав других жильцов или новых владельцев. Также прекращение жилищных правоотношений влечёт за собой необходимость проведения окончательных расчетов между сторонами. Это касается оплаты последних периодов аренды, компенсации за возможные ущербы жилью, обязательств по оплате коммунальных услуг. Расчеты эти должны базироваться на фактическом состоянии жилья по окончании правоотношений и документально подтверждённых расходах. Ещё одно важное правовое последствие — это вопрос о передаче прав на жильё другим лицам. В случае смерти арендатора возникают вопросы наследования права пользования жилым помещением. Здесь вступают в силу положения наследственного права, требующие чёткого следования законодательным нормам для регулирования прав новых собственников или арендаторов. Прекращение арендных правоотношений через суд также может привести к необходимости компенсационных выплат со стороны арендодателя, если таковые предусмотрены решением суда. Суд может постановить выплаты в пользу арендатора за необоснованные требования о выселении или за нарушения условий договора, ущемляющие интересы арендатора. Правовые последствия, таким образом, охватывают широкий спектр аспектов — от изменения физического расположения лиц до финансовых расчетов и перераспределения прав на

жильё. Эти последствия требуют точного соблюдения законодательства и чёткой регламентации процессов, чтобы обеспечить справедливость и законность прекращения жилищных правоотношений.

Анализ судебной практики выявляет ряд значимых ошибок, связанных с изменением и прекращением жилищных правоотношений. Эти ошибки имеют как правовой, так и процессуальный характер, влияя на права и законные интересы сторон. Одной из основных проблем является неправильное толкование и применение законодательства, касающегося жилищных прав. Нередко суды допускают ошибки при истолковании норм, регулирующих вопросы собственности, права пользования и порядка изменения жилищных условий. Также затруднения возникают при разграничении компетенции между различными видами правоотношений, что приводит к непропорциональному прекращению или изменению прав на жильё. Процессуальные ошибки зачастую связаны с нарушением процессуальных сроков, неполным исследованием обстоятельств дела или неправильным применением мер процессуального принуждения. Такие нарушения могут приводить к отказу в защите законных прав лиц, участвующих в жилищных спорах, что усугубляет конфликт и делает его разрешение более затяжным и сложным. Кроме того, значительные трудности вызывает корректное определение статуса участников правоотношений. В частности, суды порой не учитывают фактическую возможность лиц использовать жильё по назначению, что является критичным при решении вопросов выселения или переселения. Это особенно актуально в ситуациях, когда речь идет о защите интересов уязвимых категорий населения, таких как малоимущие или семьи с детьми. Анализ подобных ошибок позволяет сформулировать рекомендации по их предотвращению и устранению, что может способствовать более справедливому и эффективному правосудию в области жилищных правоотношений. Важно, чтобы судебная практика ориентировалась на защиту прав и интересов всех участников процесса, обеспечивая тем самым стабильность и предсказуемость в данной области прав.

Анализ проблематики изменения и прекращения судом жилищных правоотношений представляется крайне важным в контексте обеспечения прав и интересов сторон, а также поддержания правопорядка и соблюдения жилищного законодательства. Судебная практика показывает, что зачастую встречаются сложности, связанные с неоднозначностью и коллизиями нормативных актов, что затрудняет принятие объективных и справедливых решений. Для решения этих проблем целесообразно осуществлять постоянный мониторинг судебной практики и производить корректировки законодательства, направленные на уточнение и урегулирование спорных вопросов. Также необходима разработка и внедрение дополнительных методических рекомендаций для судов, что позволит повысить качество и предсказуемость судебных решений. Кроме того, для обеспечения более

эффективной защиты прав участников жилищных отношений, важно укрепить роль превентивных мер, таких как медиация и консультации со специалистами в области жилищного права перед обращением в суд. Это будет способствовать минимизации конфликтов и снижению количества дел, поступающих в суд. Анализ судебной практики и научные исследования данной сферы должны стать основой для подготовки профессионалов высокой квалификации, способных качественно и оперативно ре-

шать возникающие вопросы. Учитывая это, крайне важно содействовать взаимодействию между образовательными учреждениями, органами государственной власти и судебными органами. Таким образом, комплексный подход к проблеме изменения и прекращения жилищных правоотношений существенно повысит эффективность правового регулирования в этой области, что в конечном итоге будет способствовать укреплению законности и защите прав и законных интересов граждан.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

Повышение эффективности организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере обращения лекарственных средств

Сиротинин Артём Андреевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Полунин Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В рамках настоящего исследования автором подчеркивается необходимость эффективной организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере обращения лекарственных средств. Проводится анализ условий организации анализируемого направления надзорной деятельности органов прокуратуры, подчеркивается необходимость оптимального взаимодействия органов, подразделений и должностных лиц.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, надзорная деятельность, обращение лекарственных средств, организация прокурорского надзора.

Improving the effectiveness of the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of circulation of medicines

Sirotinin Artyom Andreevich, student master's degree
Scientific advisor: Polunin Sergey Aleksandrovich, candidate of law sciences, associate professor
Saratov State Law Academy

Within the framework of this study, the author emphasizes the need for effective organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of circulation of medicines. The conditions of the organization of the analyzed direction of the supervisory activity of the prosecutor's office are analyzed, the need for optimal interaction of bodies, departments and officials is emphasized.

Keywords: prosecutor, prosecutorial supervision, supervisory activities, circulation of medicines, organization of prosecutorial supervision.

В рамках прокурорского надзора за исполнением законов в сфере обращения лекарственных средств большое значение приобретает организация такой дея-

тельности. Она представляет собой процесс формирования таких условий, которые будут направлены на эффективное взаимодействие между органами, учреждениями,

должностными лицами. В результате такой деятельности должны быть решены цели и задачи, стоящие перед органами прокуратуры.

Проверяя поднадзорные объекты, осуществляющие деятельность, связанную с обращением лекарственных препаратов на предмет исполнения законов, необходимо, в части нарушения федерального законодательства собрать достоверные сведения для дальнейшего осуществления реагирования на выявленные нарушения. Закон о прокуратуре закрепляет в более широком смысле указанное требование.

Для того чтобы прокурорская проверка смогла стать успешной и эффективной, необходимо обладать знаниями о соответствующем нормативном материале, регулировании вопросов, подлежащих проверке, с точки зрения права, методических рекомендациях, а также информацией о приказах и указаниях Генерального прокурора. Именно в данных актах закреплены основные задачи, методы, направленные на выявление законодательных нарушений в сфере обращения лекарственных средств, их причины и условия. При составлении плана работы может быть использован опыт специалистов, выполненные ими задания, а также взаимодействие с органами, осуществляющими контроль в сфере обращения лекарственных средств.

Правильная организация надзорной деятельности крайне важна для эффективного осуществления прокурорского надзора за соблюдением законов в сфере обращения лекарственных средств. Организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации определяют общие требования к надзорной деятельности, которые должны соблюдаться при ее осуществлении.

В этих документах определяются задачи и цели прокурорского надзора, порядок его осуществления, а также требования к квалификации и компетенции прокуроров, занимающихся этой деятельностью. Они также определяют процедуру проведения проверок и рассмотрения жалоб, а также меры, которые могут быть приняты в случае выявления нарушений закона.

Правильная организация надзорной деятельности позволяет значительно повысить эффективность прокурорского надзора и обеспечить более полное и своевременное выявление нарушений закона в сфере обращения лекарственных средств [2, С 54].

Появление неточностей и ошибок в работе прокуроров связано, прежде всего, с тем, что они не в полной мере оценивают имеющееся значение тех современных методов, которые могут быть использованы при организации прокурорского надзора. Без организационного обеспечения невозможно добиться высокого правозащитного потенциала прокуратуры, а также будет происходить снижения законности.

Организация прокурорского надзора за исполнением законов в сфере обращения лекарственных средств представляет собой совокупность взаимосвязанных мер. Благодаря им становится возможным улучшить мероприятия

по защите гарантированных прав граждан, повысить эффективность и качество проводимых проверок, преобразовать содержание актов прокурорского реагирования, которые непосредственно связаны с восстановлением нарушенных прав граждан [3, С. 201].

В качестве основополагающего организационно-распорядительного акта Генерального прокурора Российской Федерации, который рассматривает вопросы организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов в сфере обращения лекарственных средств, выступает приказ Генерального прокурора РФ № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

Организация работы по повышению квалификации прокурорских сотрудников по специальным вопросам осуществления надзора за соблюдением законодательства в сфере обращения лекарственных средств является очень важной задачей. При этом должно отдаваться ключевое значение прохождением стажировок под строгим руководством специалистов в исследуемой области. Именно данные лица смогут в полной мере осуществлять надзор за соблюдением законодательных положений об обращении лекарственных средств в вышестоящих органах прокуратуры, привлекая при этом их к проведению проверок.

Осуществляя организацию прокурорского надзора и проводя проверки за законностью обращения лекарственных средств, необходимо соблюдать следующие условия:

- ключевое внимание уделять вопросам реализации органами государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, предоставленных им законом полномочий в анализируемой сфере правоотношений;
- с определенной периодичностью проводить анализ состояния законности в сфере законности обращения лекарственных средств;
- своевременно выявлять причины и условия, которые ведут к законодательным нарушениям в рассматриваемой сфере.
- проводить мониторинг средств массовой информации, анализировать уголовные и гражданские дела, осуществлять встречи с медицинскими работниками;
- совершать обобщение проблемных вопросов, существующих в правоприменительной практике отдельных регионов при осуществлении надзора за соблюдением законности в сфере обращения лекарственных средств;
- обеспечить регулярность проведения заседаний коллегий прокуратур субъектов Российской Федерации в сфере обращения лекарственных средств, а также по отдельным направлениям данной сферы;
- осуществлять координацию деятельности прокуратуры и органов административной юрисдикции по отношению к субъектам, осуществляющим применение законодательства об обращении лекарственных средств [1, С. 84];
- и иные [1, С. 84].

Все это приведет к тому, что будет снижено количество фактов повторения плановых тематических проверок исполнения законодательства в рассматриваемой сфере.

Литература:

1. Алиев Я. Л. Прокурорский надзор в сфере здравоохранения // Вестник ННГУ. 2018. № 5. С. 83–91.
2. Майдыков А. А. Проблемы прокурорского надзора в сфере обращения лекарственных средств: правовой и экономический аспекты // Роль прокуратуры и суда в устранении нарушений законности в экономике: сборник статей по материалам круглого стола / под ред. Т. И. Отческой: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2017. С. 53–58.
3. Мельникова А. А. Содержание прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборота лекарственных средств // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). С. 197–203.

Некоторые проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях

Скрипец Александра Павловна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена отдельным проблемам прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях. Особое внимание в работе обращено на проблему правового регулирования учетно-регистрационной деятельности, сроков совершения определенных действий органами предварительного следствия и дознания. В статье также затрагивается статус прокурора как лица, производящего проверку регистрации сообщений о преступлениях.

Ключевые слова: прокурорский надзор, учетно-регистрационная деятельность, органы дознания, органы предварительного следствия.

Основания и порядок осуществления прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях определяются Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 23 октября 2023 г. № 730 (далее — Приказ № 730) [1]. Из текста Приказа № 730 следует, что обязанностями прокурора служат: организация, обеспечение и осуществление постоянного надзора, с уделением особого внимания неукоснительности соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства. По этой причине следует тщательно анализировать такие аспекты деятельности правоохранительных органов, как: срок регистрации сообщения, порядок продления такого срока, компетенция следователей и дознавателей, достоверность документов и результатов проверок.

При проверке законности приема, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях стоит оценивать правильность применения следователями и дознавателями норм материального и процессуального права, и, соответственно, законность средств воздействия на заявителя. К примеру, статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [2] ограничивается перечень процессуальных (следственных) действий, которые могут быть реализованы в ходе доследственной проверки.

При сравнении положений статьи 37 УПК РФ и частей 1 и 4 статьи 144 УПК РФ можно выявить некоторую непоследовательность законодателя, выраженную в уста-

новлении обязанности произвести проверку регистрации, но при этом в отсутствии обязанности соответствующую регистрацию произвести.

На наш взгляд, данное положение объясняется тем, что регистрация выступает организационным элементом (что предопределяет ее нахождение за пределами уголовно-процессуального регулирования), однако именно она фиксирует факт наличия сообщения о преступлении. Представляется, что указанная обязанность (производить регистрацию) должна устанавливаться и определяться ведомственными и организационно-распорядительными актами органов предварительного расследования.

По мнению Д. В. Бичеева, значимой проблемой в рассматриваемой области выступает отсутствие указания на прокурора, как на субъекта, производящего проверку сообщения о преступлении. В обоснование своей позиции автор ссылается на положения статьи 10 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ «О прокуратуре РФ») [3], которая устанавливает общие правила принятия и рассмотрения поступивших в орган обращений [4, с. 62].

Позиция автора представляется нам неверной, на что указывает следующее:

Во-первых, сообщение о преступлении — это особый вид обращений, реализуемых исключительно в рамках уголовного процесса. На рассмотрение соответствующих сообщений уполномочены органы предварительного расследования, то есть те субъекты, которые могут реагиро-

вать на него должным образом (возбудить уголовное дело или отказать в возбуждении уголовного дела). По этой причине поступившие в иные органы сообщения о преступлении перенаправляются.

Во-вторых, ранее прокурор в уголовном процессе был наделен правом возбуждать уголовное дело, однако в настоящее время полномочие исключено из процессуального статуса соответствующего участника.

В-третьих, положения статьи 10 ФЗ «О прокуратуре РФ» образуют связь с положениями 124 УПК РФ и Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [5]. Иными словами, безусловно, прокурор рассматривает обращения граждан, однако в пределах своей компетенции. Распространение на него положений статьи 144 УПК РФ не только бы приводило к подмене полномочий, но и существенным образом осложняло бы процессуальную деятельность, в том числе удлиняло ее сроки.

В научной среде также можно встретить положение о необходимости закрепления в тексте УПК РФ обязанности по направлению прокурору материалов и документов регистрации и учета в целях проверки соблюдения требований действующего законодательства [4, с. 63].

Указанную деятельность также сложно признать уголовно-процессуальной, во многом приведенная обязанность связана с аспектом взаимодействия органов Прокуратуры Российской Федерации и предварительного расследования между собой (организационные отношения).

Не менее значимым аспектом выступает и то, что текущее направление соответствующих документов в целях проведения нельзя признать целесообразным (надзирающим и поднадзорным органами будет совершаться множество дополнительных действий). В данном контексте нельзя оставить без внимания положения Приказ № 730, который обязывает прокурором производить проверки систематически — не реже одного раза в месяц (исключения составляют проверки органов системы Вооруженных Сил Российской Федерации при наличии сведений о нарушениях, в указанном случае прокуроры должны реагировать незамедлительно).

Прокурором также проверяется законность и обоснованность решений следователей и дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела и возбуждении уголовного дела.

Органы предварительного расследования в течение определенного периода времени, установленного уго-

ловно-процессуальным законодательством, должны направить заявителю и прокурору постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем. При этом прокурор вправе истребовать такие решения.

Осуществляя данное полномочие, прокурор выносит постановление, которым может признать незаконным решение следователя и дознавателя. В ходе проверки прокурором оценивается не только формальная и содержательная (полнота и объективность доследственной проверки) составляющие возбуждения уголовного дела, но и процедура принятия решения (нередко трехсуточный срок проверки сообщений о преступлении не соблюдается). Пропуск установленного законом срока может быть вызван как объективными, так и субъективными причинами [6, с. 75].

Чтобы не допустить обвинения в умышленном укрывательстве преступлений должностные лица органов предварительного расследования вынуждены выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. После чего прокурор отменяет постановление и возвращает дело, что позволяет следователю и дознавателю получить дополнительное время на проверку. Данный метод позволяет законным образом продлить крайне сжатые сроки [7, с. 34].

С одной стороны, представленное применение норм нельзя назвать верным, так как фактически механизмы и процедуры используются не по назначению, но в то же время и увеличение срока не представляется целесообразным по причине того, что следы преступления могут быть утрачены, а доследственная проверка характеризуется неотложностью.

Примечательно, что прокурор реализует разные полномочия по отношению к следователю и дознавателю, что обуславливает существование двух самостоятельных механизмов реагирования на незаконное или необоснованное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что учетно-регистрационная деятельность в силу своей специфики должна определяться не положениями УПК РФ, а ведомственными и организационно распорядительными актами, что, с одной стороны, усложняет прокурорский надзор, но, с другой,— позволяет учесть особенности функционирования органов предварительного расследования. По этой же причине полномочия прокурора при реализации соответствующего надзора не могут быть закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве.

Литература:

1. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» // Законность. 2023. № 12.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.05.2024) // Собрание законодательства РФ.— 2001.— № 52 (ч. I).— Ст. 4921; 2024.— № 23.— Ст. 3048.
3. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства РФ.— 1995.— № 47.— Ст. 4472; 2024.— № 41.— Ст. 6059.

4. Бичеев Д. В. Процессуальные полномочия прокурора за исполнением закона при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 3. С. 61–64.
5. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 19. — Ст. 2060; 2023. — № 32 (Часть I). — Ст. 6212.
6. Швевель Д. И. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы развития // Вестник экономики, управления и права. 2019. № 3. С. 71–83.
7. Шарихин А. Е. Прокурорский надзор за законностью возбуждения уголовного дела: лекция. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 44 с.

Форензика в кибербезопасности

Смолякова Оксана Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Работа посвящена раскрытию преступлений совершённых с использованием цифровых технологий. Форензика — это инструмент защиты в условиях растущей киберпреступности.

Ключевые слова: форензика, программа, кибербезопасность, преступления, расследования, цифровая криминалистика, технологии.

Преступления, совершаемые в киберпространстве, стремительно развиваются, их количество и серьезность постоянно растут. В мире рассматривается множество дел, в которых, имеются цифровые доказательства, хранящиеся на цифровых устройствах.

Цифровая криминалистика — это обширная область, в которой расследуются хакерские атаки, банковские случаи взлома, банковского мошенничества, рассылки спама по электронной почте и т.п. Когда атаки происходят, атакуемое предприятие отвечает набором заранее определенных действий. Одним из таких действий является применение форензики, помогающей в восстановлении и расследовании материалов на цифровых носителях и в сетях. Форензика предусматривает сбор и анализ цифровых данных, чтобы доказать или опровергнуть факт преступления, связанного с сетью интернет.

Ранее компьютер использовался только для хранения больших объемов данных и выполнения множества операций с ним, но на сегодняшний день он занимает приоритетное место в расследовании преступлений. Правоохранительные органы являются одними из самых первых и наиболее важных пользователей форензики и поэтому часто находятся в центре событий. Компьютеры могут представлять собой «Место преступления», например, взлома или атаки, или могут содержать улики в виде электронных писем, интернет-страниц, документов. Для следователей может представлять интерес не только содержание электронных писем, документов и других файлов, но и «метаданные», связанные с этими файлами.

Для раскрытия преступлений в киберпространстве, «форензисты» очень тщательно подходят к выбору инструментов форензики. Они выбирают инструменты, ос-

новываясь на различных факторах, включая бюджет и наличие экспертов в команде.

Криминалистическое исследование компьютера может показать, когда документ впервые появился на компьютере, когда он последний раз редактировался, был сохранен или распечатан, и кто из пользователей выполнял эти действия. В последнее время и коммерческие организации используют «форензистов» в своих интересах, в различных случаях как:

– Кража интеллектуальной собственности. Кража интеллектуальной собственности включает в себя кражу идей, изобретений и творческих идей — так называемой «интеллектуальной собственности» — у людей или компаний, которая может включать в себя все: от коммерческих секретов и запатентованных продуктов и деталей до фильмов, музыки и программного обеспечения. Это растущая угроза, особенно с развитием цифровых технологий и совместного использования файлов в Интернете. Большая часть краж происходит за границей, где законы зачастую слабые, а их соблюдение затруднено. В целом кража интеллектуальной собственности обходится компаниям по всему миру в миллиарды долларов в год и лишает страну рабочих мест и налоговых поступлений.

– Промышленный шпионаж. Промышленный шпионаж — это несанкционированный доступ к коммерческой тайне и конфиденциальной информации определенной компании. В результате злоумышленник может получить конфиденциальную коммерческую информацию и использовать ее в своих целях. Иногда злоумышленники проникают в целевую организацию физически и исследуют ее изнутри. В этом случае шпион может заглянуть в корзину на компьютере или скопировать файлы, а также жесткие диски с компьютера, нахо-

дящегося без присмотра. Вторжение все чаще происходит через корпоративную сеть. Как правило, для получения первоначального доступа к сети проводится целенаправленная атака, а для продолжения кражи данных — передаваемая постоянная угроза (APT). Способность мобильных телефонов записывать и передавать данные также может быть использована, например, оставив телефон в зале заседаний и удаленно наблюдая за ходом совещания.

– Подделка электронных документов. В эпоху цифровых технологий электронные мошенничества, направленные на обман потенциальных жертв кражи личных данных, используются для злоупотребления в компьютерных сетях, это может включать в себя незаконное и противозаконное воспроизведение подтверждений в виде электронных подписей, чтобы незаконно присвоить себе личность жертвы для кражи личных данных. Благодаря технологическим инновациям кража электронной идентификации личности рассматривается многими как одно из наиболее распространенных преступлений, что отчасти объясняется постоянным развитием компьютерных технологий. Этот вид технологического процесса в значительной степени опирается на использование сети интернет и онлайн-овую деятельность, и, как следствие, регулирование и надзор за этим видом деятельности выражаются в ряде профилактических мер по предотвращению кражи электронных личных данных.

Рассмотрим несколько часто используемых инструментов для проведения криминалистического анализа и сбора цифровых улик:

– Digital Forensics Framework — это известная платформа, посвященная цифровой криминалистике. Устройство имеет открытый исходный код и выпускается под лицензией GPL. Его могут использовать как эксперты, так и непрофессионалы без особых проблем. Может использоваться для виртуальной цепочки хранения, получения доступа к удаленным или локальным устройствам, экспертизы в операционных системах Windows или Linux, для восстановления скрытых удаленных файлов, поиска документов, метаданных и многого другого.

– Open Computer Forensics Architecture (OCFA) — один из известных распространенных фреймворков форензики с открытым исходным кодом. Этот фреймворк построен на платформе Linux и использует базу данных PostgreSQL для хранения записей. Он был разработан голландской национальной полицией для автоматизации виртуальной криминалистики. Его можно скачать по лицензии GPL.

Литература:

1. Челухин, В. А. Информационная безопасность предприятия: Москва2020/ Владимир Алексеевич Челухин. — [б.м.]: Издательские решения, 2020. — 144 с.
2. Семьнин Д. Стекло для Больших Данных: учебное пособие / Д. Семьнин. — М.: Открытые системы, 2016. с. 42–43.
3. Рафиков И. Н., Алышев Ю. В. Преступления в сфере компьютерной информации //E-Scio. 2020. № 2. С. 154–59.
4. Официальный сайт Белкасофт [электронный ресурс]. — URL: <https://belkasoft.com/x> — Дата обращения: 10.09.2024

– CAINE (Computer Aided Investigative Environment) — специализированный дистрибутив Linux. Предназначен для поиска скрытых и удаленных данных на дисках, обнаружения остаточной информации для восстановления картины взлома системы и сбора доказательств преступлений, совершенных с использованием персонального компьютера.

– Windows SCOPE — это устройство для анализа для получения и анализа энергозависимой памяти. В основном используется для анализа вредоносных программ. Она позволяет изучать ядро домашней системы Windows, драйверы, библиотеки DLL, цифровую и физическую память.

– Nmap («Network Mapper») — это инструмент с открытым исходным кодом для исследования сети и проверки безопасности. Он предназначен для быстрого сканирования больших сетей и отлично справляется с единичными целями.

– Wireshark — это известный инструмент для захвата и анализа сетевого трафика (в том числе и вредоносного). Wireshark имеет понятный и логичный графический пользовательский интерфейс и мощнейшую систему фильтрации информации.

– Belkasoft Evidence Center X — это простое и функциональное решение для цифровой криминалистики и расследования корпоративных инцидентов, с помощью которого можно осуществлять экспертно-криминалистические экспертизы в кратчайшие сроки.

Область цифровой криминалистики стала популярной за последние несколько лет по мере расширения рынка компьютеров и сотовых телефонов. С ростом использования цифровых данных и мобильных телефонов френзика стала более заметной, даже киберкражи также растут с каждым днем. Перечисленные инструменты цифровой криминалистики, которые используют различные правоохранительные органы при расследовании преступлений, позволят найти важнейшие электронные доказательства, независимо от того, были ли они утеряны, удалены, повреждены или спрятаны. Исследование цифровых доказательств, изучение методов и форм совершения преступных действий помогает обеспечить комплексное расследование. Все это необходимо для создания безопасной среды в цифровом пространстве, поскольку наша жизнь приобретает цифровой характер при решении личных и рабочих вопросов, а создание безопасного киберпространства является идеалом достижения цели по борьбе с преступностью.

5. Лебедев С. В., Яковлев Д. Е. Сущность и природа «форензики» // Научные междисциплинарные исследования. 2021 № 4 С. 301–306.

Понятие недвижимого имущества: проблемы теории и практики

Сурнина Анастасия Эдуардовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Законодательство Российской Федерации закрепляет понятие «недвижимого имущества», но на практике возникает множество затруднений при отнесении того или иного имущества к движимому или недвижимому. В данной статье анализируются теоретические и практические проблемы при толковании понятия «недвижимое имущество».

Ключевые слова: недвижимое имущество, законодательство, вещь, земельный участок, государственная регистрация недвижимости, связь с землей.

Недвижимое имущество играет огромную роль в жизни людей и государства. В большинстве случаев для простых граждан недвижимость ассоциируется с домом, с местом, где они выросли, воспитывали детей, вели быт. Как писал Джек Лондон — американский писатель, журналист: «И пишу я не для чего иного, а лишь для того, чтобы прибавить три-четыре сотни акров земли к моему великолепному имени».

Тема недвижимого имущества является актуальной в наши дни так, как недвижимость представляет одну из наибольших ценностей, как для отдельного человека, так и для общества в целом.

Что же является недвижимым имуществом? Еще с древних времен право делило имущество на «движимое» и «недвижимое». Главным условием недвижимого имущества являлось отсутствие способности вещи к перемещению.

Гражданский кодекс Франции устанавливает недвижимые вещи по их природе, в силу их назначения или в следствие предмета, принадлежность которого они составляют. Таким образом недвижимым имуществом признаются: земельные участки, строения, леса, а также машины, инструменты, хоть и движимые по своей природе, но предназначенные для обслуживания недвижимой вещи. Также недвижимостью являются узурфрукт на недвижимые вещи, сервитуты или земельные повинности, иски, имеющие своим предметом возвращение недвижимого имущества [2].

Гражданский кодекс Швейцарии устанавливает широкий круг недвижимых вещей: земля, ее недра, здания, сооружения, а также «четко выраженные и постоянные права, занесенные в реестр недвижимости» [3].

Гражданское Германское уложение не включает в себя понятие «недвижимое имущество», а лишь перечисляет его виды. Так к недвижимости относятся: земля и составные части земельного участка, под которыми подразумеваются вещи, прочно связанные с землей, — строения, сооружения, урожай на корню, высаженные в почву се-

мена, а также права, связанные с правом собственности на данный земельный участок [4]. К существенным составным частям строения относятся вещи, включенные в строение при его возведении.

Таким образом, мы можем наблюдать разнообразие подходов в трактовке понятия «недвижимое имущество», такое различие обуславливается историей развития государств, их традициями, которые сложились в древние времена.

В соответствии со ст. 130 Гражданского кодекса РФ к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей и перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства), воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, подлежащие государственной регистрации [1]. Перечень, отраженный в ст. 130 ГК РФ, не является исчерпывающим.

Разнообразие взглядов и позиций на данную тему мы можем наблюдать среди ученых цивилистов. Профессор Сыродоев Н. А. отмечал, что современное общество сделало большой скачок в развитии научно-технических разработок, а именно претворило в жизнь возможность перемещать здания и сооружения без ущерба их назначению [7]. Следовательно, один из критериев определения «недвижимое имущество», а именно невозможность перемещения вещей без несоразмерного ущерба их назначению, утратил свою актуальность.

В свою очередь Брауде И. Л. считал, что передвижение зданий и сооружений благодаря современным техническим достижениям не превращает их в подвижную установку, так как под здание закладывается новый фундамент и это можно считать новым строительством [5].

Законодатель уделил особое внимание таким объектам как воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. По своей природе данные объекты являются движимыми, но законодатель признает данное имущество недвижимым. В свою очередь данная

позиция обуславливается рядом причин, такими как особое значение вышеуказанного имущества и необходимость проведения государственной регистрации, а также управление указанными объектами с земли, что отражает связь объекта с землей.

Понятие «недвижимое имущество» содержит в себе лишь фактическую связь с землей, то есть прочное соединение зданий или иных сооружений с земной поверхностью. Тем не менее существует подавляющее большинство земельных участков, которые не имеют правовой определенности, либо находятся во временном пользовании застройщиков. Следовательно, необходимо включать в понятие «недвижимое имущество» как физические, так и юридические признаки.

Пробелы в законодательстве находят свое отражение в практике, ведь при вынесении решения судьи опираются на нормы права. Одной из часто встречающихся проблем на практике является определение степени несоразмерного ущерба назначению вещи, которая была перемещена. Закон не содержит понятия «несоразмерный ущерб». Наумова Л. М. выделяет три группы критериев оценки имущества как недвижимого:

— оценочные — исходящие из оценки стоимости (сравнительной стоимости объекта до и после перемещения, стоимости объекта и расходов на его перемещение и т.д.);

— технические — исходящие из связанности объекта с землей, из технических характеристик объекта (монолит

или легковозводимые конструкции, наличие или отсутствие фундамента, подведение коммуникаций и т.д.);

— юридические — исходящие из правовой связи земельного участка и объекта недвижимости, квалификации данного объекта нормативно-правовыми актами и т.д. [6].

Данные критерии оценки имущества значительно облегчают задачу отнесения того или иного имущества к движимому.

Таким образом, мы можем выделить ряд проблем, которые связаны с легальным понятием «недвижимое имущество». Во-первых, благодаря критерию неразрывной связи с землей отсутствует четкое разграничение между движимым и недвижимым имуществом, что вызывает затруднение в определении того или иного имущества к движимому или недвижимому. На наш взгляд воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты необходимо отнести к специальному виду имущества, чтобы нормы законодательства понимались правильно и исполнялись в полном объеме. Во-вторых, отсутствие в понятии «недвижимое имущество» такого критерия, как постоянная юридическая связь с землей. На наш взгляд необходимо дополнить действующее понятие данным условием. В-третьих, закон не содержит понятия «несоразмерный ущерб». На наш взгляд необходимо закрепить в законе критерии оценки имущества как недвижимого.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ivanpristansky.wordpress.com> (дата обращения: 1.06.2024).
3. Гражданский кодекс Швейцарии от 10.12.1907 (по состоянию на 01.07.2020). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.wipo.int> (дата обращения: 01.06.2024).
4. Гражданское Германское уложение от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://oceanlaw.ru> (дата обращения: 01.06.2024).
5. Брауде И. Л. Право на строение и сделки по строениям по советскому праву. М., 1950.
6. Наумова Л. М. Критерии квалификации недвижимого имущества // Право. 2005. № 4.
7. Сыродоев Н. А. Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество // Государство и право. 1988. № 8.

Проблема определения дееспособности граждан-участников гражданско-правового оборота при совершении сделок с пороком субъектного состава

Сысуева Кристина Павловна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В данной статье рассматривается проблема определения дееспособности граждан-участников гражданско-правового оборота и последствия, связанные с заключением сделок с недееспособными или ограниченно дееспособными гражданами, а также вносятся предложения по совершенствованию механизма учета недееспособных или ограниченно дееспособных граждан, признанных таковыми на основании решения суда. Также рассматривается сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным, и сделка, совершенная гражданином, ограниченным в дееспособности.

Ключевые слова: гражданское право, сделки, недействительность сделки, дееспособность граждан, гражданин, ограниченный в дееспособности, гражданин, признанный недееспособным.

Проблема, связанная с недействительностью сделок, совершаемых с участием граждан, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными по решению суда, в данный момент является актуальной. Отсутствие правовых документов (например, единая база с решениями суда в отношении данных граждан), которые находились бы на электронных ресурсах, позволяющих точно установить наличие решения суда о признании недееспособными или ограниченно дееспособными граждан, которые могут захотеть распорядиться своим имуществом без согласия попечителя или опекуна.

В теории гражданского права проблема определения дееспособности граждан возникает в сделках с пороками субъектного состава, а именно сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным и сделка, совершенная гражданином, ограниченным в дееспособности.

1. Сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным. Согласно ст. 171 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства, является ничтожной. В данном случае каждая из сторон такой сделки обязана возратить другой все полученное в натуре, а при отсутствии такой возможности — возместить его стоимость. В случае если недееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны, то такая сторона обязана возместить недееспособной стороне понесенный ею реальный ущерб. А. П. Анисимов считает, что «под реальным ущербом понимаются расходы (часть убытков), которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утраченного или поврежденного имущества» [2].

В интересах гражданина, признанного недееспособным вследствие психического расстройства, совершенная им сделка может быть по требованию его опекуна признана судом действительной, если она совершена к выгоде этого гражданина (п. 2 ст. 171 ГК РФ).

2. Сделка, совершенная гражданином, ограниченным в дееспособности, является оспоримой. Гражданин, ограниченный в дееспособности, вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки. Совершать другие сделки он может лишь с согласия попечителя (п. 1 ст. 30 ГК РФ). В статье 176 ГК РФ указано, что недействительной может быть признана только сделка по распоряжению имуществом, совершенная без согласия попечителя.

Ф. Г. Камкия, З. В. Элизбарян считают, что «основной проблемой связанной с установлением дееспособности граждан, является установление наличия решения суда о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным» [3].

Конкретно, отсутствие, например, «Единой информационной базы» лиц, признанных по решению суда недееспособными или ограниченно дееспособными можно

считать проблемой, поскольку последствием заключения сделки с гражданином, признанным судом недееспособным влечет ее ничтожность (ст. 171 ГК РФ), а сделка, заключенная с гражданином ограниченно дееспособным, влечет ее оспоримость (ст. 176 ГК РФ).

Д. В. Хорозов считает, что «Анализ судебной практики по делам о признании сделок недействительными, заключенных с недееспособными и сделок, заключенных с ограниченно дееспособными без надлежащего согласия, показывает, что такие сделки признаются судами недействительными» [4]. Помимо этого, сторона сделки, которая не знала о том, что другая сторона сделки имеет решение суда, в котором она признана недееспособным или ограниченно дееспособным, при совершении реституции, как правило двухсторонней, имеет проблемы при возвращении первоначального положения (например, получение обратного своего имущества).

К. Д. Заинчковская считает, что «Взыскать имущество, переданное по сделке, заключенной с недееспособным или ограниченно дееспособным лицом с опекуна или попечителя, не участвовавшего в заключении сделки или не дававшего своего согласия на заключение такой сделки, также нельзя» [5]. На основании вышесказанного можно прийти к выводу, что сторона сделки, которая выполнила все свои обязанности добросовестно имеет проблемы с получением своего имущества обратно, т.е. возникают проблемы с восстановлением прежнего состояния.

В то же время неблагоприятные последствия сделок, которые по своей природе являются недействительными, могут возникнуть у граждан, которые признаны недееспособными или ограниченно дееспособными, так как они могут не осознавать характер заключаемой сделки и не оценить приобретаемое для себя невыгодное положение по сделке.

В сделках, которые заключаются в простой письменной форме и не требуют нотариального удостоверения, стороны не имеют специальных правовых инструментов при помощи которых могут установить наличие или отсутствие дееспособности друг друга. В сделках, требующих нотариального удостоверения, обязанность по установлению наличия дееспособности ее участников возлагается на нотариуса. Однако, как и в случае со сделками, не требующими нотариального удостоверения возможности нотариуса ограничены (он может только проверить по паспорту возраст гражданина).

Решить данную проблему можно двумя способами. Во-первых, создать, например, «Единую информационную базу» лиц, признанных по решению суда недееспособными или ограниченно дееспособными. Тем не менее, формирование, реализация и само существование такой информационной базы потребует большого инвестирования, что может привести к замедлению реализации данного правового проекта. К тому же, не всегда есть возможность обра-

таться к электронным ресурсам (сбой в системе, отсутствие доступа к сети Интернет и т.д.). Во-вторых, вносить в паспорт гражданина Российской Федерации инфор-

мацию о недееспособности или ограничении дееспособности, по аналогии с информацией о семейном положении, идентификационном номере налогоплательщика.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ.— 05.12.1994.— N32.— ст. 3301, 2023.— N351-ФЗ.
2. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общей редакцией А. Я. Рыженкова.— 5-е изд., перераб. и доп.— Москва: Издательство Юрайт, 2024.— 435 с.— (Высшее образование).— ISBN978-5-534-15227-2.— Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 211 — URL: <https://urait.ru/bcode/535576/p.211>.
3. Камкия, Ф.Г., Элизбарян, З. В. Некоторые вопросы регламентации совершения сделок при пороках субъектного состава / Ф. Г. Камкия, З. В. Элизбарян // В сборнике: Трансформация социально-экономического пространства России и мира. Сборник статей международной научно-практической конференции. Под редакцией Г. Б. Клейнера, Х. А. Константиныди, В. В. Сорокожердьева, З. М. Хашевой.— 2020.— С. 400–404.
4. Хорозов, Д. В. Недействительные сделки с пороком субъектного состава: проблема определения дееспособности граждан — участников гражданско-правового оборота / Д. В. Хорозов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.— 2016.— № 10–2.— С. 81–87.
5. Заинчковская, К. Д. Недействительность сделок с пороками субъектного состава: новеллы законодательства и судебная практика / К. Д. Заинчковская // В сборнике: Актуальные проблемы применения норм гражданского права и процесса, трудового права, семейного права. Сборник статей I Студенческого юридического форума в Республике Крым.— 2017.— С. 48–52.

Ятрогенные преступления

Толмачёв Дмитрий Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся понятия и содержания ятрогенных преступлений. Авторы анализируют различные точки зрения относительно системы ятрогенных преступлений, предлагают собственное ее наполнение, отмечая, что это имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку отсутствие законодательной дефиниции ятрогении и системы ятрогенных преступлений приводит к сложностям в квалификации таких деяний и их расследовании.

Ключевые слова: ятрогения, врачебная ошибка, ятрогенное преступление, негативные последствия медицинского вмешательства, медицинская помощь.

Iatrogenic crimes

Tolmachyov Dmitry Olegovich, student master’s degree

Scientific advisor: Agildin Vladimir Valerevich, candidate of law sciences, associate professor
Baikal State University (Irkutsk)

The article discusses issues related to the concept and content of iatrogenic crimes. The authors analyze various points of view regarding the system of iatrogenic crimes, offer their own content, noting that this is not only theoretical, but also of practical importance, since the lack of a legislative definition of iatrogeny and the system of iatrogenic crimes leads to difficulties in qualifying such acts and investigating them.

Keywords: iatrogenism, medical error, iatrogenic crime, negative consequences of medical intervention, medical care.

Актуальность данной работы заключается в том, что одной из основных задач государства является га-

рантия охраны здоровья каждого гражданина. В статье 41 Конституции РФ прописано право граждан на доступную

качественную медицинскую помощь, которая должна оказываться за счет страховок, федерального и регионального бюджетов.

Право граждан на медицинскую помощь прописано и в Законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данный законодательный акт регулирует отношения, которые действуют в области здравоохранения.

Необходимо отметить, что охрана данного права осуществляется не только в рамках системы здравоохранения, подразумевающей регулирование качества предоставления медицинских услуг, но и в рамках других отраслей права, в том числе и в уголовного (гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья»).

Нормы, прописанные в данной главе УК РФ, призваны защитить право человека от преступного произвола, в том числе совершаемого непосредственно лицом, уполномоченным оказывать квалифицированную медицинскую помощь. Однако уголовный закон не выделяет в качестве специального субъекта преступления медицинского работника, хотя преступления в сфере оказания медицинской помощи носят общественно опасный характер и не являются единичными [5].

Пациент доверяет свою жизнь и здоровье врачу, рассчитывая при этом на его высокую квалификацию, врачебную честность и профессиональные качества, но не редко случаи, когда вследствие нарушения медицинским работником своих профессиональных обязанностей полученный результат не отвечает ожиданиям больного.

При этом достаточно сложным является вопрос квалификации ятрогенных преступлений. Остается открытым вопрос, что является ятрогенным преступлением? Ошибка, стоившая человеку жизни, но ошибка, на которую врач имеет право? Или все-таки это преступление, которое должно быть криминализовано и должно найти отражение в уголовном законодательстве?

В юридической литературе закрепилось понятие «ятрогенные преступления», которым характеризуются «общественно опасные противоправные виновно совершаемые в процессе осуществления профессиональных обязанностей деяния (действия или бездействие) медицинских работников, т.е. преступления, порождаемые неправомерными действиями (бездействием) медицинскими работниками» [10].

И несмотря на широкое использование (уместное и неуместное) данного термина, до настоящего времени он официально не имеет определения и не включен ни в один нормативно — правовой акт Российской Федерации. Тем не менее понятие «ятрогенности» прочно вошло в современную юридическую практику.

В категорию ятрогенных преступлений попадают деяния, совершенные медицинскими работниками в рамках своих функциональных обязанностей, причинившие вред здоровью человека или его смерть.

В юридической литературе вопрос о составах преступлений, являющихся ятрогенными, является дискус-

сионным. В связи с этим целесообразно обозначить критерии, определяющие включение конкретного деяния в число ятрогенных преступлений.

Первый критерий: следует уточнить объект преступления: общественные отношения в сфере жизни и здоровья; этот объект может являться как основным непосредственным объектом, так и дополнительным. Второй критерий: обязательно наличие ятрогенных последствий (причинение вреда здоровью или жизни человека). Здесь требует дополнительной аргументации точка зрения о том, что «создание угрозы причинения вреда здоровью или жизни является обязательным признаком ятрогенных преступлений» [6]. Мы согласны с высказыванием: «Нет вреда здоровью или жизни пациента — нет ятрогенного преступления» [5].

Третий критерий: строго ограничен круг субъектов — только медицинские работники, выполняющие свои профессиональные обязанности.

Четвертый критерий: надлежит определиться с формой вины по ятрогенным преступлениям. Этот вопрос вызывает споры среди теоретиков и при этом приводит к неопределенности. Так, К.А. Пузырева считает, что посяательства на жизнь и здоровье человека, образующие преступную ятрогенность, могут совершаться только по неосторожности [7]. По мнению Т.И. Рыбаковой, ятрогенные преступления — это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния [8]. Как указывает Т.В. Васильева, «ятрогенное преступление — это преступление с двумя формами вины, и согласно ст. 27 УК РФ в целом такое преступление считается совершенным умышленно. Следовательно, ятрогенные преступления никак нельзя назвать неосторожными преступлениями» [3].

Пятый критерий: объективная сторона ятрогенных деяний определяется исключительно профессиональной деятельностью в сфере оказания медицинской помощи и медицинских услуг, в результате которой наступили неблагоприятные последствия. Этот критерий помогает отграничить именно ятрогенные преступления от иных (в том числе тех, где в качестве субъекта фигурирует медицинский работник), несмотря на то, что такие преступления размещены в разных главах УК РФ.

И в завершение шестой критерий: признак противоправности ятрогенных преступлений имеет расширительный характер — деяние является противоправным не только в случае нарушения требований закона и нормативных актов (порядков, стандартов, регламентов, инструкций и т.п.), но также и тогда, когда нарушаются научно обоснованные принципы медицинской практики (например, клинические рекомендации).

Исходя из заявленных критериев определим систему ятрогенных преступлений. Среди исследователей сформировались три подхода к определению системы рассматриваемых деяний: широкий, умеренный и узкий.

Максимально расширительный характер имеет система ятрогенных преступлений, предложенная М.А. Галимовой, С.В. Наветовым и В.В. Черным: преступления против жизни (ч. 1 ст. 105, п. «м» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 109,

124, 235 УК РФ), здоровья человека (п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 112, 115, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ч. 3 ст. 123, ч. 1, 2 ст. 124, ч. 1 ст. 235 УК РФ), преступления, ставящие в опасность жизнь и (или) здоровье человека (ст. 120, ч. 1 ст. 123, ст. 228.2, 233 УК РФ), преступления против иных гарантированных прав и свобод граждан (ч. 2 ст. 128, ст. 137 УК РФ), против имущественных интересов граждан (ст. 159, 160, 163, 165 УК РФ), интересов службы (ст. 201, 285, 285.2, 286, 288, 289, 290, 292, 293 УК РФ) [4].

Сторонники «узкого» подхода к определению системы ятрогенных преступлений максимально ограничивают сферу ятрогенных преступлений, включая только лишь деяния, предусмотренные ст. 109, 118, 122, 124 УК РФ [5].

Умеренный подход поддерживают подавляющее большинство специалистов. Однако и среди предложенных ими вариантов наполнения системы ятрогенных преступлений имеются определенные отличия.

Так, по мнению С. В. Замалеевой, к ятрогенным преступлениям относятся составы за ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей, повлекшее по неосторожности смерть (ч. 2 ст. 109 УК РФ), тяжкий вред здоровью (ч. 2 ст. 118 УК РФ) или заражение другого лица ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ). Кроме того, при определенных ситуациях медицинские работники могут быть субъектами преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, п. «м» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ч. 4 ст. 111, ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 115, ст. 120, 124 УК РФ) [6].

К. А. Пузырева ограничивает ятрогенные преступления следующими составами: причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ), заражение

другого лица ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензии на избранный вид деятельности (ст. 235 УК РФ), нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ) [7].

По нашему мнению, исходя из вышеперечисленных критериев в систему ятрогенных преступлений следует включать: ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», ч. 2 ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», ч. 2 ст. 122 «Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», ст. 124 «Неоказание помощи больному», ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ «Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», ч. 2 и ч. 3 ст. 293 «Халатность. Повлекшая по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека».

Резюмируя изложенное, следует отметить, что анализ рассматриваемых категорий имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку отсутствие законодательной дефиниции ятрогении и системы ятрогенных преступлений приводит к сложностям в квалификации таких деяний и их расследовании.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (с изменениями от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
3. Васильева, Т. В. Проблемы законодательной регламентации ятрогенных преступлений / Т. В. Васильева // *Европей. Global.* — 2023. — № 38. — С. 22–26.
4. Галимова, М. А. Ятрогенные преступления: к вопросу о понятии и содержании / М. А. Галимова, С. В. Наветов, В. В. Черный // *Научный компонент.* — 2023. — № 2(18). — С. 60–70.
5. Городнова, О. Н. Модернизация уголовного законодательства о ятрогенных преступлениях / О. Н. Городнова, М. Е. Сыбатова // *Судебный вестник Чувашии.* — 2022. — № 1. — С. 81–83.
6. Замалеева, С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: дисс. к. ю. н. / С. В. Замалеева. — Екатеринбург, 2016. — 208 с.
7. Пузырева, К. А. Понятие ятрогенных преступлений / К. А. Пузырева // *Форум.* — 2023. — № 2(28). — С. 312–317.
8. Рыбакова, Т. И. Ятрогенные преступления: понятие, сущность, законодательное регулирование / Т. И. Рыбакова // *Вопросы российской юстиции.* — 2023. — № 26. — С. 385–393.
9. Сариев, Т. А. Анализ объекта ятрогенных преступлений / Т. А. Сариев // *Ceteris Paribus.* — 2023. — № 6. — С. 22–25.
10. Урняева, А. С. Ятрогенные преступления: врачебная ошибка и несчастный случай / А. С. Урняева, Ю. А. Смирнова // *Аграрное и земельное право.* — 2023. — № 5(221). — С. 144–147.

Изменение, расторжение и прекращение договора социального найма

Федчун Каролина Анатольевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В рамках научной статьи рассматривается процесс изменения, расторжения и прекращения договора социального найма.

Ключевые слова: договор социального найма, изменение, расторжение, прекращение, нормативно-правовое регулирование.

Modification, termination and cessation of the social employment contract

Fedchun Karolina Anatolyevna, student master's degree
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The process of modification, termination, and cessation of a social rental agreement is examined within the framework of scientific article.

Keywords: social rental agreement, amendment, termination, cessation, regulatory legal framework.

Изменение, расторжение и прекращение договора социального найма жилого помещения представляют собой важные аспекты гражданского и жилищного права, которые требуют глубокого анализа в современных условиях. В последние годы наблюдается значительное изменение в подходах к социальному найму жилья. Государство переходит от модели, обеспечивающей всеобщее право граждан на жилье, к более целенаправленному подходу, который ориентирован на поддержку только определенных категорий граждан, таких как малоимущие [5].

Изменение условий договора социального найма возможно по соглашению сторон. Согласно статье 450 Гражданского кодекса Российской Федерации, изменение договора допускается по соглашению между нанимателем и наймодателем, при этом такие изменения должны быть оформлены в письменной форме. Основными причинами для изменения условий могут выступать улучшение или ухудшение жилищных условий, изменение состава семьи нанимателя или изменение нормативно-правовых актов, регулирующих жилищные отношения [1].

Расторжение договора социального найма возможно при наличии оснований, предусмотренных Жилищным кодексом Российской Федерации и Гражданским Кодексом Российской Федерации. Одним из таких оснований является нарушение нанимателем условий договора, например, неуплата коммунальных платежей или использование жилого помещения не по назначению (статья 83 Жилищного Кодекса Российской Федерации). Наймодатель может потребовать расторжения договора в случае, если наниматель систематически нарушает права соседей или разрушает имущество.

Договор социального найма может быть прекращен в нескольких случаях. Во-первых, при истечении срока действия договора, если он был заключен на определенный срок. Во-вторых, в случае одностороннего расторжения договора по инициативе одной из сторон (статья 450 ГК

РФ). Однако, как правило, такие ситуации регулируются судебными органами, что исключает произвольное прекращение договорных отношений [6].

Рассмотрим судебные дела, касающиеся расторжения и прекращения договоров социального найма, отражающие практические аспекты применения норм жилищного законодательства.

В деле № 33–38162 истец В. Н. обратился в суд с требованием признать регистрацию ответчиков и её сына по месту проживания истца фиктивной, расторгнуть договор социального найма и снять их с регистрационного учёта. Истец утверждал, что ответчики не проживают в квартире, предоставленной по договору социального найма, и не оплачивают коммунальные услуги более шести месяцев. Он также настаивал на том, что регистрация была произведена без его согласия и без намерений ответчиков фактически проживать в указанной квартире [2].

В деле № 33–38162 истец В. Н. столкнулся с отказом суда первой инстанции в удовлетворении своих требований о расторжении договора социального найма. Суд не учел, что истец имел право на подачу иска, так как регистрация ответчиков была проведена без его согласия. Проблема заключается в том, что суды зачастую не обращают должного внимания на фиктивные регистрации и их влияние на права истцов. В результате, важно внедрить четкие процедуры для проверки фактического проживания и правомерности регистрации граждан, что позволит предотвратить возникновение подобных ситуаций в будущем.

Свердловской областной суд рассмотрел дело № 33–664/2024 по иску О. к К. о признании договора найма жилого помещения расторгнутым, снятии с регистрационного учёта и взыскании убытков. О. утверждала, что квартира, предоставленная по договору социального найма в 1994 году, продолжала использоваться после расторжения брака в 1991 году до января 2024 года, когда ответчик приобрел другую квартиру и выехал на посто-

янное место жительства, но отказывается снять себя с регистрационного учета по старому месту жительства. В результате истец самостоятельно оплачивал коммунальные услуги за квартиру с сентября 2022 года по август 2024 года [3].

Дело № 33–664/2024 демонстрирует еще одну проблему: суд не учел наличие членов семьи ответчика, продолжавших проживание в квартире, что повлияло на законность расторжения договора. В этом случае требуется более детальный анализ ситуации, в которой находятся истцы, и их обязательств, включая обязательства по оплате коммунальных услуг. Суд должен принимать во внимание все обстоятельства дела, включая намерения сторон, что поможет избежать произвольных решений и улучшить качество судебной практики.

В деле № 33–31285 истец Кузнецова М. А. подала иск к Муниципальному комитету по жилищным вопросам города Новосибирска о признании недействительным решения комитета о расторжении договора социального найма жилого помещения, адрес [4].

В деле № 33–31285 Кузнецова М. А. успешно оспорила решение Муниципального комитета о расторжении договора социального найма после смерти своей матери. Суд первой инстанции указал на право наследования договора, что подтверждает важность соблюдения процедур уведомления и учета реальных обстоятельств. Однако, несмотря на положительное решение, проблема заключается в том, что такие уведомления часто не доходят до истцов, что может привести к необоснованному расторжению. Для улучшения ситуации необходимо разработать механизмы,

которые бы обеспечивали гарантированное уведомление всех сторон о возможных изменениях в статусе договора.

В рассмотренном деле № 47–21934 истец Федоров П. И. подал иск к Управлению жилищной политики города Ростов-на-Дону с требованием признать недействительным решение управления о прекращении договора социального найма на жилое помещение.

Дело № 47–21934, в котором Федоров П. И. оспаривал прекращение договора из-за временного отсутствия, указывает на необходимость пересмотра подходов к расторжению договоров в ситуациях временной утраты проживания. Суд признал, что отсутствие истца не является основанием для расторжения договора, однако подобные ситуации должны рассматриваться с учетом прав истцов, их обстоятельств и обязательств. Важно установить практику, которая учитывала бы возможность изменения условий договора при временном отсутствии нанимателя, что способствовало бы более справедливому разрешению споров.

Предлагается внедрить механизмы обязательного уведомления истцов о возможных изменениях в статусе договора социального найма для предотвращения необоснованных расторжений. Также рекомендуется усилить контроль за проверкой фактического проживания зарегистрированных граждан, чтобы исключить фиктивные регистрации. Важно пересмотреть подходы к анализу индивидуальных обстоятельств истцов и их обязательств, что позволит более справедливо рассматривать дела о расторжении. Необходима разработка четких процедур для учета всех членов семьи нанимателя при принятии решений о прекращении договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ Статья 450 (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации «КонсультантПлюс».
2. Информация по делу № 33–38162/2023 // Официальный интернет-портал правовой информации «Суды общей юрисдикции города Москвы», дата окончания: 02.10.2023.
3. Информация по делу № 33–664/2024 // Официальный интернет-портал правовой информации «Суды общей юрисдикции города Москвы», дата окончания: 14.03.2024.
4. Информация по делу № 33–31285 // Официальный интернет-портал правовой информации «Суды общей юрисдикции города Москвы», дата окончания: 16.07.2024.
5. Крашенинников, П. В. Жилищное право. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2010.— 413 с.
6. Формакидов, Д. А. Договор найма жилого помещения и подобные ему договоры: монография / Д. А. Формакидов.— Москва: ИНФРА-М, 2024.— 189 с.

Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности

Фраева Амина Руслановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Маргиева Манана Шотаевна, кандидат педагогических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

Статья посвящена анализу актуальных проблем уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в России. Указывается низкая эффективность применения статей 146, 147 и 180 УК РФ и обосновывается необходи-

мость декриминализации патентных правоотношений. Автор отмечает необходимость усиления контроля за правильным применением норм уголовного законодательства в сфере интеллектуальной собственности для обеспечения их четкого отграничения от других видов преступлений и акцентирует внимание на несоответствии правовой конструкции статей 147 УК РФ, регулирующей ответственность за нарушение патентных прав, принципам патентования и защите прав юридических лиц. Делается вывод о необходимости реформирования законодательства в сфере уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности и повышения роли гражданско-правовых механизмов защиты.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальная деятельность, уголовно-правовая охрана, неоднократность, крупный ущерб, интеллектуальное пиратство.

Actual problems criminal law protection intellectual property

The article is devoted to the analysis of actual problems of criminal law protection of intellectual property in Russia. The low effectiveness of the application of Articles 146, 147 and 180 of the Criminal Code of the Russian Federation is indicated and the need for decriminalization of patent legal relations is justified. The author notes the need to strengthen control over the correct application of the norms of criminal law in the field of intellectual property to ensure their clear separation from other types of crimes and focuses on the inconsistency of the legal structure of Articles 147 of the Criminal Code of the Russian Federation regulating liability for infringement of patent rights, the principles of patenting and protection of the rights of legal entities. The conclusion is made about the need to reform legislation in the field of criminal law protection of intellectual property and increase the role of civil law protection mechanisms.

Keywords: intellectual property, intellectual activity, criminal law protection, repetition, major damage, intellectual property.

Несмотря на реформирование нормативно-правовой базы, обеспечивающей охрану интеллектуальной собственности, эффективность уголовно-правовых средств остается низкой. Анализ статистических данных по преступлениям, квалифицируемым по ст. 146 и ст. 147 УК РФ, подтверждает эту тенденцию. Так, в 2023 году по ст. 146 было осуждено 70 человек, а по ст. 147 — ни одного. В 2022 году данные показатели составили соответственно 137 и 3 человека [7]. Специалист по патентному праву А. В. Залесов отмечает: «изучив гипотезу ст. 147 УК РФ, можно констатировать, что сконструированный отечественным законодателем состав преступления, направленный на пресечение преступной деятельности в отношении объектов патентного права, даже формально выглядит очень странным для патентного юриста. Используемые в нем правовые термины употреблены так, что они вызывают массу вопросов и требуют уточнения, что для уголовного закона, требующего однозначности в толковании, просто недопустимо. Очевидно, что наш законодатель в момент описания данного преступного деяния и его классифицирования, то есть размещения его среди других преступлений в Уголовном кодексе, был очень далек от понимания не только сущности, но и отдельных правовых категорий патентного права. Возможно, именно поэтому данная норма уголовного закона почти не применяется» [4].

Анализ практики применения ст. 147 УК РФ выявляет несоответствие механизмов уголовно-правовой защиты патентных прав экономическим интересам правообладателей. Во-первых, гражданский иск в рамках уголовного дела, который мог бы восстановить экономические потери потерпевшего, практически не применяется в российской

правовой системе. Во-вторых, в большинстве случаев уголовные дела по ст. 147 УК РФ не возбуждаются на этапе доследственной проверки. В-третьих, нередко сама доследственная проверка и оперативно-розыскные мероприятия используются в целях давления на конкурентов, что не соответствует принципам правового государства и демонстрирует отсутствие эффективных механизмов защиты экономических интересов патентообладателей. Кроме того, анализ правовой конструкции ст. 147 УК РФ выявляет ряд несоответствий основным принципам уголовного права. Ключевая проблема заключается в смешении имущественного и личного неимущественного права как объекта охраны. Анализ классификации преступлений против интеллектуальной собственности в российском уголовном законодательстве выявляет несоответствие ст. 147 УК РФ основным принципам охраны прав. Данная статья расположена в разделе «Преступления против личности» и главе «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», что не соответствует ее предмету — нарушению патентных прав. Статистические данные свидетельствуют, что подавляющее большинство патентных заявок (более 76%) поступают от юридических лиц, а не от физических [6]. Следовательно, при нарушении патентных прав организации говорить о преступлениях против личности не корректно.

Ошибка классификации вероятно произошла из-за смешения авторского права и патентного права. В отличие от авторского права, где исключительные права возникают у автора с момента создания произведения, в патентном праве исключительные права возникают у заявителя по заявке после выдачи патента. Исторически патентное право и право на товарный знак были объ-

единены в единую отрасль права — «промышленная собственность», которая стоит отдельно от авторского права. Это подтверждает Парижская конвенция об охране промышленной собственности 1883 года, в которой участвует Российская Федерация. Правильно было бы разместить состав преступления о нарушении патентных прав в разделе «Преступления в сфере экономики», по соседству со ст. 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», так как исключительные права на средства индивидуализации (товарный знак или наименование места происхождения товара) являются родственными по отношению к исключительным патентным правам.

Еще одним недостатком ст. 147 УК РФ является то, что в ней описаны разные деяния, посягающие на разные права: имущественные (патентные права) и личные неимущественные (право авторства). В случае нарушения патентного права, являющегося имущественным правом, действительно может возникнуть материальный ущерб. Однако нарушение права авторства, являющегося личным неимущественным правом, не может повлечь материальных последствий для правообладателя. Присвоение авторства (плагиат) или принуждение к соавторству — это посягательство на личное неимущественное право авторства, которое охраняется бессрочно (ст. 1227 ГК РФ) и неотчуждаемо (ст. 1345 ГК РФ). В данном контексте «ущерб» может быть только моральным. Моральный ущерб присутствует в любом преступлении против личности, но он не может быть квалифицирующим признаком материального состава преступления. Следовательно, материальный состав преступления, характеризующийся нанесением крупного морального ущерба личному неимущественному праву авторства, практически невозможно установить в реальном правонарушении.

Вероятно, при принятии Уголовного кодекса в 1996 году законодатель смешал личное неимущественное право авторства и имущественное право на получение патента на изобретение. По видимости, имелось в виду присвоение прав заявителя по заявке на патентование, что действительно может повлечь материальные потери для изобретателя. Однако несмотря на исторические обстоятельства, необходимо констатировать, что ст. 147 УК РФ в данном контексте неприменима.

Таким образом, анализ содержания, толкования и статистики применения ст. 147 УК РФ свидетельствует о ее неэффективности в решении задач уголовно-правовой защиты патентных и изобретательских прав. С учетом особенностей патентного права, целесообразно рассмотреть вопрос о декриминализации патентных правоотношений, так как защита прав в данной сфере успешно осуществляется в рамках гражданского законодательства. Необходимо пересмотреть классификацию преступлений против интеллектуальной собственности в УК РФ с целью соответствия особенностям патентного права и практике его применения.

Данные по статистике правонарушений, связанных с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ), также свидетельствуют о низком уровне выявления и преследования виновных. Согласно данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2022 году было зарегистрировано 1410 преступлений по ст. 180 УК РФ, при этом в 651 случае (46,2%) не удалось установить личности правонарушителей. Несмотря на стабильную статистику по количеству осужденных (289 лиц в 2022 году и 211 в 2023 году [7]), наблюдается тенденция к увеличению организованных форм преступной деятельности в данной сфере. В качестве наиболее распространенного предмета преступлений выступает контрафактная алкогольная продукция, что свидетельствует о возрастающей угрозе для потребителей.

Современные информационно-телекоммуникационные технологии (ИКТ) активно используются преступниками для совершения правонарушений, квалифицируемых по ст. 180 УК РФ. Анализ дела о незаконной продаже билетов на культурные мероприятия, раскрытого правоохранительными органами, демонстрирует высокую степень организованности и использование цифровых инструментов в современной преступности. Преступная группа, действовавшая под прикрытием фейковых сайтов, похожих на ресурсы правообладателей («Мариинский театр»), использовала механизмы «двойников» с использованием чужих товарных знаков для реализации билетов по завышенным ценам. При этом, в преступление было вовлечено более 50 человек, представляющих разные специализации: от IT-специалистов до продавцов и курьеров. Структура группы подчеркивает ее организованность и распределение ролей. Для обеспечения конспирации использовались услуги иностранных компаний по регистрации доменных имен, а взаимодействие с покупателями осуществлялось через интернет-телефонию. Географии деятельности группы была широкой и включала несколько городов, что свидетельствует о ее размахе и профессионализме. В итоге, незаконный доход преступников превысил 1 млрд рублей [3]. Квалификация действий виновных по ч. 4 ст. 180 УК РФ подчеркивает серьезность преступления и необходимость усиления мероприятий по предупреждению и пресечению преступлений в сфере незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) с использованием ИКТ.

Данные выводы подчеркивают необходимость поиска новых стратегий противодействия преступности, связанной с незаконным использованием средств индивидуализации товаров, с акцентом на повышение эффективности следственных действий и разработку более эффективных механизмов защиты прав правообладателей.

Квалификация преступления по данной статье требует установления факта незаконного использования чужого средства индивидуализации и наличия одного из отягчающих обстоятельств — неоднократности действий или причинения крупного ущерба (свыше 400 тысяч рублей).

Несмотря на подробное рассмотрение понятий «неоднократность» и «крупный ущерб» в научной литературе, их применение в судебной практике вызывает сложности и неоднозначность [5].

Неоднократность предполагает совершение лицом двух и более действий, состоящих в незаконном использовании средства индивидуализации товаров (работ, услуг). При этом, может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации, так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков (или других средств индивидуализации) на одной единице товара.

Особого внимания заслуживает дискуссия о целесообразности установления признака неоднократности использования средств индивидуализации путем проведения оперативными сотрудниками последовательных проверочных закупок контрафактных товаров у одного и того же лица. На наш взгляд, в таких ситуациях достаточно применения мер административной ответственности по ст. 14.10 КоАП РФ, включая конфискацию товаров, материалов и оборудования.

Анализ правовых оснований квалификации преступлений против прав на интеллектуальную собственность также выявил ряд проблем и трудностей в правоприменительной практике, связанных с ограничением данных преступлений от смежных составов преступлений. В частности, наблюдается некорректное применение норм уголовного законодательства при квалификации действий, связанных с интеллектуальным пиратством. В случаях изготовления поддельных обложек аудио-, видеокассет с использованием изображений товарных знаков, суды часто исключают из обвинения статью 180 УК РФ (незаконное использование товарного знака), считая, что данные действия охватываются составом преступления, предусмотренным статьей 146 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав). Данная практика является неверной и требует корректировки. Необходимо четко ограничивать преступления против прав на интеллектуальную собственность от смежных составов преступлений, учитывая специфику каждого вида нарушения и его влияние на общественные отношения.

Важно отметить, что незаконное использование товарного знака является самостоятельным преступлением, не ограничивающимся только нарушением авторских прав. Данное нарушение наносит ущерб репутации владельца товарного знака и может приводить к недобросовестной конкуренции. Поэтому необходимо усилить контроль за правильным применением норм уголовного законодательства в сфере интеллектуальной собственности и обеспечить их четкое ограничение от других видов преступлений.

Статья 1225 ГК РФ определяет два отдельных типа объектов интеллектуальной собственности:

1. Результаты интеллектуальной деятельности, такие как литературные, музыкальные, художественные произведения, научные открытия и изобретения.

2. Средства индивидуализации, которые служат для отличия юридического лица, продукции и услуг, например, товарные знаки, фирменные наименования и знаки обслуживания.

Данные объекты имеют различную правовую природу и не могут быть сведены к одному типу. Авторское произведение не является средством индивидуализации автора, а товарный знак не является результатом интеллектуальной деятельности. Товарные знаки относятся к самостоятельной отрасли интеллектуальной собственности — промышленной собственности (ст. 146 УК РФ), а не к авторскому праву.

Правовой режим товарных знаков установлен специальным институтом правовой охраны средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции (работ, услуг), который относится к патентному праву как подотрасли гражданского права. Таким образом, незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК РФ) как самостоятельного объекта преступного посягательства, соединенное с незаконным использованием объектов авторского права или смежных прав, должно квалифицироваться по совокупности с статьей 146 УК РФ. Данный подход учитывает специфику каждого вида нарушения и обеспечивает более точную и эффективную квалификацию преступлений против интеллектуальной собственности.

Сложности в ограничении составов преступлений против прав на авторские, смежные, изобретательские и патентные права от преступлений против прав на товарные знаки, знаки обслуживания и места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров возникают из-за того, что все эти объекты являются результатами интеллектуальной деятельности. Однако, несмотря на схожесть в их правовой природе, они отличаются по своему назначению и режиму правовой охраны.

Статья 180 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконное использование товарного знака, является бланкетной, т.е. отсылает к гражданскому законодательству для определения понятия товарного знака. Согласно статье 1477 ГК РФ, товарный знак — это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, а знак обслуживания — обозначение, служащее для индивидуализации выполняемых юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями работ или оказываемых ими услуг.

В Российской Федерации правовая охрана товарного знака (как и изобретения, полезной модели и промышленного образца) предоставляется исключительно на основании государственной регистрации. Это означает, что незаконное использование товарного знака без соответствующей регистрации является нарушением правового режима охраны промышленной собственности.

Таким образом, несмотря на то что объекты интеллектуальной собственности имеют схожую природу, они под-

падают под разные правовые режимы и требуют отдельного правового регулирования. Данный факт усложняет процесс отграничения составов преступлений, связанных с нарушением прав на интеллектуальную собственность, и требует от правоприменителей особо внимательного подхода к квалификации преступных действий.

В практике правоприменения возникают трудности при отграничении объектов интеллектуальной собственности, обозначаемых сопряженными понятиями «товарный знак» и «промышленный образец». Несмотря на схожесть в их правовой природе, данные объекты отличаются по своему назначению и функциям. Промышленный образец является составной частью промышленного изделия, определяя его форму, цвет и рисунок. Товарный знак, в свою очередь, является отдельным обозначением, применяемым к изделию (слово, рисунок), и не является его неотъемлемой частью. Однако в случае, когда товарный знак приобретает объемный характер, воплощаясь в оригинальной форме изделия, данная форма может одновременно охраняться как промышленный образец и как товарный знак. Несмотря на это, функции данных объектов остаются различными. Товарный знак выступает в качестве индикатора, указывающего на изготовителя или продавца товара. Промышленный образец же предназначен для привлечения внимания покупателя своим видом, не указывающий на изготовителя.

Квалификация преступлений, предусмотренных статьей 180 УК РФ (незаконное использование товарного знака), сопряжена с проблемами в определении круга потерпевших, которым может быть причинен крупный ущерб. Существуют разные точки зрения на этот вопрос. С одной стороны, считается, что крупный ущерб от нарушения прав на товарный знак может быть причинен как владельцу товарного знака, так и потребителям, которые

приобрели товары (получили услуги) ненадлежащего качества в результате использования поддельного товарного знака. С другой стороны, в случае причинения ущерба интересам потребителей в результате введения их в заблуждение относительно потребительских свойств и качества товара (услуги), речь должна идти о совокупности преступлений, предусмотренных статьей 180 УК РФ (незаконное использование товарного знака) и статьей 159 УК РФ (мошенничество).

Следственно-судебная практика в этой части также отличается противоречиями, что свидетельствует о необходимости более четкого правового регулирования и разъяснения проблемных вопросов в квалификации преступлений, связанных с нарушением прав на товарные знаки.

Обман потребителей относительно свойств и качества товара (услуги), сопряженный с незаконным использованием товарного знака, подлежит квалификации по совокупности статей 159 и 180 УК РФ (мошенничество и незаконное использование товарного знака). Однако в некоторых случаях данная совокупность преступлений может исключаться. Например, при продаже контрафактного товара, соответствующего по цене и качеству оригинальному товару, нельзя говорить о причинении ущерба потребителям. Также отсутствует мошенничество при продаже некачественного контрафактного товара по более низкой цене по сравнению с оригинальным товаром, так как потребитель может догадываться о контрафактном характере продукции в силу ее ценового несоответствия.

Таким образом, назрела необходимость реформирования законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности и повышения роли гражданско-правовых механизмов защиты.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Ермаков С. В. Вопросы юридической ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2024. № 1. С. 14–21.
4. Залесов А. В. Об экономической нецелесообразности и неприменимости уголовной ответственности за нарушение изобретательских и патентных прав // Право и экономика. 2022. № 7. С. 47–54.
5. Куликов О. В. Уголовная неоднократность: отрицание отрицания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 127–135.
6. Потенциал технологического развития: патентная активность в России / Е. А. Стрельцова (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ), А. В. Горбунов, Б. Л. Генин, Д. С. Золкин [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://unescofutures.hse.ru/mirror/pubs/share/909384624.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).
7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ. [Электронный ресурс] // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.10.2024).

Проблемы осуществления правозащитной деятельности судов в РФ

Фролов Виктор Алексеевич, студент магистратуры;

Диен Ибрахима, студент магистратуры

Научный руководитель: Южиков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Астраханский государственный технический университет

В статье автор рассматривает основные проблемы, с которыми сталкиваются судебные органы в процессе реализации правозащитной функции, а также проанализируем возможные пути их решения.

Ключевые слова: защита прав и свобод, суд, правовое государство, правозащитная деятельность.

Правозащитная деятельность судов в Российской Федерации является одним из ключевых государственных институтов, обеспечивающих защиту прав и свобод граждан.

Статья 118 Конституция Российской Федерации закрепляет, что правосудие осуществляется только судов [1].

В условиях динамично меняющегося правового ландшафта и усложняющегося социального контекста, система судебной защиты сталкивается с рядом серьезных проблем, которые ставят под угрозу её эффективность и независимость. Нарастающие вызовы, такие как политическое давление, недостаток финансирования, а также вопросы квалификации судебных кадров, создают определенные препятствия для эффективного осуществления правосудия.

Правозащитная деятельность судов — это совокупность действий судей и судебных органов, направленных на защиту прав и законных интересов граждан, организаций и государства в рамках судебного разбирательства. Это включает в себя не только вынесение решений по конкретным делам, но и выполнение контроля за соблюдением законности и правопорядка.

Право на судебную защиту охватывает не только возможность обращения в суд, но и включает право на участие в защите своих интересов, а также право на получение квалифицированной юридической помощи. Таким образом, данное право представляет собой совокупность полномочий, направленных на восстановление нарушенных прав и свобод.

Каждый суд в судебной системе Российской Федерации обязан рассматривать обращения граждан. При этом суд действует в соответствии с принципами законности, гласности, равенства сторон, состязательности и другими.

Право на судебную защиту может быть реализовано через различные виды судопроизводства, включая конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное.

Гражданин, являясь участником правоотношений, имеет право обратиться в суд для защиты своих прав, хотя инициировать судебный процесс может не только сам истец. В уголовном судопроизводстве это право характеризуется особыми чертами, так как органы уголовного преследования обязаны начать процесс независимо от желания или нежелания потерпевшего — это отражает принцип публичности.

В данный момент системные проблемы российской судебной системы привлекают внимание как на уровне федеральных, так и региональных адвокатских ассоциаций, а также институтов гражданского общества. Эти вопросы регулярно становятся темой обсуждения на конференциях, круглых столах и в средствах массовой информации [3].

С учетом текущих реалий, следует обратить большее внимание на реализацию конституционных принципов, связанных с правом на защиту, состязательностью и равенством сторон в процессе судопроизводства, а также на соблюдение и расширение профессиональных прав адвокатов.

Обычно такая работа требует значительных усилий и времени, часто затягиваясь на годы, и подразумевает активное взаимодействие с депутатами и другими государственными органами, обладающими правом законодательной инициативы. В то же время успех этих усилий во многом зависит от адвокатской активности, последовательности и настойчивости.

Природа судебной власти дополняет (продолжает) действия законодательной власти, так как суды являются завершающей стадией реализации правовых норм, принятых законодательными органами. Таким образом, правосудие как функциональная особенность судебной власти (толкование права) с одной стороны, отражает уникальную природу судебной власти, а с другой — продолжает работу законодательной власти и определяет результаты функционирования системы правосудия (судебные акты). Суд выполняет роль популяризатора императивных норм права, при необходимости разъясняя мотивы и обоснования принимаемого решения в рамках конкретного судебного конфликта, разрешающего определённую жизненную или правовую ситуацию.

Изменения в процессуальном законодательстве неизбежно требуют преобразования судостроительства, чтобы судебная система смогла надлежащим образом их обеспечить, не нарушая при этом принципы организации судебной власти [2]. В России, изменения в процессуальном законодательстве без соответствующих реформ в системе судов общей юрисдикции привели к тому, что суды субъектов РФ одновременно осуществляют правосудие на уровнях первой, апелляционной и кассационной ин-

станций. Это обстоятельство нарушает конституционное право на судебную защиту, а также принцип независимости судей и увеличивает риски коррупции.

Опрос правовой защиты в суде часто оказывается тесно связанным с финансовыми возможностями сторон. Доступ к судебной системе может значительно варьироваться в зависимости от материального положения.

Стороны, обладающие достаточными средствами, имеют возможность нанять квалифицированных адвокатов, оплатить экспертизы и другие судебные издержки. Это, в свою очередь, увеличивает их шансы на успешное разрешение дела.

В противовес этому, лица с ограниченными финансовыми ресурсами нередко сталкиваются с трудностями при осуществлении своих прав. Им может не хватать средств на квалифицированную юридическую помощь, что существенно затрудняет защиту их интересов в суде.

Таким образом, можно говорить о том, что эффективность судебной защиты для различных сторон зависит не только от их правовых знаний или обоснованности требований, но и от финансовых возможностей. Это создает необходимость в реформировании системы предоставления юридической помощи, чтобы обеспечить более равный доступ к правосудию для всех граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N31, ст. 4398;
2. Кудрявцев, В. В. «Конституционные основы правозащитной деятельности в России» // Конституционное право: теория и практика. — 2021. — № 2. — С. 12–13.
3. Семёнова, Е. В. «Анализ правозащитных функций судов в контексте современных вызовов» // Юридический мир. — 2020. — № 3. — С. 23.

Роль различных государств в деятельности Международного валютного фонда

Хазиахметов Ильназ Ильнурович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу международного влияния и роли Международного валютного фонда (МВФ) на различных этапах его существования, а также на взаимодействии с его членами. Основная мысль текста заключается в том, что МВФ, являясь ключевым игроком на мировой финансовой арене, выполняет многофункциональные задачи, которые включают не только предоставление кредитов, но и обеспечение экономической стабильности через мониторинг и рекомендации, адаптированные к конкретным странам-участникам.

Таким образом, статья углубленно исследует не только историческую и организационную структуру МВФ, но и его практическое значение для современной мировой экономики, показывая, что фонд выступает как неотъемлемая часть механизма международного финансового сотрудничества.

Ключевые слова: МВФ, Международный валютный фонд, национальная валюта, участники, государства

К началу XXI века сложилась ситуация, при которой не все государства, входящие в Международный валютный фонд (МВФ), обладают полноценным суверенитетом и не являются членами Организации Объединённых Наций (ООН). В числе участников МВФ имеются территории, которые не признаны многими странами и обладают специфическим статусом. Эти территории находятся под управлением государств — полноправных членов ООН, к таким относятся Кюрасао, Аруба, Макао, Гонконг и Косово. Члены МВФ назначаются корпоративными организациями и обладают правом голоса. Государства — участники МВФ также взаимодействуют с Международным банком реконструкции и развития (МБРР). Сотрудничество МВФ с участниками основывается на квотах и предоставлении финансовой поддержки. Ха-

актер этого сотрудничества зависит от статуса страны в МВФ: является ли она донором средств или же получателем помощи. Таким образом, взаимодействие между МВФ и его членами строится на принципе, согласно которому «сильные поддерживают слабых».

Ранее Куба и Тайвань были частью Международного валютного фонда, но Куба вышла из его состава в 1964 году, а Тайвань был исключён в 1980 году после утраты поддержки со стороны президента США Джимми Картера, в результате чего на его место вступила Китайская Народная Республика. Несмотря на это, Тайвань всё ещё значится в официальных реестрах МВФ как самостоятельная территория. Кроме Кубы, три других страны также не являются членами фонда: это Монако, Лихтенштейн и Северная Корея. 16 октября 2020 года Андорра стала 190-м

членом данной международной организации [1]. В отношении стран постсоветского пространства стоит отметить, что Польша покинула МВФ в 1950 году, предположительно под давлением Советского Союза, но вернулась в 1986 году. Чехословакия, которая впоследствии распалась, была исключена в 1954 году за непредоставление необходимых данных, но в 1990 году, после Бархатной революции, вновь была принята в МВФ.

С момента создания Международного валютного фонда (МВФ) роль стран-участниц изменялась. Некоторые государства неизменно выступают в роли доноров, в то время как другие стабильно находятся в числе тех, кто пользуется помощью. Третьи же страны за этот период плавно изменили свою позицию, перейдя от статуса получателей к статусу доноров.

Соединенные Штаты Америки являются основным донором среди стран-участниц МВФ. На протяжении всей истории фонда эта страна ни разу не получала помощь. Поэтому США занимают доминирующее положение в МВФ, обладая большинством голосов и правом вето.

В настоящее время основными получателями помощи от МВФ являются Аргентина (41,7 миллиарда долларов), Украина (13,8 миллиарда долларов) и Египет (13,6 миллиарда долларов).

Российская Федерация, как часть Советского Союза, участвовала в Бреттон-Вудской конференции. Тем не менее, из-за холодной войны и несогласий с западной политикой, она не подписала устав Международного валютного фонда (МВФ). Подобные обстоятельства в 1950–1960-х годах привели к выходу из МВФ таких стран, как Чехословакия, Польша и Куба. В начале 1990-х годов государства постсоветского пространства и бывшие республики СССР начали проводить значительные экономические и политические реформы. Их задачей стало преобразование централизованной плановой экономики в рыночную и интеграция с мировой экономикой. В результате, в 1990-х годах, страны этого региона стали членами МВФ, за исключением КНДР и Кубы. Россия присоединилась к МВФ 1 июня 1992 года, и остальные государства СНГ и Балтии сделали это в период с апреля по сентябрь того же года. В ходе своего членства Россия получила около 15,6 миллиарда специальных прав заимствования для поддержки своей финансовой системы. В январе 2005 года Россия полностью расплатилась с МВФ, что дало ей возможность стать кредитором Фонда. Это решение Совета директоров МВФ включило Россию в План финансовых операций Фонда, установив её как активного участника в финансовых операциях МВФ [2].

Деятельность Международного валютного фонда в отношении стран-участниц часто становится объектом критики. Оппоненты утверждают, что кредиты, которые предоставляет фонд, а также его рекомендации, могут негативно сказаться на странах-заёмщиках. Кроме того, звучат обвинения в том, что МВФ не только не смог предотвратить ряд значительных экономических кризисов, но и своими действиями способствовал их возникновению,

вмешиваясь в экономическую политику многих государств-членов организации.

Эксперты из «Информационного портала РФ» в публикации от 25 марта 2018 года высказывают мнение, что вступление России в Международный валютный фонд после распада Советского Союза стало причиной экономического кризиса и привело к её статусу как государства третьего мира. Однако это утверждение можно оспорить. Кризис, охвативший Россию в 1990-х, был вызван не только массовой приватизацией, как считают некоторые специалисты, но во многом значительным отставанием страны от рыночной экономики, к которой Советский Союз долгое время не допускал. Это отставание оценивалось в 50–60 лет. Кроме того, сложности, с которыми столкнулась новая Российская Федерация, были связаны с её неспособностью адаптироваться к современным экономическим реалиям и наладить эффективные экономические связи с другими странами [5]. Деятельность Фонда координируется из Вашингтона, в дополнение к этому существуют представительства в Париже, Женеве, Токио и в Нью-Йорке при ООН.

Каждое государство имеет право подать заявку на вступление в Международный валютный фонд. На начальных этапах работы МВФ требования к новым членам были менее строгими. Члены организации должны регулярно перечислять взносы в соответствии со своей квотой, не вводить ограничения на валютные транзакции без согласия МВФ, соблюдать Кодекс поведения, который изложен в Статьях Устава фонда, и предоставлять сведения о состоянии своей экономики. Однако к правительствам, которые искали финансовую помощь у МВФ, предъявлялись более жесткие условия.

Государства, которые стали членами Международного валютного фонда в период с 1945 по 1971 год, взяли на себя обязательство поддерживать фиксированные курсы своих валют относительно доллара США. Для Соединенных Штатов это означало сохранение стоимости доллара в золотом эквиваленте. Эти курсы могли быть изменены, но только для устранения «основного дисбаланса» в платёжном балансе и с согласия МВФ. Данная система обменных курсов, известная как Бреттон-Вудская, функционировала до 1971 года, когда правительство США временно прекратило возможность обмена долларов на золото.

С тех пор участники Международного валютного фонда получили возможность самостоятельно определять поведение своей национальной валюты на рынке. Они могут выбрать свободное плавание, установить привязку к другой валюте или группе валют, а некоторые даже используют валюту другой страны в качестве своей. Кроме того, участники могут формировать валютные блоки. Совместно с МВФ был основан Международный банк реконструкции и развития, который более известен как Всемирный банк. Его основная задача — поддержка долгосрочного экономического роста, в том числе через финансирование инфраструктурных проектов, таких как строительство дорог и улучшение систем водоснабжения [3].

Государства, которые осуществили реструктуризацию своих долгов, обычно обращались за финансированием к Международному валютному фонду и следовали рекомендациям по макроэкономической стабилизации, предложенным его специалистами. Даже если сумма, полученная от МВФ, была незначительной, его участие служило для кредиторов сигналом о том, что страна предпринимает серьезные меры для решения вопросов внешнего долга. Следует отметить, что страны, входящие в состав МВФ, имеют доступ к информации о экономической политике всех своих членов, могут оказывать влияние на экономические стратегии других государств-участников, предоставлять техническую помощь в банковской сфере, налоговых вопросах и валютных операциях, а также финансовую поддержку в случае возникновения проблем с платежами, что открывает дополнительные возможности для торговли и инвестиций.

Квоты определяются с учётом доли стран в глобальной экономике и торговле. При вычислении квот принимаются во внимание такие параметры, как валовой внутренний продукт, объем операций по текущим статьям платёжного баланса, колебания текущих внешних поступлений и официальные золотовалютные резервы. В результате этого квоты распределяются неравномерно [4]. До 1978 года до 25% квот оплачивались золотом, в то время как в настоящее время — резервными активами (СДР и конвертируемыми валютами, которые устанавливаются Международным валютным фондом с согласия стран-эмитентов этих валют). Остальные 75% суммы подписки оплачиваются в национальной валюте. Квоты пересматриваются как минимум раз в пять лет.

В связи с изменениями в положении и значимости отдельных стран-членов Международного валютного фонда на мировой арене, наблюдается рост квот для Германии, Японии и ряда других государств, включая нефтяные экспортёры, такие как Саудовская Аравия, который опережает увеличение квот для других стран. Это обстоятельство привело к росту доли квот этих государств в капитале Фонда. Тем не менее, общее увеличение ресурсов МВФ значительно отстает от темпов роста мирового ВВП и еще более заметно от динамики международных платежей по текущим операциям. Следует подчеркнуть, что для предоставления кредитов странам-участникам используется не весь капитал Международного валютного фонда, а лишь ограниченный набор валют, которые руководство Фонда включает в свой квартальный операционный бюджет. Эти валюты принадлежат государствам-членам, чьи платёжные балансы и международные резервы Фонд считает достаточно устойчивыми. Список валют, применяемых для кредитных операций, регулярно обновляется в зависимости от ситуации в странах, выпускающих эти валюты. Тем не менее, основную часть операционного бюджета составляют средства в валютах, которые МВФ классифицирует как «свободно используемые» (в настоящее время это доллар США, японская иена, немецкая марка, английский фунт стерлингов и французский франк).

Кроме своих собственных ресурсов, Международный валютный фонд (МВФ) имеет возможность привлекать заемные средства. В этой связи страны, входящие в «группу десяти», а также их центральные банки, такие как Бельгия, Великобритания, Италия, Канада, Немецкий Федеральный Банк, Нидерланды, США, Франция, Шведский Государственный Банк и Япония, подписали с фондом Генеральные соглашения о займах (ГСЗ). Эти соглашения начали действовать 24 октября 1962 года. В 1964 году Швейцарский Национальный Банк стал ассоциированным членом МВФ. С апреля 1984 года он полностью участвует в деятельности фонда.

В соответствии с соглашениями о кредитах, странам-участницам или их центральным банкам предоставлялись кредитные линии от Фонда на постоянной основе. Общая сумма составила 6,5 миллиарда специальных прав заимствования (8,8 миллиарда долларов). Финансирование выделялось в тех случаях, когда возникала необходимость предотвратить или решить проблемы в международной валютной системе. Международный валютный фонд, в свою очередь, имел возможность предоставлять займы на срок от трех до пяти лет любым странам-участницам данных соглашений. Эти средства также могли быть использованы для финансовой поддержки стран, не входящих в соглашения, но при этом требовалось соблюдение более строгих условий. МВФ выплачивал проценты по займам, полученным в рамках соглашений, в соответствии с рыночными ставками и должен был вернуть кредиты в течение пяти лет.

В 1980-х годах Международный валютный фонд столкнулся с необходимостью увеличения объёма своих кредитных операций. Для укрепления своей финансовой базы Фонд начал привлекать заёмные средства, используя как многосторонние механизмы, так и двусторонние соглашения. Фонд получал кредиты от казначейств и центральных банков таких стран, как Бельгия, Саудовская Аравия, Швейцария, Япония и других. Кроме того, он также занимал средства у Банка международных расчётов, расположенного в Базеле. На протяжении всей своей истории Фонд ни разу не обращался за займами к частным банкам, хотя его устав допускает такую возможность.

В настоящее время Международный валютный фонд (МВФ) выдает кредиты в иностранной валюте странам-участникам с целью достижения двух ключевых задач [6].

Первая задача заключается в покрытии дефицита платёжных балансов, что подразумевает увеличение валютных резервов государственных финансовых учреждений и центральных банков. Вторая задача связана с поддержкой макроэкономической стабильности и структурной трансформации экономики, включая финансирование государственных бюджетных расходов.

В уставе МВФ для обозначения его кредитной деятельности используются два термина: «сделка» (предоставление валютных средств из ресурсов Фонда) и «операция» (оказание финансовых и технических услуг с использованием заёмных средств). Управление собственными («общими»)

и привлечёнными ресурсами осуществляется отдельно. МВФ предоставляет кредиты исключительно официальным учреждениям — казначействам, министерствам финансов, стабилизационным фондам и центральным банкам.

Государство, нуждающееся в иностранной валюте, может либо приобрести её (покупка), либо занять (привлечение) в обмен на эквивалентную сумму в своей национальной валюте. Полученные средства затем зачисляются на счёт Международного валютного фонда (МВФ) в центральном банке данной страны. При разработке механизма функционирования фонда предполагалось, что страны-участницы будут демонстрировать более или менее равномерный интерес к различным валютам. В связи с этим, их национальные валюты, поступающие в МВФ, будут перемещаться от одной страны к другой.

Международный валютный фонд (МВФ) играет ключевую роль в обеспечении финансовой стабильности и экономического роста стран, столкнувшихся с кризисами [7]. Его функция как помощника государства в трудные времена заключается не только в предостав-

лении финансовых ресурсов, но и в экспертизе и мониторинге экономических процессов. МВФ предлагает странам руководство, основанное на лучших международных практиках, что помогает не только преодолевать текущие трудности, но и закладывать основу для устойчивого развития в будущем.

Однако важно отметить, что взаимодействие с МВФ также несет определенные обязательства. Страны должны быть готовы к проведению структурных реформ, которые могут быть непопулярны, но необходимы для восстановления экономической стабильности. Тем не менее, такие меры могут привести к долгосрочным позитивным изменениям, повышая конкурентоспособность и вовлекая страны в глобальную экономику.

Таким образом я делаю вывод о том, что МВФ выступает не просто как кредитор, а как партнер, способствующий развитию. Его гибкость и адаптивность позволяют реагировать на уникальные вызовы, стоящие перед каждой отдельной страной, что делает фонд важным инструментом в мировой экономической архитектуре.

Литература:

1. Официальный сайт Международного валютного фонда. — Режим доступа: <https://www.imf.org> (Дата обращения: 23.10.2024)
2. Официальный сайт НИУ «Высшая школа экономики». — Режим доступа: <http://www.hse.ru/org> (Дата обращения: 23.10.2023)
3. Доклад о торговле и развитии, 2015 год. Обзор.//Конференция Организации Объединённых Наций по торговле и развитию, ЮНКТАД. — Женева. — 39 с
4. Аткурова Н.С. Международный валютный фонд: теория и практика, проблемы и перспективы. Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2015. № 28–1. С. 37–42.
5. Информационный портал. — Режим доступа: <https://infoportalru.ru/kak-mvf-v-90-gody-unichtozhal-rossiju.html> (Дата обращения: 23.10.2023)
6. Хадарцева Л. С., Саркисян А. А. Основные аспекты деятельности МВФ. Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 3. С. 108–111.
7. Папава, В. Г. Международный валютный фонд: достижения и ошибки / В. Г. Папава. — Тбилиси: Компания Империял, 2015. — 86 с.

Ретроспектива судебных актов по гражданским делам в Российском государстве

Хуторненко-Сухорукова Алёна Александровна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

История института судебных актов в России сравнительно небольшая. Основные нормы, впервые основательно закрепленные в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года, все равно носили достаточно общий характер.

Основным источником права в России всегда являлся закон как писанный акт высшей государственной власти. При этом судебное нормотворчество длительное время не признавалось, хоть и судебная практика играла важную роль при разрешении правовых споров и учитывалась при

издании правовых актов (законов). В период становления и развития права определенный круг общественных отношений регулировался также имеющимися обычаями, которые применялись при рассмотрении судебных тяжб общинами, а впоследствии князем и его заместителями. Во время княжеского правления на Руси вся власть, в том числе судебная, сосредотачивалась в руках князя. Из-за отсутствия норм обычного права или несоответствия их жизненной ситуации порой создавалось правило, ставшее прецедентом. Считалось, что княжеское ре-

шение — это справедливое решение, игравшее существенную роль в развитии права у всех народов, а также оно порождало создание нового права путем так называемого прецедента. Нормы, созданные княжеской судебной практикой, нашли свое воплощение в Русской Правде — своде существовавших в то время (11–12 вв.) древнерусских законов Киевского государства («Правда Ярослава», «Устав Владимира Мономаха», «Правда Ярославичей»). Обязательность решения для всех должностных лиц империи выражалась в их обязанности оказывать содействие в осуществлении права, признанного судом. Сами тяжущиеся (так назывались стороны) обязаны были не только подчиниться судебному решению, но и не чинить вновь того же раздора [1]. Такая подобная судебная практика стала в последующем важным источником русского Судебника 1497 г. Историки приходят к выводу о том, что если Русская Правда являлась сводом обычных норм и судебных прецедентов, своеобразным пособием для поиска норм материального права, то Судебник 1497 г. стал прежде всего «инструкцией» для организации судебного процесса, то есть начал затрагивать регуляцию процессуальных норм. В основу Судебной реформы был положен принцип разделения властей, судебные функции были отделены от административных, созданы местные и общие суды — то есть абсолютно новая модель судостроительства. Судебная власть начала сосредотачиваться не только в судах, но Сенате. Сенат выступал в качестве высшего судебного и надзорного органа. В его ведении находилось толкование законов и решение юридических коллизий. Разъяснения Сената становятся обязательными для юридической практики. Отдельные постановления Сената, утвержденные главой государства — императором, приобретали статус законов. Таким образом, решения Сената и суда по толкованию тех или иных положений закона признавались прецедентами толкования и являлись обязательными для применения. Так складывалось судебное нормотворчество после Судебной реформы 1864 г. Можно говорить в целом о положительной динамике данного процесса, ведь в результате возникла ситуация, при которой судьи вынуждены порождать на этой основе «образцовые» решения (прецеденты) и тем самым участвовать в правотворчестве.

Впоследствии в ноябре 1918 г. утверждено Положение о едином народном суде РСФСР, которым положено начало созданию системы народного суда, который включал в себя судью и народных заседателей. На первый план вышли такие принципы судебного права, как коллегиальность рассмотрения дела и беспристрастность принятия судебного решения.

Изначально существовали такие случаи, когда процедура судебного разбирательства не проводилась за ненадобностью в силу объективных причин [2]. Такое решение суда, которое получено в упрощенном порядке и имеет особую форму, представляет собой судебный приказ. Первые прообразы современных упрощенных процедур гражданского судопроизводства имели место

быть в России еще в XIV–XV вв. Такое судопроизводство начиналось с подачи гражданином челобитной, то есть жалобы и заканчивалось выдачей некой бессудной правой грамоты. Данная грамота выдавалась стороне, победившей в процессе, при условии, что в нем участвовали обе стороны очно. Поскольку правые грамоты выдавались предъявления доказательств и аргументации позиции, то подобного рода акты могут быть одновременно признаны прототипом судебного приказа, а значит иметь силу исполнительного документа. Серьезным прорывом в становлении института судебного приказа было принятие в 1864 г. Устава гражданского судопроизводства [3]. В нем указывались категории спорных правоотношений, которые могли быть разрешены посредством упрощенного производства. Сюда можно было отнести иски по взятым в долг товарам, иски о найме помещений, иски о передаче вещей на хранение, а также иски по просьбам об исполнении договоров и обязательств. Последнее имеет больше всего общего с современным приказным производством, так как в основании большинства заявлений о выдаче судебного приказа лежит просьба об удовлетворении требований кредитора по тому или иному договору, чаще всего по договору о предоставлении услуг. Следует заметить, что перечень категорий дел, приведенный выше, не носил исчерпывающего характера и при обоюдном согласии сторон в упрощенном производстве могли рассматриваться вообще любые категории дел. Сокращенный порядок судопроизводства подразумевал, что истец на стадии обращения с иском просит в самые короткие сроки представить все свои доказательства, а ответчик — в первом судебном заседании. Большинство требований было установлено с целью сокращения сроков судопроизводства по ним. К сожалению, попытка законодателя ускорить производство по указанным категориям дел не увенчалась успехом, и в 1889 г. были введены новые правила осуществления производства для городских судей. В этот момент стали появляться первые серьезные совпадения по вопросу упрощения гражданского судопроизводства между современным ГПК и Уставом гражданского судопроизводства. Так, в последнем выделялись вопросы, решение которых возможно было без явки сторон и без проведения предварительного судебного рассмотрения. Понудительному исполнению подлежали акты крепостные и нотариальные, акты о платеже денег или о возврате вещей и другого движимого имущества, договоры найма недвижимого имущества, засвидетельствованные или совершенные тем же порядком. Последующая судьба приказного производства была предопределена принятием в 1926 г. Положения о нотариате⁴, по которому нотариусы были призваны придавать исполнительную силу долговым и платежным документам. В результате количество документов, с которыми взыскатели обращались в суды, резко сократилось. Возможно, по этой причине приказное производство просуществовало недолго, и уже в 1928 г. глава 24 ГПК РСФСР «О выдаче судебных приказов по актам» была исключена из ГПК

РСФСР 1923 г. Фактически институт судебного приказа был передан в компетенцию нотариата, где трансформировался в институт исполнительных и нотариальных действий, направленный на придание исполнительной силы долговым и платежным документам. Этот институт существует и по сей день. В действующем Гражданском кодексе РФ институт судебного приказа сохранен. Сравнительный анализ норм ГПК РСФСР и ГПК РФ показывает, что в действующем законодательстве назначение судебного приказа и его сущность не изменились, но изменился порядок его вынесения и отмены. Таким образом, анализ норм гражданского процессуального законодательства в исторической ретроспективе, а также доктринальных разработок в исследуемой сфере позволяет говорить, что институт судебного приказа подвергался существенным изменениям в процессе своего исторического развития и многие нормы современного судебного приказа были заимствованы из дореволюционного законодательства, но, постепенно проходя апробацию, вследствие которой одни из них были изменены в соответствии с жизненными потребностями, а другие подтвердили свою обоснованность и необходимость, закрепились на долгие годы. Возрождение и развитие института судебного приказа в гражданском судопроизводстве представляет тенденцию упрощения и ускорения гражданского судопроизводства.

Историки считают, что русское законодательство той эпохи представляло собой не развитие одних и тех же начал, а беспрестанное их изменение, уничтожение существующих и замещение другими, более актуальными. Но внутренняя непоследовательность развития юридических начал вносила свои коррективы.

По спорным гражданским искам в то время судьи выносили, так называемые, «правовые грамоты» [5]. Правовая грамота — это письменный акт, в котором излагались «суть и решение» по какому-либо спорному делу. Такой акт составлялся в том судебном месте, где происходил суд, и выдавался обыкновенно тому тяжущемуся (стороне), который был оправдан решением. Правовые грамоты были двух видов. Одни выдавались вследствие приговора по суду, другие вследствие приговора, постановленного без суда (чаще всего в связи с неявкой в срок в суд). В Судебнике и современных ему источниках их называли «бессудными». В Уложении такое название не встречалось. Правовая грамота скреплялась подписью дьяка и скреплялась печатью судьи. Таким образом, для периодов феодального судопроизводства в России не было характерно вынесение каких-либо промежуточных актов в ходе судебных процессов, кроме решений по тяжбам. Существующие ныне определения суда появились значительно позже.

Оформление абсолютизма в России в конце XVII и первой половине XVIII вв. сопровождалось бурным развитием не только государственного права, но и гражданского законодательства, что обусловило в свою очередь необходимость реформирования гражданского

судопроизводства, которое длительный период времени оставалось без внимания законодателя. Первым процессуальным кодексом России стало Краткое изображение процессов и судебных тяжб, которое, по-прежнему, не отделяло гражданский процесс от уголовного. Систематизация законодательства была осуществлена созданием свода законов Российской Империи в 1832 году, лишь десятый том которого содержал основы гражданского права. Однако наиболее глубокие преобразования в российском гражданском процессуальном праве связаны с судебной реформой 1864 г. [6]. Судебная реформа провозгласила отделение суда от администрации, которое обеспечивалось несменяемостью судей и судебных следователей; создание бессловных судебных органов; закрепила принцип равенства всех перед судом, а также прокурорский надзор за законностью производства.

Важным достижением реформы было издание уставов гражданского и уголовного судопроизводства. Порядок судопроизводства был перестроен на основе принципов состязательности, гласности, устности, непосредственности, права обвиняемого на защиту. Было также разработано Руководство к ведению и защите гражданских исков и тяжб к производству взысканий по долговым обязательствам у появившихся в то время мировых судей в окружных судах и судебных палатах. Оно было составлено для уяснения порядка ведения исков и тяжб. Анализ содержания Устава гражданского судопроизводства и вышеназванного Руководства свидетельствует о значительных переменах в сфере процессуального порядка разрешения тяжб и, в частности, вынесения промежуточных процессуальных актов в виде определений суда. У мирового судьи предусмотрено было лишь постановление решения. Устав гражданского судопроизводства предусматривал вынесение определений на удовлетворение просьбы об обеспечении иска, об отказе или дозволении третьему лицу принять участие в деле. Кроме того, он допускал возможность приостановления и возобновления производства по делу. Вместе с тем в законе ничего не было сказано о том, как это должно было быть процессуально оформлено. По жалобам, частным жалобам съезд мировых судей в апелляционном порядке выносил решение, которое считалось окончательным и подлежало немедленному исполнению [7]. У окружных судов определения суда относились к существу дела или к частным вопросам, возникавшим из дела. В первом случае определения суда назывались решением, в другом — частными определениями. Частное определение должно было включать в себе «означение дела, по которому оно состоялось, соображения и резолюцию суда». Таким образом, Устав гражданского судопроизводства 1864 года с последующими изменениями и дополнениями являлся по существу первым процессуальным кодифицированным актом того времени, детально регламентировавшим процедуру рассмотрения гражданских дел. Более того,

именно от Устава гражданского судопроизводства можно вести отсчет развития института постановления определений по процессуальным и, в некоторых случаях, материальным вопросам. Именно в нем также было подчеркнута значение судебной практики для рассмотрения гражданских дел. Для современного периода, думается, актуальным было бы заимствование положений Устава гражданского судопроизводства о праве суда приобщения своего объяснения по частным жа-

лобам. Отмечая прогрессивный характер Устава гражданского судопроизводства, следует обратить внимание, что определения не только соответствовали принципу гласности, но и обеспечивали доступ к правосудию всех слоев населения путем их опубликования.

В целом, можно подытожить, что «каркас» всех разобраных в данном параграфе судебных актов тех времен является основой существующих ныне и действующих процессуальных форм выражений действий суда.

Литература:

1. Русская Правда. Краткая редакция. Текст по академическому списку / пер. Б. Б. Кафенгауза // Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТКВелби. Изд-во Проспект, 2005. — С. 4–8.
2. Русская Правда. Пространная редакция. Текст по Троицкому списку // Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТКВелби. Изд-во Проспект, 2005. — С. 9–25.
3. Новгородская Судная грамота // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: учеб. пособие / сост. И. Ю. Маньковский. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — Ч. 1. — С. 74–80.
4. Псковская Судная грамота // Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТКВелби. Изд-во Проспект, 2005. — С. 26–34.
5. Судебник 1497 г. (Судебник Ивана III) // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: учеб. пособие / сост. И. Ю. Маньковский. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — Ч. 1. — С. 127–137.
6. Судебник 1550 г. (Судебник Ивана IV) // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: учеб. пособие / сост. И. Ю. Маньковский. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — Ч. 1. — С. 146–174.
7. Соборное Уложение 1649 г. (извлечения) // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: учеб. пособие / сост. И. Ю. Маньковский. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — Ч. 1. — С. 175–232.

Конфиденциальная информация: понятие, виды, отличительные признаки

Шарипова Алина Александровна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данный период времени информация играет большое значение в жизни каждого человека, общества и даже государства. Широкое развитие информационных сетей дало возможность передачи информации за короткий промежуток времени на огромные расстояния, что позволило каждому человеку получить доступ к множеству информационных ресурсов.

В связи с этим главной проблемой сейчас является правовая нерегулируемость процессов обмена информацией, что приводит к тому, что информация конфиденциального характера становится общедоступной. Тем самым наносится ущерб личности, обществу, государству и организациям.

Под конфиденциальной информацией можно понимать ту информацию, на которую владелец установил запрет на её разглашение другим лицам.

Информация может быть признана конфиденциальной только в случае, если является объектом владения, пользования конкретного лица. Можно сказать, что «конфиденци-

альная информация» — довольно широкое понятие и к нему можно отнести информацию, которая отвечает требованиям, которые указаны в Законе «Об информации» [1].

Вся информация, существующая в мире, подразделяется на общедоступную информацию и информацию ограниченного доступа (конфиденциальная информация).

Общедоступная информация — это информация, которую люди могут использовать в повседневной жизни по своему усмотрению, передавать её друг другу. Каких-либо запретов на её распространение федеральными законами не устанавливается.

Приведем пример данного вида информации:

- а) нормативно-правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина;
- б) информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- с) информация, которая касается состояния окружающей среды;

- d) информация о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности граждан;
- e) о факте нарушения прав граждан;
- f) информация о факте нарушения органами государственной власти закона и т.д.

Информация ограниченного доступа — это информация, распространение которой запрещено федеральными законами. Запрет на распространение данной информации устанавливается для защиты конституционных прав граждан, интересов государства, защиты конституционного строя Российской Федерации.

Полный перечень данных видов информации утвержден Указом Президента № 188 от 06.03.1997 [2].

Сведения, касающиеся частной жизни лица. В данном случае подразумевается информация о происхождении, месте жительства, личная и семейная тайна. К личной тайне относится информация, которую её владелец хранит в секрете и не желает её распространения. Семейная тайна подразумевает сведения, которые относятся ко всем членам семьи, и предпринимающие действия, которые не допускают её распространения. Информация о частной жизни может использоваться другими лицами только при наличии согласия их владельца. Однако, например, журналисты могут использовать данные сведения при наличии общественного интереса.

Персональные данные. Информация, позволяющая идентифицировать человека: паспортные данные, ф.и.о.

Коммерческая тайна. Информация о деятельности коммерческой организации.

Служебная тайна. Доступ к данным сведениям ограничен государственными органами в силу исполнения их служащими служебных обязанностей.

Сведения, касающиеся тайны следствия и судопроизводства. В данном случае подразумевается, что распространение данных предварительного следствия возможно только с согласия следователя. Срок, до которого данные сведения должны оставаться в тайне,— дата вынесения обвинительного заключения или постановления о прекращении уголовного дела.

Под тайной судопроизводства понимается недопустимость разглашения подробностей обсуждения решения по уголовному делу в совещательной комнате.

Профессиональная тайна (врачебная, адвокатская, нотариальная и т.д.). К ней относятся сведения, которые стали известны лицу в период осуществления своих профессиональных обязанностей.

Литература:

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N149-ФЗ.
2. Указ Президента РФ от 06.03.1997 N188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера».

Признаки конфиденциальной информации:

- данные, которые нельзя разглашать без согласия владельца;
- информация, известная определенными людям;
- на данную информацию устанавливаются определенные правила ее передачи и использования;
- наличие нормативно-правовой базы, обеспечивающей недопустимость ее разглашения.

Меры по сохранению конфиденциальной информации в организациях:

- руководство должно определить круг лиц, которые имеют доступ к сведениям конфиденциального характера;
- ограничение доступа к помещению, в котором хранятся данные сведения, лицам, не имеющим такого доступа;
- хранение паролей надлежащим образом;
- резервное копирование.

В заключение можно отметить, что в современном обществе каждый человек, государственное предприятие имеет право владеть информацией, которая требует нормативно-правовой защиты. И поскольку конфиденциальная информация играет большую роль в жизни каждого человека, правовое регулирование данного вида информации должно обеспечивать защиту информации от её неправомерного распространения.

Можно отметить, что основной задачей защиты конфиденциальной информации является защита доступа к сведениям, доступ к которым ограничен законом.

Существуют определенные правила работы с конфиденциальной информацией в государственных и негосударственных учреждениях, которые описаны в нормативно-правовых актах Российской Федерации. Неправильная организация работы с данными сведениями может привести к их утечке.

К утечке данных может привести и установка посторонних программ на компьютер, кража электронных носителей. В связи с тем, что сведения конфиденциального характера очень важны, государство ввело санкции в виде уголовного наказания за их кражу и незаконное распространение.

Защита данной информации требует комплексного и всестороннего подхода, правового регулирования, а также включения различных мер с целью недопущения их неправомерного распространения.

Гарантией защиты сведений конфиденциального характера являются нормативно-правовые акты, каждый из которых регулирует вопросы защиты информации в зависимости от ее вида.

Реализация презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого

Ширшова Елена Алексеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Теплякова Ольга Алексеевна, заместитель заведующего кафедрой
Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье анализируется принцип презумпции невиновности и его реализация на этапе прений сторон и последнего слова подсудимого. Автором делается вывод о неразрывной связи принципа презумпции невиновности с прением сторон и последним словом подсудимого. При этом констатируется наличие ряда проблем реализации презумпции невиновности через призму прения сторон и последнего слова подсудимого.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, презумпция невиновности, прения сторон, последнее слово подсудимого, актуальные проблемы.

Уголовному судопроизводству известен широкий перечень взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов, интегрированных в единую систему, от реализации которых в отдельности и в целом зависит достижение целей и задач данного вида судопроизводства. При этом все же особую роль в соответствующей системе призван играть такой принцип, как презумпция невиновности, получивший закрепление в пределах отдельной статьи УПК РФ — ст. 14 [1].

Главная идея принцип презумпции невиновности сведена к тому, что обвиняемый невиновен до того момента, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в порядке, предусмотренном УПК РФ, так и пока не будет установлена его вина вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 14 УПК РФ).

В содержание принципа входят и иные элементы, получившие раскрытие в отмеченной статье, но по указанному главному положению понятно, что даже малейшее отступление от него, очевидно, обладает потенциалом подрывать основы правосудия. Из этого, в свою очередь, вытекает влияние принципа фактически на все стадии уголовного процесса и особым образом влияет непосредственно на судебное производство, на этапе уже прения сторон и последнее слово подсудимого. Учитывая перманентную современность презумпции невиновности, как ряд теоретических вопросов которой продолжают представлять внимание в науке в силу значимости принципа, так и вопросы о правовом регулировании, практике его реализации. Реализация принципа презумпции невиновности на этапе прений сторон и последнее слово подсудимого заслуживает отдельного анализа.

Презумпции невиновности, прениям сторон и последнему слову подсудимого посвящены отдельные статьи УПК РФ (ст. 14, 292, 293 УПК РФ). На протяжении длительного периода времени разрабатываются все указанные категории и в науке. Формулирование понятия, содержания, сущности презумпции невиновности, как и прения сторон, последнее слово подсудимого, а тем более простое повторение включенных в кодифицированное уголовно-процессуальное законодательство норм, их оценка, сразу же следует оговориться, заслуживают внимания в отдельных исследованиях. В данной статье

акцент смещается на проблематику и особенности реализации принципа презумпции невиновности как такового в прениях сторон, а также последнем слове подсудимого.

В ряде вопросов дискуссионного характера, касающихся реализации принципов презумпции невиновности в прениях сторон и при последнем слове подсудимого, видится вопрос об альтернативной позиции защитника [6, с. 23]. Из многочисленных примеров судебной практики следует, что это не редкое явление правоприменения, а именно: адвокат, произнося защитительную речь, указывает на невиновность подзащитного, но одновременно и просит суд учесть при вынесении обвинительного приговора, обстоятельства, смягчающие ответственность (переквалификации деяния на менее тяжкое преступление) [4].

Перлов И. Д. в своих исследованиях придерживается позиции, что защитник вполне может не разделять позицию отрицания вины подзащитным, что не требует, чтобы он оспаривал эту позицию [8, с. 53]. Соответственно, это не должно порождать препятствий для учета смягчающих обстоятельств, если суд с подсудимым не согласен. А Лазарева В. И. полагает, что альтернатива является не просто возможной, она объективно необходима тогда, когда оснований для оспаривания обвинения недостаточно [7, с. 277].

В приводимых выше случаях адвокат, как и в случаях, им подобных, ведет речь лишь о возможной виновности, пусть это происходит и косвенным образом. Но даже этого достаточно для того, чтобы усматривать нарушение принципа презумпции невиновности. Не говоря уже о том, что это может оказывать негативное влияние на внутреннее убеждение суда по поводу невиновности. Тем более в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2022 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокату запрещается занимать позицию по делу вопреки воле доверителя, если только адвокат не имеет убежденности в самодоговоре подзащитного [2].

В науке высказывается позиция, поддерживаемая рядом авторов, что защитительная позиция в прениях сторон ограничивается всего тремя видами:

- полное отрицание вины;

- частичное признание виновности;
- полное признание вины подзащитным [5, с. 115].

Солидаризируясь с позицией доверителя, адвокат может принять один из этих вариантов. То есть, двойственность позиции исключается. И не просто как вариант альтернативного выбора, она исключается, потому что, в противном случае, будет нарушаться право подсудимого на защиту, следствием чего будет отмена приговора. Например, из протокола судебного заседания следует, что защитник просил назначить подсудимому наказание, не связанное с лишением свободы, когда сам подсудимый не признал вину, отказавшись от дачи показаний в судебном заседании [3]. Этот приговор был отменен по основанию, что защитник своими действиями нарушил право на защиту.

Соотнося высказанные тезисы со складывающейся практикой, в части отдельного направления проблематики можно сказать, что защитник, если он предлагает альтернативные позиции по делу о виновности своего подзащитного, нарушает и его право на защиту, и презумпцию невиновности, ведь защитник, являющийся полноценным участником уголовного процесса, безотносительно собственного внутреннего убеждения, не имеет права утверждать виновность доверителя вопреки его воле, как и не имеет право косвенно указывать на это.

Реализация принципа презумпции невиновности складывается из широкого перечня элементов. Некоторые из этих элементов пересекаются в том числе и с последним словом подсудимого. Как уже упоминалось ранее, нормативные правовые аспекты о последнем слове подсудимого отражены в ст. 293 УПК РФ. В сравнении со ст. 292 УПК РФ, которая аналогичным образом закладывает основы о прениях сторон, вторая имеет более лаконичное содержание.

В ст. 293 УПК РФ изложены скорее правила реализации последнего слова подсудимого. Потому что в ней отмечено то, что в ходе последнего слова подсудимому не могут задаваться какие-либо вопросы (ч. 1 ст. 293 УПК РФ), а также, что продолжительность последнего слова не может быть ограничена каким-либо временем и что председательствующий имеет право останавливать подсудимого, если излагаемые подсудимым обстоятельства не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу (ч. 2 ст. 293 УПК РФ). В этом трудно усмотреть аспекты гарантий в целом, а не только по отношению к принципу презумпции невиновности. Если же рассматривать положения о последнем слове подсудимого в доктрине, то имеется возможность утверждать, что право на последнее слово подсудимого является одним из элементов системы гарантий реализации принципа обеспечения права на защиту [9, с. 3].

Предоставление подсудимому возможности выступить с последним словом фактически дает ему возможность высказать свое отношение к обвинению, реализуя такое право. В практике встречались и продолжают встречаться такие случаи, когда в ходе предварительного

расследования, так и в ходе судебного следствия подвергнутое уголовному преследованию лицо не признает свою вину, а в конечном счете может прийти к признанию своей вины, сделав это как раз в ходе последнего слова. Но и обратная ситуация также возможна, потому что подсудимый может сделать вывод, что он заблуждался о каких-то обстоятельствах, по которым ранее дал признательные показания [6, с. 25]. Это, с учетом включенности в систему гарантий обеспечения реализации права на судебную защиту, видится достаточным аргументом для того, чтобы приходиться к действию принципа презумпции невиновности на таком этапе. Соответственно, последнее слово подсудимого тоже является одним из элемента гарантирования такого принципа.

Участники прений сторон или последнего слова подсудимого обладают правом сообщать какие-либо новые обстоятельства, значимые для уголовного дела. Также они имеют возможность предъявлять суду новые доказательства для исследования. Эти права, а точнее, их практическая реализация, делают актуальным право суда — право возобновить судебное следствие. Было бы ошибочно рассматривать возобновление судебного следствия в отрыве от реализации принципа презумпции невиновности. Так как с возобновлением судебного следствия вновь открываются прения сторон, и подсудимый получает право на последнее слово. Возобновление судебного следствия, в отрыве от прений и последнего слова, хотя с ними оно связывается нераздельным образом, — еще одна гарантия: установления истины, но также и презумпции невиновности. Такой вывод делается на том основании, что эта мера позволяет достигнуть обоснованности приговора и фактического осуждения лишь лиц, виновность которых доказана несомненным образом.

Основываясь на приведенных в исследовании положениях возможно прийти к таким выводам о рассмотренных вопросах: реализация принципа презумпции невиновности, как одного из центральных принципов уголовного процесса, состоящего в том, что обвиняемый невиновен до того момента, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в порядке, предусмотренном УПК РФ, как и пока не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда, слагаема из многих элементов. В том числе реализация этого принципа зависит от прений сторон и последнего слова подсудимого, как этапов судебного разбирательства: и в проблемном аспекте, и с точки зрения существования определенных особенностей.

В ряду самостоятельных правил обеспечения реализации принципа презумпции невиновности в контексте прений сторон и последнего слова подсудимого должно стоять то, что защитник не должен предлагать альтернативные позиции по делу о виновности подзащитного, потому что таким образом он будет нарушать не только право последнего на защиту, но и презумпцию невиновности, как не имеющий права утверждать виновность подзащитного вопреки его воле, косвенно указывать на это.

Предоставление подсудимому возможности выступить с последним словом фактически дает ему возможность высказать свое отношение к обвинению, реализуя такое право, в том числе признать вину или, наоборот. Этого достаточно для того, чтобы утверждать, что последнее слово подсудимого тоже является одним из эле-

мента гарантирования такого принципа. Возобновление судебного следствия — гарантия и презумпции невиновности, так как данная мера позволяет достигнуть обоснованности приговора и фактического осуждения лишь лиц, виновность которых доказана несомненным образом.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
3. Приговор Рязанского областного суда от 28.09.2023 по делу № 1-1/2022. — URL: <http://oblsud.riz.sudrf.ru> (дата обращения: 04.10.2024).
4. Апелляционное постановление Миасского городского суда от 09.06.2021 по делу № 10-28/2021. — URL: <http://miass.chel.sudrf.ru> (дата обращения: 04.10.2024).
5. Коряковцев В. В. Защитительная речь в суде с участием присяжных заседателей // Правоведение. — 2002. — № 2. — С. 109–122.
6. Петракова М. С. Проблемы реализации основных положений презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого // Право: история, теория, практика: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2019 г.). — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2019. — С. 22–26.
7. Лазарева В. А., Шестакова Л. А. Судебная речь по уголовному делу: учеб. Пособие. — Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. — 336 с.
8. Перлов И. Д. Право на защиту: учеб. пособие. — М.: Знание, 1969. — 79 с.
9. Саргаева Т. Ю., Сухова О. А. Прения сторон в суде апелляционной инстанции по уголовному делу и проблемы участия в них стороны защиты // Огарёв-Online. — 2017. — С. 1–5.

Отграничение умышленного причинения тяжких телесных повреждений от причинения тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой самообороны

Яралиев Тимур Загирович, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В статье автор исследует проблематику квалификации причинения тяжких телесных повреждений человеку.

Ключевые слова: уголовное право, причинение тяжких телесных повреждений, превышение пределов необходимой самообороны.

В уголовном праве Российской Федерации не редки случаи, когда возникают спорные ситуации в верной квалификации противоправных деяний. Зачастую, одно противоправное деяние можно квалифицировать сразу же по двум или даже более индивидуальным статьям уголовного кодекса [1].

Перед тем, как перейти к вопросу правильной квалификации, необходимо рассмотреть смежные статьи уголовного кодекса, понять в чем их сходство и различия. В данной статье мы постараемся разграничить смежные составы, представленные ст. 111 УК РФ и ст. 114 УК РФ.

Уголовная ответственность по ст. 111 УК РФ наступает в случае умышленного причинения тяжкого и опас-

ного вреда здоровью человека, которое подразумевает под собой потерю какого либо органа чувств (зрения, слуха), потерю речи либо потерю функции органа или самого органа, в том числе неизгладимое обезображивание, прерывание беременности, психическое заболевание, либо заболевание токсикоманией или наркоманией, утрату способности выполнять свои обязанности по профессии.

Объектом ст. 111 УК РФ выступает здоровье человека, объективная сторона выражается в форме действий либо бездействия, которые влекут за собой причинение тяжкого вреда здоровью человека, а также прямом или косвенном умысле.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, на момент совершения преступления которому исполнилось 14 лет, субъективная сторона выражается в виде прямого или косвенного умысла на причинение тяжких телесных повреждений здоровью человека.

Уголовная ответственность по ст. 111 УК РФ предусматривает квалифицированные составы преступлений, при рассмотрении квалификации в сравнении со ст. 114 УК РФ, нам будут интересны ч. 1–3 ст. 111 УК РФ, поскольку в ч. 4 ст. 111 УК РФ последствием причинения тяжких телесных повреждений выступает смерть потерпевшего.

Также при рассмотрении уголовной ответственности за деяния предусмотренные ч. 1–3 ст. 111 УК РФ, следует обратить внимание на наказание, а именно на срок лишения свободы:

- по ч. 1 ст. 111 УК РФ — предусмотрено лишение свободы сроком до 8 лет [ч. 1–3 ст. 111];
- по ч. 2 ст. 111 УК РФ — предусмотрено лишение свободы сроком до 10 лет;
- по ч. 3 ст. 111 УК РФ — предусмотрено лишение свободы сроком до 12 лет.

Как следует из ст. 15 УК РФ, преступления срок лишения свободы за которые составляет от 5 до 10 лет — является тяжким преступлением, свыше 10 лет — особо тяжким преступлением. Таким образом при квалификации уголовной ответственности по ч. 1–3 ст. 111 УК РФ может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет, при этом совершенное противоправное деяние будет тяжким или особо тяжким.

Перейдем к рассмотрению противоправного деяния, предусмотренного ст. 114 УК РФ, а именно ч. 1 ст. 114 УК РФ, по которой уголовная ответственность наступает за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, которое было причинено при превышении пределов необходимой самообороны.

В данной статье не рассматривается ч. 2 ст. 114 УК РФ, поскольку в ней фигурирует специальный субъект — должностное лицо, которое при задержании лица причинило тяжкий или средней тяжести вред здоровью.

Объектом ст. 114 УК РФ выступает здоровье человека, объективная сторона выражается в действиях, которые выражены в причинении тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой самообороны,

Субъектом выступает вменяемое лицо, которому на момент совершения выше указанного преступления исполнилось 16 лет, субъективная сторона выражена в виде прямого или косвенного умысла, при этом для ч. 1 ст. 114 УК РФ характерен особый мотив, а именно причинение телесных повреждения в целях защиты от общественно опасного посягательства.

Как следует из ч. 1 ст. 114 УК РФ, наказание за данное преступление предусматривает лишение свободы на срок до одного года. В соответствии со ст. 15 УК РФ, если за преступление наказание не превышает 3 лет лишения сво-

боды, то оно является небольшой тяжести. Вместе с тем, при совершении преступления небольшой или средней тяжести возможно освобождение от уголовной ответственности, в случае примирения лица причинившего тяжкие телесные повреждения с лицом которому данные повреждения были причинены [1, ст. 76].

При сопоставлении ч. 1–3 ст. 111 и ч. 1 ст. 114 УК РФ следует, что в обеих статьях объектом преступления выступает здоровье человека, объективная сторона предусматривает причинение телесных повреждений в форме действий, также схож умысел при совершении данных деяний.

Отличительными же особенностями является субъект преступления, при рассмотрении преступления предусмотренного ч. 1–3 ст. 111 УК РФ, субъектом является вменяемое лицо достигшее на момент совершения преступления 14 лет, в случае совершения преступления предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ — субъект преступления должен достичь 16 летнего возраста.

Также следует обратить внимание на то, что в законодательстве Российской Федерации имеется разъяснение касательно наступления возраста уголовной ответственности — человек считается достигшим возраста наступления уголовной ответственности не в день рождения, а по его истечении, то есть с нуля часов следующих суток [2, п. 5].

Рассмотрев основные черты ч. 1–3 ст. 111 и ч. 1 ст. 114 УК РФ становится понятным, что по ч. 1–3 ст. 111 УК РФ уголовная ответственность наступает за причинение умышленных тяжких телесных повреждений, а по ч. 1 ст. 114 УК РФ за причинение тяжких телесных повреждений, при превышении пределов необходимой самообороны.

Указанные статьи являются смежными, поскольку в обоих случаях потерпевшему причиняется тяжкий вред здоровью, однако ключевым для квалификации деяния является умысел при совершении преступления — по ч. 1–3 ст. 111 УК РФ умысел направлен на причинение тяжкого вреда здоровью, в случае с ч. 1 ст. 114 УК РФ — умысел направлен на прекращение совершения в отношении виновного лица какого либо преступления.

В качестве примера из практики можно привести следующую ситуацию:

А, достигший 16-летнего возраста, вместе с Б, достигшим 18-летнего возраста, находясь в состоянии алкогольного опьянения на улице у магазина стали приставать к девушке. Вышедший из магазина В, также достигший возраста 18 лет, увидев это заступился за девушку, в результате чего А. и Б. начали избивать В., который сумел вырваться от них и убежать за угол дома и подобрать неустановленный в ходе следствия предмет, обладающий колюще-режущими свойствами. А. побежал следом за В. и уже сбоку дома продолжил избивать В., который нанес один удар неустановленным предметом в область живота А., причинив своими действиями проникающее колюще-режущее ранение в брюшной полости, после чего выбросил предмет которым нанес ранение в неустанов-

ленное место и скрылся. С указанным ранением А. был доставлен в больницу, где ему оказали квалифицированную медицинскую помощь.

По результатам судебно-медицинской экспертизы, в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, А. был причинен тяжкий вред здоровью [3].

По данному факту в отношении В. было возбуждено уголовное дело по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ — причинение тяжких телесных повреждений с применением предметов в качестве оружия.

На допросах А. и Б. рассказали, что В. сам начал драку, в ходе которой нанес удар причинив вышеуказанное повреждение А. В ходе дальнейшего предварительного следствия, допрошенный В. показал, что нанес удар колюще-режущим предметом, поскольку опасался за свою жизнь и здоровье, показания В. подтвердила девушка, за которую он заступился, и камера видеонаблюдения. Кроме

того, при проведении очной ставки А. согласился с версией, рассказанной В.

В данном случае В. совершил деяние предусмотренное именно ч. 1 ст. 114 УК РФ, поскольку имелись основания опасаться за свою жизнь и здоровье, так как ему наносили телесные повреждения сразу два человека, при этом когда В. пытался убежать от драки, А. с целью продолжения причинения телесных повреждений последовал за ним.

Однако, согласно проведенной судебно-медицинской экспертизе, В. был причинен легкий вред здоровью, в связи с чем нанесенный им удар А. с причинением колюще режущего ранения не может быть признан необходимой самообороной, также как и умышленным причинением тяжких телесных повреждений.

При указанных обстоятельствах, если бы В. нанес удар колюще режущим предметом А. сразу же как вышел из магазина, то в его действиях был бы состав преступления, предусмотренный п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №3-ФЗ (ред. от 02.10.2024).
2. Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» № 1 от 01.02.2011 (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3 и от 2 апреля 2013 г. № 6, от 29 ноября 2016 г. № 56 и от 28 октября 2021 г. № 32).
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. N194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (с изменениями и дополнениями).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 43 (542) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 06.11.2024. Дата выхода в свет: 13.11.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.